

К ЧИТАТЕЛЮ

Лет десять назад в потоке новых изданий промелькнула практически не замеченная критикой книга Ж. Бордонова «Мольер», сочетавшая увлекательность хорошего исторического романа и научную глубину монографии. Но издательство, выпустившее книгу, ни словом не обмолвилось, кто ее автор — писатель, ученый, из какой страны родом? И вот лишь теперь российский читатель получает возможность узнать, что книга о Мольере — не одинокий «остров в океане», а всего лишь часть целого творческого материка Жоржа Бордонова, причем материка, давно открытого всему читающему миру, но почти неизвестного нашим любителям историко-приключенческой литературы.

Жорж Шарль Альфонс Бруно Бордонов (G. Bordonove) родился во Франции 25 мая 1920 года; закончил факультеты филологии и права университета в г. Пуатье. Он — глубокий знаток истории, живописи, музыки. Первые исторические романы написал в начале пятидесятых годов и с тех пор выпустил их более десятка. Кроме того, его перу принадлежит ряд исторических исследований — таких, например, как двухтомная история Парижа, книга о франко-английском соперничестве, начиная со средних веков и до второй мировой войны.

Перед Вами, уважаемый читатель, первые переводы на русский язык исторических романов французского писателя и ученого. В многовековых пластах истории Ж. Бордонов чувствует себя удивительно свободно. Памятники культуры служат для него источником, из которого он черпает сюжеты для своих произведений, точные и яркие детали быта, помогающие угадывать правду характеров, поступков, страстей человеческих.

Впервые издавая на русском языке избранные историко-приключенческие произведения Ж. Бордонова, акционерное издательство «Прибой» открывает для российского читателя одного из интереснейших писателей Франции.

Жорж Бордонов АТЛАНТЫ

Для начала вообразите себе ветреную ноябрьскую ночь, деревенский дом и ребенка, лежащего на своей железной кровати. Дом так стар, так затерян в пространстве и во времени, что освещение здесь составляют лишь керосиновые лампы, и их оранжевые язычки покрывают сажей стеклянные трубки. Этот свет, колеблющийся на скатерти с бахромой, на краешке кровати, выхватывает из мрака несколько лиц, явившихся «по случаю», падает на их короткие прически и поблескивает стеклами очков одного из тех лекарей минувшей эпохи, которые соглашались в любое время года, днем или ночью, отправиться в сельскую местность на невообразимо старых авто, стреляющих искрами, или даже в двуколках.

Доктор закрывал свою огромную дорожную сумку из кожи, бормоча себе в бороду какие-то слова вежливости и сочувствия. По той натянутости, которая слышалась в его голосе, по суетливости, с которой он прощался, чувствовалось, как тяжело ему было произнести приговор и как его изводило собственное бессилие, невозможность хоть чем-то помочь. Ребенок «отходил», выражаясь меланхолическим языком провинции, это был только вопрос времени — часов, а может, даже и минут. Он дышал прерывисто, и зеркало, которое подносили к его рту, запотевало едва заметно. Это все из-за проклятой прививки и грязной иглы! Словом, ребенок умирал, лежа в темной комнате, мучимый лихорадкой и какой-то, тогда еще неизлечимой, неизвестной болезнью. Вокруг него эти лица, лица старательно вздыхавших соседей и соседок, теперь уже позабытые, а снаружи, над ветхой кровлей, за растрепанными бурной ночью стропилами, бушевали великие хоры природы, грохот которых утихал лишь с зарей. Он больше не чувствовал боли. Он не слышал теперь ничего, кроме этого воя и свиста, доносящихся с небес. Его детская душа уже начала блуждать по округе, среди прозрачных и колючих кустов.

Потом ребенок закрыл глаза. Соседи решили, что он перестал дышать, и один из них сказал:

— Все!

Но какая-то полная женщина закричала, словно разъяренный или раненый зверь, вытащила его из влажных простынок, взяла на руки, прижала к груди, словно хотела укрыть своим огромным телом, сообщить ему тепло своей крови, биение собственных артерий. Это было безумие! Но никто не смел помешать ей: все было кончено, и этот ребенок был ее сыном. От каких варварских верований, от какой неукротимой и нежной магии прошедших веков родился этот отчаянный жест? Женщина и сама этого не знала, но ее тепло согрело остывающее тело, ее воля оживила обессилившее сердце, грудь ребенка вдруг поднялась, и его огромные, неподвижные глаза снова открылись...

Он не увидел ни черной шерстяной ткани, в которую упирался лбом, ни лампы, ни круга удивленных лиц. Он увидел море, оно поднималось из самой дали неведомого горизонта. Он увидел бегущие валы, гонимые ветром, обрушивающиеся и рассыпающиеся водопады, бесконечную равнину, словно белую пену, оттененную распаханными движущимися бороздами. Какой-то корабль несясь под одним-единственным парусом, клонясь к воде. За кормой оставались дышащие огнем горы, город, погружающийся в бездну. Корабль приближался с головокружительной быстротой, уже были видны конская голова, украшающая нос, и металлические пластины, которыми были обшиты его борта. На корме в одиночестве стоял человек в шлеме и латах, неподвижный, словно статуя. Он, видно, был неподвластен силе страха. Наконец он прошелся по корме этого безумного судна, совсем близко, и ребенка потряс его пылающий взгляд.

...Таково мое первое воспоминание.

Как бы глубоко я ни погружался в ту темную пропасть, которая есть в душе всякого человека, я встречаю там этого неизвестного странника в шлеме и латах.

Много лет спустя, впервые оказавшись у моря, я увидел ту же странную картину. Из-за какой-то неисправности в машине мы приехали в гостиницу только под вечер. Тотчас же я побежал к берегу. Море оказалось огромным и темно-зеленым существом, оно лизало песок, оно пребывало в постоянном движении, простиралось до бесконечности, до самого края заходящего солнца. Опускающаяся ночь перекрашивала облака. Птицы, названий которых я не знал, проносились над гребнями волн, почти касаясь их, и кричали скрипучими голосами. Вечерний бриз шуршал в ветвях кустарника, который покрывал дюну, словно взъерошенная шевелюра. По какой-то причуде этого умирающего света горы, охваченные огнем, качнулись на краю горизонта. Кровли, крепостные стены и купола городских храмов сверкнули перед тем, как их затопила кипящая вода. Корабли с высокими форштевнями, украшенными лошадиными мордами, с корпусами, обшитыми красноватыми пластинами, растерянно метались, пытались спастись. Но и они исчезали один за другим, пропадали, как пропал город и огненные вершины. Мгновение спустя на поверхности моря остался лишь один корабль, спешивший к берегу и приближающийся очень быстро. На корме его стоял воин в латах и шлеме. Взгляд его был решителен и одновременно печален, непреклонен и, однако ж, исполнен мрачной необъяснимой тоски.

Потом, уже в лицее, раскрыв перевод Платона и впервые узнав это чудесное название «Атлантида», прочитав описание ее столицы и страшный рассказ о ее падении, в какой-то миг я ощутил, что забытое видение снова захлестнуло меня. Я увидел вместо черных букв, испестривших страницу, знаменитый город с Золотыми воротами, зажатый грохочущими и испускающими дым вершинами, тройное кольцо крепостных стен, каналы, порт, утыканный мачтами и изогнутыми форштевнями, набережные, застроенные складами и богатыми дворцами, заполненные грузчиками, моряками, солдатами, торговцами... Затем все это поглотила бездна, оставив на поверхности только бегущую флотилию, из которой спаслось лишь одно судно, уносящее единственного путника, облаченного в доспехи.

С тех пор всем стало понятно, что Атлантида почти никогда не ослабляла надо мной своих чар, занимая полностью мои мысли.

Мое стремление оживить незавершенную и смутную картину знанием истины было призвано поддержать вдохновение, всякий раз охватывавшее меня при этом видении, вновь и вновь возрождавшееся при виде моря. То, что было с самого начала лишь зыбким и неясным, стало для меня после прилежных штудий и внимательного изучения всего, что уже было написано об Атлантиде, достоверным. Не важно, что некоторые сочтут необходимым улыбнуться этому безапелляционному заявлению и недоуменно пожать плечами в ответ на столь решительно высказанное убеждение. Они принадлежат к той скудоумной породе людей, которая отказывалась поверить в существование Трои, «мифического» города, выдуманного слепым стариком Гомером, до тех пор, пока она не была открыта в точности такой, как он ее описывал. И зачем отрицать заранее существование Атлантиды, приписывая Платону заблуждения? В своем «Тимее» и «Критии» он ссылается на вполне серьезные источники: сохранные саисскими жрецами архивы. Исчезновение документов ничего не опровергает.

Кроме того, множество соображений подтверждает его рассказ об Атлантиде, владычице мира, некогда погребенной волнами. У всех народов, во все века, в каждой священной книге ясно выражается тоска по утерянному раю, блаженной земле — большом острове, овеваемом теплыми ветрами Атлантики. Эти поэмы, сказания и описания, лиричные и печальные, суть ветви одного дерева, сплетенные, выходящие, повторяющиеся бесконечно и колеблемые все тем же дыханием вечности. И везде, в каждой душе, открытой впечатлениям, идея эта жила, становясь понемногу — ибо остров не был никем найден — Обителью Блаженных. В египетской Книге Мертвых она названа страной Нод. В античной мифологии — Эллизиум, Огигией, Островами Удачи, Садам Гесперид (дочерей Ночи), где зреют золотые яблоки. Для кельтов она стала Островом Героев, Землей Юности, Страной Живых,

Долиной Наслаждений, «самой красивой, как говорят, и самой плодородной» (Платон, рассказ Крития). Для валлийцев это остров Авалон, место, где растут все те же заколдованные яблоки и живет великий король Артур, получивший бессмертие. Для первых христиан это была Земля Обетованная, для ирландцев — Туле, Зеленые Острова Течений (Гольфстрим?), для ацтеков — Тула. Когда конкистадоры захватили императорский дворец инков, они увидели фруктовые деревья, выкованные из металла; на ветвях их висели яблоки из чистого золота — отголосок какой традиции?

Кроме того, всюду повествуется и о Потопе, о его причинах и последствиях. «И вот Зевс, бог богов, соблюдающий законы, хорошо умея усматривать то, о чем мы говорили, помыслил о славном роде (атлантах), впавшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию...» (Платон, рассказ Крития). Будь это Африка, Америка, Европа или Азия — память об ужасном катаклизме оставила свой отпечаток. И везде, после того как божественный гнев утихал, появление радуги и птицы, а иногда белого древа знаменовало искупление грехов.

Еще более странным представляется необъяснимое, но явное родство, существующее между ремеслами, обычаями, политическими системами, конфессиями, символикой и письменными свидетельствами доколумбовой Америки и жителей Евроафриканского континента. Пирамиды сооружались не только в Египте, Эфиопии и Армении, но и в Мексике, на Юкатане, в Сан-Сальвадоре и Гватемале. Ложный свод можно встретить и у этрусков, и в Мексике. Скарабей египетских фараонов используется и в мексиканских магических обрядах, причем в одной и той же манере. Египтяне, верившие в воскрешение плоти, мумифицировали умерших, чтобы их души, завершив свои блуждания в царстве теней, возвращались в свои земные обиталища. Народы доколумбовой Америки делали совершенно то же, с такой же целью, как, кстати, и гуанчи, последние потомки легендарных атлантов, в те времена, когда нормандец Жан Бетанкур бросил якорь у Канарских островов. Устройство почти всех государств древней Америки было теократическим, подобно тому, как власть египетских жрецов концентрировалась в фараоне, верховном жреце. И хорошо известна жестокость, с которой римляне истребляли друидов в Галльской войне; друиды были единственной сплоченной и грозной силой. Свастика, которая, развернув наоборот свои ветви, сделалась мрачным символом нацизма, встречается по обе стороны Атлантики, означая постепенное приобщение души к совершенству. Точно так же распространены и изображения солнца, словно отсвет Верховного Существа, дающего жизнь всему на земле, и змея, образ Земли, и голова Горгоны, олицетворяющие божественное всеведение.

В конце концов, логично предположить в определенный момент истории человечества существование некоего материка между Америкой и Евроафрикой или, по крайней мере, большого архипелага, который бы сделал возможными путешествия по безбрежному Океану, допустить возможность общего источника этого пучка цивилизаций. Быть может, в течение вот уже двадцати столетий наша интеллектуальная жизнь строится на фундаментальной ошибке, которую выражает поговорка «Ex Oriente lux»¹. Факты говорят обратное — свет для нас исходит не с Востока. Ацтеки провозгласили учителем и искупителем Кецалькоатля (Дракона), явившегося из своего царства на острове Тула, к северо-востоку от Мексики, Современные гуарани почитают национальным героем и своим прародителем Тамандуара, единственного из «Города Искрящихся Крыш» оставшегося в живых. Вавилонский Ноэ тоже происходит с какого-то большого острова на Западе. Пеласги (первобытные греки) называли себя сыновьями морского бога Посейдона, основавшего государство атлантов. Что касается финикийцев, то они производят свое имя от «феникс» (красный), ибо в незапамятные времена кожа их, как и у индейцев, имела красноватый оттенок. В Бразилии были найдены надписи, напоминающие иероглифы египтян, письмена шумеров и финикийцев. Иероглифы Канарских гуанчей невероятно похожи на значки

¹ С Востока свет! (лат.).

этрuscoго, древнеэгейского и рунического письмен. Ифе в Нигерии, священный город йоруба, свидетельствует о необычно высоком уровне цивилизации, просуществовавшей до XVII века, когда началась работорговля. Развалины, найденные в Родезии, отмечены той же необъяснимой законченностью и совершенством. Большинство обрядов йоруба восходят к ритуалам, совершавшимся прежде обитателями доколумбовой Америки. В Западной Африке некий британский майор был однажды свидетелем того, как целое племя, собравшись на берегу моря, встречало с почестями пирогу, в которой сидели двое туземцев, тела которых были выкрашены белой краской. Он поинтересовался, что означает эта странная церемония, и ему сообщили, что обряд этот установлен очень давно, в память явления белых вождей, давших племени законы и вершивших правосудие.

Примеры такого рода столь многочисленны, что могли бы занять целый том. Это воспоминания о высоких белых людях, которые являются со своего неведомого острова, чтобы учить народы искусствам и ремеслам, и исчезают, гонимые духами зла, как Дракон ацтеков.

Что же следует из всего сказанного, и прежде всего — из рассказа Платона, краеугольного камня веры в подлинность Атлантиды, и тысяч томов книг, которые он породил? То, что за 9600 лет до нашей эры существовал континент или, вернее, огромный архипелаг, грандиозная империя, столицей которой был Посейдонис. Она включала в себя нынешнюю Северную Африку (Ливия), простираясь до Египта, Европу до Тирренского моря (Этрурия), занимая западное побережье Англии, Франции и Испании (Пиренейский полуостров), часть Американского континента, главным образом, центральную и южную. Зона влияния империи, расширяемая торговыми колониями, как, например, впоследствии у финикийцев и карфагенян, распространялась и на Грецию (пеласги), и на западную, и, может быть, южную часть Африки. Географические очертания планеты были совершенно иными: Ла-Манша не существовало, Европу продлевала на запад та часть материка, которая теперь покрыта водой, Сахара была морем, а устья рек представляли из себя широкие лиманы.

В считанные дни Атлантида исчезла, погребенная страшным вулканическим взрывом и смытая огромной волной, вызванной, возможно, приближением к Земле кометы. Ее погружение в пучину — это была цепная реакция — повлекло за собой затопление части Европейского (вспомнить хотя бы бретонский город Ис!) и Африканского побережий, отделив Англию от Франции, сильно увеличив Средиземное море, превратив Сахару в пустыню и изменив очертания берегов Америки: мертвый город Тиауанако в Боливии, находящийся сейчас на высоте 3500 метров над уровнем моря, был когда-то портом. Несомненно, именно этот катаклизм получил в Библии наименование Всемирного Потопа.

Мог ли остаться в живых кто-нибудь из атлантов? Разве только те, кто успел добраться до своих кораблей, да и то, учитывая состояние моря после катастрофы, вряд ли многие из них смогли спастись. Могли выжить и те, что находились вдали от родных берегов, в колониях, которые пощадили стремительные воды, если только потом их не истребили восставшие аборигены. Вполне вероятно, что уцелели и небольшие племена, поселившиеся отдельно, как, например, баски, тоже пришедшие, если верить их легендам, с огромного острова в океане, или гуанчи, сохранившиеся каким-то чудом. И несмотря на тысячелетние миграции и смешанные браки, в чьих-нибудь жилах, может быть, бродят еще остатки крови атлантов!

От гордой же империи остались лишь вершины древних гор, разбросанные по бесконечным просторам океана: Азоры на севере, в центре — Мадейра и Канарские острова на юге, да нескончаемая тоска по утраченному Эдему в человеческих сердцах.

Долгое время рассказ Платона вызывал только скептические усмешки. Но в 1858 году в сотне километров к северу от Азор якорь судна, прокладывавшего подводный кабель между Англией и Соединенными Штатами, поднял на поверхность с глубины 3000 метров окаменевшие обломки базальта. Анализ этой породы свидетельствует о совсем недавнем (конечно, в сравнении с возрастом нашей планеты) континентальном разломе. Эти обломки составляют пока единственное «вещественное» доказательство истинности слов Платона. Но

приближаются времена, когда акванавты, рыцари подводных ущелий, смогут опускаться и на такие глубины. Они отыщут наконец то, что осталось от города с Золотыми воротами, — руины, облепленные водорослями и населенные лишь обитателями морей. Они заставят человечество переосмыслить Историю. И тогда оно обретет вторую молодость, более того, веру в волю судеб.

Таково изложенное вкратце «атлантическое дело». Но обилие фактов, параллелей, выводов, оценок вряд ли позволило бы мне написать эту книгу, если бы однажды на одном из островов Канарского архипелага...

Это был один из тех дней, которые наверняка случались в жизни каждого человека, когда все надежды рушатся, когда мучит тайная печаль или старая обида, считавшаяся забытой, один из тех мрачных моментов, когда никчемность собственного существования и тщетность любых стараний предстают во всей горькой и отнимающей силы очевидности, когда приходится повторить вслед за принцем Гамлетом его известную альтернативу.

Мудрствуя подобным образом, я пробирался по извилистой горной тропе и скоро сбился с дороги. Сквозь клубы дыма, выходящего из скалы, среди буйной листвы я разглядел одинокий дом. Он возвышался на краю старого кратера, посреди террасы, засаженной лимонными и апельсиновыми деревьями.

«Последний сад Гесперид», — подумал я, окидывая взглядом окрестности. Солнце, нависающее над морем между рваными краями вершин, казалось мне каким-то металлическим морским ежом, осыпающим свои иголки в воды, похожие больше на жидкую ртуть. Этот белый свет придавал скалам, растениям и камням под ногами безжизненный и суровый вид. Собиралась гроза. Я вошел в дом, когда первые капли застучали по крыше. Старуха месила тесто для пирогов. У нее была светлая кожа, глаза зеленые и изменчивые, как море, и незабываемое юное лицо. Она жила одна среди этой вечной природы.

Хозяйка сказала мне, что спускаться в город слишком поздно, хотя гроза не будет продолжительной: ночь застигнет меня в дороге. Я вынужден был остаться. Она принесла ужин, а потом долго расспрашивала о том о сем. Узнав, что привело меня на остров, она замолчала и, несколько поколебавшись, с видимым усилием начала свой рассказ. Это была изложенная со многими подробностями чудесная история атланта Гальдара.

Незначительное это происшествие позволило мне наконец-то узнать имя таинственного человека в шлеме и доспехах, столь занимавшего мое воображение.

Она показала мне свои немногие богатства, скромное наследство стольких поколений, вынесенное в наш век, словно обломки великого кораблекрушения. Обожженная глиняная плитка, испещренная иероглифами, треугольные и квадратные печати, которые испанцы и завоеватели окрестили «пинтадерами» (они служили древним гуанчам для татуирования родовых знаков), и, наконец, кусочек блестящего металла, столь истертый, хрупкий и истонченный временем, что невозможно было определить, медь это или золото... с едва различимым изображением солнца в виде человеческой головы и туловища морского конька. Женщина сказала мне, что она происходит из племени гуанчей, далеких потомков Гальдара...

Вот и все. Быть может — хотелось бы надеяться, — пересказ этого дневника, в котором действительность и самые здравые рассуждения идут рука об руку с мечтами, с разрозненными мифами, где прошлое и будущее часто связаны неразрывно и где рассудок не всегда стремится опровергнуть доводы сердца, — может, этот пересказ окажется бесполезным.

Часть первая

1

Был конец летнего дня. Нод любил это время, когда город вспыхивает последним сиянием, неожиданным и мучительным блеском, перед тем как погрузиться в синюю тень, подобно сновидению.

Под вечер дня, целиком заполненного заботами, он никогда не забывал предоставить себе это мгновение отдыха и успокоения. Он не чувствовал себя уставшим от нескончаемых дел, часть из которых оказывалась бесплодной, или бремени своего высокого положения, которого он так страстно добивался; он приходил сюда поразмыслить. Его разум здесь черпал новую силу, здесь пробуждалась к жизни его гордость.

С этой террасы, самой высокой в императорском дворце, с мраморными плитами и стойками балюстрады, его взгляду открывалась вся столица, мозаика кровель, храмов, статуй и пирамид, концентрические каналы, заполненные кораблями, прибывавшими из всех частей света, известных и неведомых, чтобы доставить запасы слоновой кости и амбры, золото и медь, дичь, рабов и велеречивых князьков, а за зубчатыми крепостными стенами — бескрайнее море. Когда он поворачивал голову, то видел широкую долину, усеянную деревенскими домиками и разбитую на квадраты нитями водопровода, простирающуюся до самых гор, над вершинами которых уже загорались первые ночные огни.

Но он, властитель этого огромного города, Атлантиды, соседних островов и бесчисленных земель, разбросанных по всему миру, приходил сюда не для того, чтобы упиваться своим могуществом. То, что его столица Посейдонис стала красивейшим из городов, не удивляло. Разве и сам он не величайший из императоров? Не ему ли усердно шлют ежегодную дань, не ему ли предназначены все эти дары и подношения, не перед ним ли заискивают люди, умоляя о заступничестве и поддержке?

Это был полный, широкоплечий мужчина пятидесяти лет, с огромными темными глазами, наполовину прикрытыми веками, и с локонами, закрывавшими его чело и опускавшимися назад, к украшенному ветвями затылку. Плотные сжатые влажные губы были почти не видны из-под черных, как и волосы, завитых кверху усов. Чрезмерно длинные брови доходили до узких висков. Неестественно матовой была кожа лица и рук, странно утонченных, маленьких, почти женских, точно их изваяли из мрамора. Он сидел на скамье со спинкой. Золото поблескивало на поясе, темно-синей тунике и туфлях с загнутыми носками. Он играл своими перстнями, разглядывая тысячи домов, окружавших его дворец и разделяемых каналами, заполненными теснящимися судами.

Город был погружен в теплый вечерний свет. Заходящее солнце осыпало золотой пылью фасады его домов и корпуса кораблей. Нод всегда ожидал этого короткого мига, когда крепость и дворцы наконец вспыхивали, мерцая в косых лучах, словно охваченные гигантским пожаром, за минуту до того, как ночь начинала расцвечивать своими звездами небесную твердь, светильниками — фасады домов, факелами — пути дозоров. Лишь в эти мгновения озарялись светом самые потаенные глубины его души, ибо разум его всегда был насторожен и гнал от себя эту бессмысленную радость, недостойную его положения. Но рассудок его — а вернее, тот политический демон, которого он носил внутри, — не позволял ему терять время, откликаясь игрой света и меланхолией сумерек. Он с точностью до каждого слова припоминал фразы, которыми обменялся или услышал в течение дня: слова послов и секретных агентов, уполномоченных от обществ, губернаторов провинций и иностранных князей. Из этих льстивых и угодливых речей он пытался извлечь неопределенную и сомнительную истину. Только иногда Нод позволял себе вздохнуть, ибо сдерживаемая злоба, презрение, укрываемое тщательной улыбкой, планы завоеваний и неутоленное желание мести бурлили в нем, словно низвергающийся в пучину водопад, и лишали душу покоя. Эти движения души, которые он ощущал столь остро, одновременно мучили и увлекали его. Таким был его способ, говорил он сам, сохранять то, что оставалось ему от молодости.

Он снова перевел свой тяжелый взгляд на улицы, одинаковые при свете огромного диска, и этот мирный вечерний свет наполнил его. В какой-то момент, то ли из желания позабавиться, то ли играя с самим собой, он позволил этому изнеможению, этой неге,

которая была его слабостью или, может, его истинной человеческой сутью, обогнать свои мысли... Он жестко расхохотался над самим собой, приоткрыв безупречные зубы, матово светившиеся в наступающих сумерках. Осознание своего господства над собственными чувствами и мыслями наполнило его радостью. Его было достаточно, чтобы избавиться от тех немногих сомнений, которые он еще был способен испытывать: «Вот поэтому-то я и торжествую! Я был сильнее других, я предназначен для власти. Они должны были погибнуть или покориться; это закон природы». Эта мысль вдруг пронзила его и освободила от тех колебаний, которым он все-таки был подвержен.

Сзади послышались шаги. Появился чернокожий слуга, обнаженный до пояса и с бичом в руках, за ним следовал старик в митре, надвинутой на лоб. Нод даже не пошевелился. Его черты не выражали ни малейшего интереса к тому, что происходило рядом с ним. Он полностью доверял своему телохранителю.

— Оставь нас!

Нод соизволил наконец обратить внимание на того, кто склонился перед ним в почтительном поклоне:

— Подобаает ли великому жрецу так благоговеть перед земным творением? Встань.

Его низкий голос был почти задушевен и не лишен очарования.

— Видимо, справедливо, — продолжил он, не меняя тона, — что земного в тебе столько же, а то и более, чем небесного. Но усаживайся, друг мой.

Пришедший поспешил повиноваться. Он единственный обладал правом, которое не мог бы и вообразить себе простой смертный: беспокоить императора, если это представлялось необходимым, в любое время дня или ночи, и неплохо использовал свое положение. Между тем то, что он должен был сообщить императору сегодня, беспокоило его; он склонился так, что его лицо, цветом напоминающее пергамент и усыпанное веснушками, едва не касалось узловатых коленей. Лысый, безбровый, он был похож на хищную птицу со своим крючковатым носом, бледными тонкими губами и тусклыми глазами, от которых, словно ручейки застывшей лавы от кратера, разбегались тонкие морщины.

— Говори, ты ведь за этим явился. Что случилось?

Это был лучший и искуснейший из тайных осведомителей императора, обязанный ему всем и доставлявший всегда самые верные сведения. Он не требовал для себя ничего, лишь наслаждался самой неуловимой для неопытного глаза ролью секретного агента. Нод выбрал человека, достойного той вершины пирамиды священнослужителей, на которую он его возвел в награду за таланты и старания. Это положило конец бесконечной, изнуряющей вражде между верховными жрецами и императором, Жрецы в Посейдонисе еще внушали суеверный трепет, к их мнению прислушивались, и император мог спокойно править, удерживая в руках все нити.

— Ну так что, мой любезный Энох? — спросил он, стараясь ободрить собеседника, но его темные глаза, глядевшие неприветливо, задержались на запыленном лице визитера.

— ...Девы из храма Посейдона предвещают странные вещи. Они говорят, что разгневанные боги готовят нам кару.

— Они сошли с ума! Если они не перестанут, я найду способ их унять.

— Увы, великий, это не в твоей власти, ибо они посвятили себя Посейдону, нашему божественному отцу. Наши грехи искупаются их постами, умерщвлением плоти и молитвами.

— А твоими, старый плут? Это все?

— Нет, господин...

— Говори, не бойся. Какой-нибудь мятеж, тлеющий под пеплом? Или заговор против меня?

— Нет, господин. Еще одно пророчество, косвенно оно касается и тебя.

Нод расхохотался раскатисто и громко. Это был не тот радостный смех, которым смеются довольные жизнью люди, и даже не вызывающе презрительный хохот, это был

скорее невыносимо тягостный крик, крик веселой ярости, обнаживший ряд жестоких волчьих зубов. Он резко выпрямился и с силой встряхнул костлявое плечо старика:

— Только не меня! Не твоего императора! Прибереги свои глупые шутки для кого-нибудь другого!

— Умоляю, господин, выслушай меня!

— Я ненавижу пророчества, этот темный язык прорицательниц из гротов и сумасшедших астрологов. Следить за судьбой не в нашей власти, старый дурак, к счастью, не в нашей! Звезды молчат. Мы стоим на Земле. Почему же, спросишь ты, я не знаю, а смеюсь. Я люблю реальное, прочное, осязаемое, настоящее и живое. Непонятное, то, что страшит меня, я сокрушаю или, если не в силах побороть, избегаю — ты прекрасно это знаешь!

— Да, господин. Речь идет о твоём сыне, достопочтимом принце Доримасе, во всем достойном твоего величия.

— О Доримасе?

— Дело весьма серьезное.

— Я отправил его с миссией за ливийские земли к пеласгам... С особым поручением, во главе разведывательной флотилии... Кто мог, кто посмел помешать мне, я тебя спрашиваю? Правда, я отправил его с мирными намерениями, я бы даже сказал, отдохнуть и развлечься. Но это поручение дает ему возможность повидать мир, поучиться искусству править — будущему ремеслу императора — и пополнить свои познания в науках. Я вырвал его из лап наших риторов, пока они не сделали из него болвана, а стараться им оставалось недолго.

— Самая почитаемая из Священных Дев, та, на которую Верховное Божество нисходит прежде всего, та, что пользуется Его возвышенной любовью, утверждает, что принц Доримас на пути в Посейдонис... Ей было открыто, что он сейчас в море, в одиночестве и печали, пронзающей всю его душу.

— Это что еще за нелепые рассказы?

— Еще она говорит, что принц идет к Атлантиде на всех веслах и что это непредвиденное возвращение принесет большие перемены.

— Никогда мой сын не посмеет нарушить данного мне слова и никогда не решит вернуться раньше назначенного мною срока, а только выполнив возложенную на него миссию.

— Кто, кроме Вседержителя, знает это, господин?

— Довольно! Если Он и существует, думаю, что у него найдутся более серьезные заботы. Ведь, согласись, Он просто забавляется, нашептывая всякие сказки на ушко нашим Девам, которые, кстати, сгорают от нетерпения распрощаться со своей девственностью. Ну, согласись же.

— Ваше величество, вы меня недооцениваете. Небеса столь же близки мне, сколько и грешная земля, а может быть, и более.

— О, лжец! Ты как птица, скачущая по ветвям дерева и собирающая там себе корм, а потом поднимающаяся к заоблачным высотам, но с набитым внизу брюхом.

— Ты, господин, стало быть, не веришь в Верховное Божество, подателя всякой жизни? Стало быть, мой владыка не верит ни во что?

— В себя верю! Да, да, в себя! Судьбы не существует на самом деле, ибо я ее создаю и леплю. Все эти дома, корабли я могу уничтожить одним кивком головы. Могу вычеркнуть из книги живых этих матросов, которые швартуются там и бегут по девкам. Могу разрушить этот дворец и снова возвести его в другом месте, даже на вершине наших гор, если мне придет это в голову. Могу покорить всю землю и подчинить себе все народы. Могу венчать рабов на царство и превращать королей в рабов. Я здесь господин. Где же твое Верховное Божество? Что оно делает? Отвечай! Мои руки покрыты кровью моих менее удачливых соперников, и тем не менее они чисты и незапятнанны! Их орошают слезы вдов и сирот, но они, однако, совершенно сухи! Меня не мучит ни совесть, говорю я тебе, ни страх, ни

возвышенные мечтания. Я мог бы даже, если бы меня посетила такая фантазия, разогнать всю эту свору, которая убаюкивает людей несбыточными надеждами, своими маскарадами лишает мужчин мужества, искажает истину и иногда заставляет отступать даже меня, императора!

Энох подавил на своем лице гримасу, которую непосвященный вряд ли мог бы истолковать как улыбку. Он привык к этим всплескам красноречия, когда Нод, влекомый своим гением (которого в нем нельзя было не признать), ослаблял поводья, сдерживающие обычно его мрачное воображение, и давал ему волю. Он знал, какие чувства на самом деле питает к нему великий жрец, и был уверен в его умении молчать. Между ними иногда случались подобные сцены. Они были единственными знаками дружбы, которые Нод мог себе позволить выказать простому смертному.

— Не бойся, — добавил Нод, приходя в себя. — Я слишком тебя люблю, чтобы причинить тебе хотя бы малейшую неприятность.

— Тем более что «эта свора» готова признать тебя божеством.

— Ты о чем?

— Это окажет — решение уже почти принято, и затруднений не предвидится — прекрасное воздействие на людей. Твоя личность будет священна. Раз уж ты ни во что не веришь, согласишься, по крайней мере, признать, что Вседержитель воплотился в тебе и глаголет твоими устами. Делегация наших сановников будет просить у тебя аудиенции для этого. Ты ведь их примешь? согласишься постичь наши таинства?

— Чтобы сделаться вашим должником или даже покорным исполнителем вашей воли?

— Чтобы сделаться нашим высшим и неоспоримым владыкой. Твои слова, не забывай этого, будут исходить от бога...

Воцарилось молчание.

— Быть божеством на земле, — сказал наконец Нод, — вот что лучше всего выразило бы то, что я сам ощущаю. Ты понимаешь, что я говорю? Божеством, не знающим сожалений, руки которого не обгажены кровью, не вытирали слез. Божеством жестокой и слепой судьбы хотел бы я стать на Земле. Я хочу этого, Энох.

Снова повисло молчание, полное недосказанности. Нод переменял тему:

— Так ты мне рассказывал о Доримасе.

— Экипаж одного корабля, пришедшего с севера, который причалил сегодня днем, заметил его, обгоняя...

— Быть не может, чтобы какое-то торговое судно могло «обгонять» мои боевые галеры!

— Если верить рассказам матросов, на корабле не было и половины его весел. Он казался почти безлюдным и шел под малыми парусами.

— Я повторяю тебе: это невозможно!

— Они узнали флаг твоего сына: два трезубца со скрещенными древками и корона. Других судов они не видели. По их словам, было похоже, что корабль горел. Носовая часть его повреждена.

— Наверное, буря разбросала флотилию! Один из тех ураганов, которые так часты летом. А Доримас, владеющий судном лучше, чем остальные его капитаны, вырвался вперед. Да и галера его — самая быстрая в моем флоте... Как бы там ни было, распорядись, чтобы эти болтуны были сейчас же арестованы и надежно припрятаны, а с ними и начальник полиции, который ничего не доложил мне: если дело подтвердится, он будет казнен... вместе со своими изощренными оправданиями... Я не перестану вопрошать себя, что же могло случиться с Доримасом...

— Думаю, что ничего, способного бросить тень на твое славное имя. Добрая кровь должна хорошо проявить себя.

— Не сомневаюсь.

— Завтра мы будем знать точно.

— Да, завтра...

Неожиданно император разразился смехом и, когда успокоился, произнес:

— Если бы я поверил хоть в одно слово из твоей нелепой истории, дозорная флотилия уже снялась бы с якоря. Впрочем, не следует этим северным пропойцам позволять слишком много болтать.

— Не следует, мой господин. Твоя мудрость всегда превышает обстоятельств.

2

Небо было совершенно красным, словно выкрашенное пурпуром солнца, похожим на разметающуюся на ветру жаровню, подвешенную над горизонтом в самом его центре, над длинной цепью гор с тремя возвышающимися заснеженными вершинами, острыми, точно стрелы, и напоминавшими герб Атлантиды — трезубец. Казалось, языки пламени лизали их отвесные склоны, но постепенно они теряли свою яркость: голубоватый туман, поднимавшийся из расщелин и долин, скрадывал и заглушал их блеск. Облака были обрамлены снизу алой бахромой. Но, приближаясь к зениту, эти отсветы бледнели, становились оранжевыми, затем их оттенок делался зеленоватым, меняя цвет, как гигантская радуга, и, наконец, исчезал на другой стороне небес, там, где начиналась ночь. А снизу, под этим цветным небом, слабо колыхалось море. Его бледное покрывало, усыпанное пурпурными блестками, местами поднималось, скользя с задумчивой медлительностью, чтобы раствориться и появиться вновь, перед тем как еще раз исчезнуть. Красная дорожка, идущая от солнца, менялась с каждым мгновением, то победно трепетала, выпрямившись среди плавных водных холмов, то скрывалась, рассыпаясь, но тотчас же вновь соединяла свои осколки и опять выкладывала сверкающую мостовую. Над морем золотым медальоном простиралась тонко высеченная резная гряда: крепостные стены и крыши Посейдониса. Чайки носились в вышине, бросались вниз, к галере, в надежде получить подачку, или охотились, стремглав падая в воду и взбивая на поверхности пену, а затем, выныривая, поднимались, освещаемые уходящим солнцем, рассекая воздух сильными крыльями и держа в клювах свешивающуюся рыбу.

— Раз, два, три... четыре!.. Раз, два, три... четыре!.. Раз, два...

Надсмотрщик за каторжниками задавал ритм гребле, равномерно выкрикивая счет в рупор. Это был негр с отвислой, как у старой женщины, грудью и совершенно лысым черепом. Вся его одежда состояла только из кожаной набедренной повязки с ярким узором. По его команде шестьдесят обнаженных спин наклонялись вперед, выпрямлялись и опрокидывались назад: шестьдесят спин, исполосованных рубцами, носящих еще свежие раны, шестьдесят спин, некоторые из них были частью мощных тел атлетов, большинство же скорее напоминало решетки, обтянутые кожей.

— Раз, два, три... четыре!

Шестьдесят голов одновременно наклонялись и поднимались, хватая мычащими ртами воздух, иссохшие языки слизывали пот, выступавший каплями, скатывавшимися по лбу и щекам. Надсмотрщик поднял указательный палец. По его знаку стражники, тоже прикрытые лишь кожаными повязками, бросились вперед. Резкое хлопанье бичей смешалось с проклятиями и с криками боли. Но размеренное кряхтенье шестидесяти глоток перекрыло стоны, вопли и свист плеток.

— Раз, два, три... четыре!

Шестьдесят весел разом опускались, входили в воду и поднимались рывком. Хлопья пены слетали с концов их лопастей, и солнце золотило эту прозрачную падающую вату.

Бичи проходились по спинам и поясницам с дьявольской точностью. Отскакивая, они оставляли красные следы. Щадились только головы — слишком чувствительны и руки — слишком необходимы! Но при их прикосновении люди падали с хрипом. Стражники окатывали их ведром воды и поднимали пинками.

— Ударяйте сильнее!

Мышцы вздымали черную или красноватую кожу, покрытую грязью или запекшейся

кровью. Кого только не было на этих скамьях: краснокожие с Большого Материка², черные, купленные в Ливии, и белые с севера, из страны кельтов и из Иберии, воины, взятые в плен атлантами в завоевательных походах или при подавлении мятежей, уголовники и те, что родились рабами и были проданы торговцами.

— Быстрее, негодяи!

Стоны соединялись в какое-то душераздирающее протяжное пение. Страшно вздутые вены змеились по судорожно сгибающимся рукам и ногам. Но, несмотря на все эти усилия, галера еле двигалась. Ее бронзовый таран почти не вспенивал разрезаемые волны. Крики надсмотрщика и бичи стражников не могли заменить недостающих двух третей гребцов, как не могли заставить встречный бриз дуть в благоприятном направлении.

— Быстрее, мерзавцы! Ударяйте, эй, вы! Сильнее! Раз, два, три... четыре! Раз, два...

Пронзительный свисток, донесшийся с кормы, прервал эту брань. Солнце только что скрылось за вершинами. Золотые и пурпурные краски небес померкли в одно мгновение, отблески их замерцали на берегах, и океан вдруг превратился в необъятную живую жемчужину. Весла замерли. Галера замедлила ход, влекомая вперед только небольшим парусом. Гребцы повалились на свои скамьи, корчась, словно пауки, прячущие от прикосновений свои лапы, поджав под себя руки и ноги, сведенные судорогой. Они умирали от жажды и голода: они гребли столько часов, с самой зари! Некоторые всхлипывали, как дети.

— Те, кто без цепей, — к якорю! Живо!

Это были наемные гребцы и те, которым была дарована эта льгота, равная разве что помилованию, — не быть прикованными к своим сиденьям. Они собрались вокруг надсмотрщика с большой поспешностью, несмотря на невероятную усталость, и вслед за ним отправились к носу судна. Было видно, как они карабкались по трапу, ведущему на верхнюю палубу. Их товарищи поджидали их, склонив головы к рукоятям весел, хранившим еще тепло жаркого дня и прикосновений рук. Где-то сверху, в такт гортанному покрикиванию негра, скрипел вращающийся ворот. Снова щелкнули бичи. Два фонтана воды брызнули с той и с другой стороны тарана. Галера медленно повернулась вокруг своей оси и начала раскачиваться, проходя поперек волн, потом качка ослабла и сделалась мягкой. Вернулись те, что занимались якорем. Когда они расселись по местам, поднялся легкий ропот: каторжники требовали еды и питья, многие, впрочем, могли только тихо стонать.

Надсмотрщик возвратился, на сей раз в сопровождении рабов, готовящих пищу.

— Сегодня у вас будет вино, каналы! Подарок нашего славного принца Доримаса. Вы, правда, этого не заслужили!

Одобрительный шум и жалкие смешки раздались повсюду.

— Готовьте свои котелки! Живо!

Они засуетились, уселись на корточки в тень, которая спустилась на нижнюю палубу, повытаскивали свои кружки и деревянные ложки. Они хранили свой нехитрый скарб в маленьких рундучках под скамьями вместе с одеждой на случай непогоды — туникой с капюшоном и покрывалом для сна. Рабы, пришедшие с кухни, начали раздавать еду под присмотром негра.

— Двойную порцию тем, кто без цепей! Это приказ.

Он зажег фонарь, привешенный к основанию мачты. Чадающий масляный светильник едва позволял разглядеть изможденные лица, протянутые руки и красные доски палубного настила. За ним начиналось постепенно темнеющее море и тысячи огней далекого города. Вода плескалась, волны бились о корпус с каким-то сосущим звуком, похожим на звук поцелуев, и, казалось, сосновые волокна оживали и подрагивали так же, как дрожали они недавно под ночными ласками теплых ветров. Дерево что-то припоминало!

² Большой Материк — первобытная Америка.

— Гальдар, ты спишь или мечтаешь? — спросил Ош.
— Нет, не сплю.
— Объясни мне, пожалуйста, почему они остановили галеру в такой близости от берега?

— Это распоряжение Посейдониса. Ни один корабль не должен входить в порт после захода солнца. Они перекрывают внешний канал железной решеткой. Корабли ждут восхода на рейде. Мы тут, не одни: видишь, вон сигнальные огни.

Они сидели в свете фонаря друг против друга недалеко от мачты. Ош выглядел очень старым, вернее, просто невозможно было определить его возраст. Его зрачки светились, как стеклянные бусины, среди морщин и волос, покрывавших его лицо. Веки его слезились. Белый пух на щеках несколько округлял продолговатый, вытянутый череп. Огромный нос с узкими ноздрями опускался к густым свисающим усам и беззубому рту. Гальдар был еще молод, высок и силен, его торс был обтянут мышцами, тонкие правильные черты лица носили следы пережитых несчастий, но не ожесточения до горечи. Русая борода окаймляла его широкий подбородок, волосы опускались на затылок, густая поросль покрывала и сильную грудь. Взгляд его глаз был живым, и цвет их, казалось, менялся так же, как море, на которое опускалась ночь.

— У тебя идет кровь, — прервал молчание старик. — Он и тебя не пропустил.

Гальдар пожал плечами.

— ...Я знаю, этот удар предназначался мне. Ты закрыл меня своим телом.

Гальдар не отвечал.

— ...Что ты там рассматриваешь, в конце концов?

— Огни Посейдониса.

— И что?

— Ты не можешь себе представить, что они значат для меня. Люди веселятся там, вдали, они поют, хмелеют. Это время отдыха!

— И тебя снедает зависть!

— Раззолоченный сброд покидает свои берлоги, заполняет улицы, площади, подножия памятников. Ты никогда не видел этого!

— И слава богу!

— Моряки, работники, трудяги засыпают спокойным сном. Но бездельники, а им несть числа — сердца их продаются, — они прогуливаются в своих красивых туниках. Несут свои тела, освеженные вечерним омовением и надушенные ароматами. Их волосы завиты щипцами и умащены дорогими благовониями...

— Не переживай так сильно.

— Девчонки из таверн обнажаются перед ними. Те, что гуляют по улицам, ведут их в свои комнаты, а другие танцуют перед ними под музыку в своих прозрачных покрывалах. Их губы ищут друг друга, их руки переплетаются...

— Ты никогда этого не знал и не мог узнать. Оставь же свои мечтания, они только попусту терзают тебя!

— Ты прав. Но ты, мой друг, ты-то ведь успел узнать что-то подобное?

— Нет. В моей стране ночи были долгие и холодные. Мы прижимались друг к другу возле огня, слушая, как ветер свистит над морем и волны разбиваются о рифы. Наши дома были построены из дерева и защищены от земной сырости сваями, сложенными из гальки. У нас не бывало праздников, кроме тех пиршеств, когда наши корабли возвращались из богатых земель... Но ты, Гальдар, совсем не рассказываешь о своей стране. Почему?

— Моя страна — эта галера и скамья, на которой мы сидим с тобой бок о бок.

— Ты атлант. Я должен был бы тебя ненавидеть, ибо твой народ поработил нас. Но стал мне дороже родителей, которых я потерял, друзей, перебитых или отправленных на другие галеры.

— Я не атлант. Я всего лишь гребец этого корабля.

— Ты хоть знаешь, кто ты на самом деле? В тебе есть какая-то тайна благородства,

нетронутой чистоты и покорности судьбе.

— Я просто-напросто хороший гребец, вот и все.

— Ты похож на тех, кого мы называли «вождями людей», пока нас не разбили и не растерзали нашу свободу. В тот день, когда они получали наши воинские знаки, жрецы говорили им: «Ты познаешь день гибели и день бессильной ярости и тоски, но запомни навек, о вождь людей, что жизнь героя сама по себе таит счастье!» Это счастье героев, которое выше невзгод и лишений, ты хранишь в своем сердце.

— За что ты меня так сильно любишь? Я этого не заслуживаю. У меня никогда не было времени мечтать о подвигах. Я только гребу, ем, сплю...

— Нет, это не так. До того, как я узнал тебя, я пребывал в совершенном отчаянии. Хуже. Я соскребал красную краску и глотал ее, чтобы отравиться. Твое появление придало мне мужества, чтобы жить. Атланты, даже каторжники, обращались со мной, как с варваром. Но ты, ты единственный меня выслушал, расспросил...

— Я очень уважаю тебя.

— Скажи мне, твои грубые атланты, они не знают разве, что нации — словно люди? Они рождаются, растут, расцветают и уходят... Но чему ты улыбаешься?

— Однажды, когда мы возили гранитные блоки на телеге возле реки Нил... Ты знаешь?

— Да.

— ...я заметил разбитую временем голову статуи, торчавшую из песка. Лицо ее было высокомерно и исполнено презрения. Ящерица, гревшаяся на солнце, заменяла ей брови. Позже пастухи объяснили нам, что это изображение царя.

— Наши жрецы говорили, что Отец Всего Живущего так карает надменность земных владык. Что ему дана власть упразднить ложное величие, затоплять горы водой и засыпать пирамиды песком. Они утверждали, что здесь, в этом мире, все обманчиво, все подобно сновидению и летучим фантазиям.

— Не говори мне больше о твоём боге, он слишком печален.

— Он всего лишь смертен. Вышедший из хаоса, он вернется в хаос, и из того же небытия родятся другие боги для счастья и горестей людских. Но однажды тот, чье имя никто не смеет произнести, явит себя воочию. Это он, Отец всех прошлых мимолетных богов. Тебе скучно, Гальдар? Я испортил твоё хорошее настроение? Но как ты можешь быть счастливым в нашем положении?

— Ведь я живу, а пока живу, надеюсь, и, раз надежда меня не покидает, моя участь не тяготит меня.

— Но на что ты можешь надеяться?

— Я еще не знаю.

— Мы все, сидящие на этих скамьях, гнем спины и оплакиваем наш жребий. Если бы даже нам дали свободу, мы бы не знали, что с ней делать. Но ты...

— Главное — жить. Даже в нашей нищете, в глубине ее таится радость, доступная всякому: слышать биение своего сердца, дышать, видеть. Любить то, что видишь, значит, обладать им, значит, быть тем, что видишь, и, стало быть, перестать быть собой. Забвение себя — источник великой радости!

— Если рассуждать так, то кем ты только не бывал: дворцами и даже странами!..

— И морем, которое всегда неповторимо...

Каждый или почти каждый вечер они так беседовали вполголоса, черпая для себя в этих разговорах ничем не заменимую поддержку и гордость, необходимую для того, чтобы снова стать людьми, достойными этого имени, то есть способными помнить и мыслить. Вокруг неровный храп прерывался глухими стенаниями, недосказанными словами, приоткрывавшими тайны сновидений. Но ближе к корме, где сгущалась тьма, хохотали чьи-то тени, разгоряченные вином, или тяжело дышали, томимые жалкими желаниями, как звери во время течки. На верхней палубе напевали солдаты. Кованые каблуки часовых, древки пик стучали по настилу с равными промежутками. Звезды лепились над морем одна к другой, они были еще только робкими серебряными точками, но все время вспыхивали

новые и новые боязливые дочери тьмы и туманных небесных бездн.

Доски возле мачты скрипнули. Это был надсмотрщик за каторжниками, сопровождаемый стражей. Рукояткой плети он коснулся плеча Гальдара:

— Господин Доримас зовет тебя. Идем же.

3

Доримас лежал на роскошном ложе из черного дерева с резными завитушками в виде дельфинов. Расшитые подушки приподнимали его истощенную грудь, перетянутую повязкой. У него были огромные, как и у его отца, Нода, глаза, обведенные темными полукружиями, те же густые, поблескивающие черные, но не скрывающие высокого лба локоны, тонкая шея, унаследованная им от матери, так же завитые, но более изящные усы, та же хищная челюсть и рот, может быть, только менее чувственный, с бледными губами, и, наконец, та же матовая кожа, цвет которой казался болезненным. Пот выступал каплями на его маленьких, хрупких, почти прозрачных ладонях. Он тоже играл своими перстнями с изумрудами.

Воздух был влажен. Тяжелые занавески с вышитыми золотом солнцами и трезубцами были опущены: боялись, что болезнь принца возобновится до окончания пути и кровь снова хлынет горлом. Его рана, совершенно не опасная вначале, заживала очень медленно, вздувшиеся губы были искусаны по краям и время от времени кровоточили.

Два светильника, подвешенные к толстой балке, покачивались в такт кораблю. Весь пол был устлан толстым шерстяным ковром с вытканными на нем лодками и плавающими рыбами. В полутьме можно было еще различить столик, уставленный кувшинами с питьем и чеканными кубками, а между ними богатый шлем и два меча, скрестившие обнаженные лезвия.

— Завтра, после всего, что нам пришлось пережить, мы наконец будем в Посейдонисе.

Принц старался говорить медленно, чтобы не задыхаться. У него был низкий, как у отца, голос, но более мягкий, почти нежный.

— ...Ярость императора будет ужасна, но не следует ее бояться... Ты будешь возле меня... Я поведу тебя с собой во дворец. Я так решил.

Гальдар чуть заметно покачивал головой. Он слушал напряженно — скованный, сжатый, словно сплошной комок нервов, с мускулами, позолоченными загаром.

— ...Я очень хочу, чтобы император узнал тебя... Ты понимаешь почему?

— Нет, господин.

— Как же так? Подумай! Дважды ты спасал мне жизнь... В первый раз я приказал разбить твои цепи. Во второй я верну тебе полную свободу, и если смогу, и если ты не откажешься, то потом... Ты совсем не удивлен? Ты ничего не понял? Ты будешь свободен, Гальдар. Ты уже свободный человек. Мой отец не сможет отказать мне в этой милости... Однако мне интересно знать, что побудило тебя рисковать жизнью ради твоего принца? Какое чувство, какая тайная, врожденная сила руководила тобой?

— Я помогал не принцу, а просто человеку, которому угрожала опасность, такому же существу, как и я; вот и все, господин.

— Существо, как и ты?... Человеческому существу... да, увы, кто же я еще?! Твой ответ должен бы разгневать меня, но я принимаю его... Так ты не чувствовал любви ни на горчичное зернышко?

— Разве рабу позволено питать какие-нибудь чувства?

— Я отметил тебя с самого первого дня. Я даже расспрашивал о тебе надсмотрщика. Он, конечно, ничего не смог сообщить мне. Кто ты?

— Один из гребцов. Мое правое плечо, как и у всех каторжников, отмечено трезубцем, выжженным каленым железом, точно у быка или лошади с императорской фермы. Взгляни. Если ты вернешь мне свободу, ни одна женщина не осмелится полюбить меня.

— Ты весь в крови. Ты получил удар хлыстом! Я же запретил надсмотрщику! Он будет

наказан.

— Нет, господин. Я получил его за другого, по своей воле. Он уже стар и едва мог поднимать свое весло.

Принц затрясся в кашле и, когда приступ прошел, вытер губы тонким платком.

— Налей мне попить и напейся сам, если хочешь.

Гальдар наполнил кубок и протянул Доримасу.

— Садись, я хочу еще поговорить с тобой... Кто отправил тебя на галеры? За какое преступление?

— Я не был осужден.

— Стало быть, тебя продали вместе с партией рабов?

— Я родился свободным.

— Император спросит меня, кто ты, откуда и почему оказался среди каторжников, с цепями на ногах... Гальдар, я готов поклясться, что тебе вернут все, чем ты обладал. Если ты знатного рода, тебе воздадут все почести. Но расскажи мне, я должен это знать!

— Вот уже двадцать лет я держу в руках весло. Срок достаточный для того, чтобы все забыть.

— Для других, но только не для тебя... Слушай, Гальдар... У тебя есть товарищ, которого зовут Ош, варвар с севера, правда, говорят, весьма ученый... Мне передавали ваши ночные беседы... Вас занимают странные темы: развращенность правителей Атлантиды, беззакония...

— ...

— Что поделаешь?.. Для каторжников не существует морали. Все можно купить за ничтожную плату, за глоток вина, например...

— Разве это что-нибудь доказывает?

— Хотя бы то, что ты не тот, за кого себя выдаешь. Император распорядится расследовать твоё прошлое. Не в твоих ли интересах избежать этого?

— Если император откажет мне в милости, я вернусь на свою скамью.

— Нет, Гальдар, ни в коем случае!

— Если же он освободит меня, пусть вернет он свободу и Ошу, моему брату по несчастьям: ведь я спас тебя дважды.

— Хорошо, пусть будет так. Но я хочу знать, какое преступление ты совершил.

— Мне было шестнадцать лет, когда началось восстание Верхних Земель³. Я сражался вместе со всеми. У наших войск не было ни пищи, ни оружия; мы потерпели поражение, но я остался в живых. Нас отправили на галеры.

— А кто были эти «ваши»?

— Пастухи, работяги с Верхних Земель, давно уже доведенные до нищеты.

— Где ты вырос?

— В хижине.

— Ты не похож на крестьянина! В тебе есть что-то... что-то, что смущает и одновременно успокаивает, внушает уважение... Я смог убедиться в твоём влиянии на людей во время того рокового сражения... Вождями не становятся, Гальдар...

— Разве не бывает вождей из крестьян?

— Кем был твой отец?

— Он умер очень молодым, когда я был совсем ещё ребенком. Я забыл его лицо, не помню лиц никого из моих близких. Если бы я увидел свою мать, то не уверен, что смог бы узнать ее...

— Допустим.

— Великий принц, почему тебя заботит прошлое простого раба?

— Я в долгу перед тобой, и этот долг тяготит меня... А с тех пор, как смерть коснулась

³ Верхние Земли — север Атлантиды.

меня своим крылом, странные мысли приходят мне в голову... Но довольно. Я уже устал... Завтра перед императором постарайся вспомнить побольше... Он не будет столь терпелив.

— Я постараюсь, господин.

— Налей мне еще кубок. Выпей сам, если хочешь.

Гальдар поспешил повиноваться, но Доримас заметил едва уловимую, загадочную и странную улыбку, промелькнувшую на его губах.

— Ступай... Подумай о том, что это твоя последняя ночь на корабле.

Надсмотрщик подждал его. Задержав портьеру из плотной ткани, Гальдар заметил его огромные, округлившиеся глаза.

— Ты спас меня от наказания, хотя мог бы и не делать этого!

— Я просто сказал правду.

— Кто ты, наконец?

— Свободный человек.

— Это я знаю. Я слышал все.

Внизу, примостившись на своих скамьях, спали каторжники. Гальдар старался ступать осторожно, ибо прекрасно знал цену этому сну. Он подошел к Ошу, который все еще сидел, опершись на свое весло.

— Ты беспокоился?

— Да... Я размышлял.

Гальдар не знал, должен ли он сказать другу эту великую новость. А вдруг принц передумает? А вдруг император не позволит?

— Завтра, — начал он наконец несколько неуверенно, — будет необычный день для нас обоих, ибо и ты не будешь забыт.

— Берегись этой змеи! Дважды ты вырывал его из лап смерти, но он вспомнил об этом только тогда, когда отпала необходимость в твоей силе. Впрочем, ты рисковал жизнью впустую, Гальдар. Да, впустую! Доримас не избежит своей судьбы. Он меченый. Меченый, как и ты! Но на нем стоит печать тьмы, твой же знак — знак света. Запомни хорошенько эти слова, но не пытайся их понять.

Он не смотрел на Гальдара, взгляд его был устремлен к звездам, загоравшимся на совершенно чистом, безоблачном небе, к этим цветкам, похожим на бриллиантовые сердца, которые трепетали, бились и несли через немую пустоту свое непередаваемое послание. На берегу, совсем на уровне воды, двигались огни. Губы старика медленно шевелились.

— Друг мой, ты не хочешь слушать то, что я собирался сказать тебе?

— Оставь обещания принца. Садись рядом и смотри вместе со мной. Глядя на эти звезды, я вдруг вспомнил одну из песен моей дикой родины. Жрицы обучали ей отроков, и это был первый урок, которому они внимали: «Вначале был только хаос, бескрайняя бездна, нескончаемая, свирепая и неистовая, словно море. Ни пески побережья, ни Океан, ни холодные волны, ни луна, ни солнце еще не обрели своего места. Не было ничего, кроме этой зияющей бездны! И все было тихо, но тишина была исполнена стенаний безликих существ, призраков без прошлого — всего, что должно было обрести жизнь. И явилась ночь на черных крыльях и низвергла клубок ветра в чрево этой бездны. Так родилась любовь, осененная крыльями света...»

— Брат мой, я должен предупредить тебя. Завтра...

— Завтрашний день не принесет любви! А когда любовь покинет землю, солнце снова станет черным и звезды посыплются с небесного свода. Но люди всегда уверены, что их мир незыблем...

— Уже поздно, а завтра...

— Это будет не завтра, это будет этой ночью, ночью, полной чудес! Но тебе не расслышать меня: ты взвешиваешь на ладони обещания Доримаса...

С появлением луны поднялся западный ветер. Волны ударялись в борта. Каблуки часовых и древки их копий мерно постукивали о палубу. Дерево шпангоутов лелеяло свои воспоминания.

С восходом солнца — новорожденного, сияющего, появившегося на свет откуда-то из глубин океана и засверкавшего, разбросавшего по всему небу и бесконечной водной равнине свои дрожащие лучи, словно гонимые божественным дыханием, — едва галера была замечена и распознан штандарт принца, резко пропели трубы.

Было видно, как поблескивают в шахматных клетках бойниц шлемы воинов, наконечники копий и наклоненные рамы баллист. Две огромные приземистые башни, соединенные зубчатой аркой, охраняли вход во внешний канал. В обе стороны от них расходились стены, усиленные через равные промежутки бастиянами, возвышавшимися над городскими крышами и розоватыми террасами, перекрашенными утренним светом. За ними высилось второе кольцо стен, уставленных орудиями, затем еще одно, и, наконец, в центре огромного города-крепости располагались площадь, окруженная кубическими и трехгранными строениями, отделанными металлом и украшенными колоннами, загорающимися у подножия в лучах восходящего солнца.

Наверху, на башнях, то здесь, то там сверкало оружие воинов. Бежал их капитан, спешно поднятый с постели, застегивая на ходу свой пояс. За ним, едва поспевая, следовали лейтенанты. Он ответил на приветствие солдат, рассеянно проверил готовность и обернулся к морю. Галера плавно приближалась, медленно взмахивая шестью десятками весел. Уже можно было различить повреждения, полученные в бою. Обшивка из оришалька⁴ была оторвана во многих местах. Нос украшала обезглавленная фигура, от которой остался только торс, носивший следы осыпавшейся позолоты, верхняя палуба, где почти не было видно людей, была повреждена пожаром. Бронзовый таран был погнут.

— Невозможно! — пробурчал капитан. — Невозможно! Не хватает двух третей гребцов... Как они сумели преодолеть столь долгий путь в таком состоянии?.. И одни! Где же эскадра?

— Теперь, однако, нет сомнений, — заметил молодой офицер, — это флаг принца.

— Флаг-то его. Но где сам принц? Я его не вижу. Его отсутствие чрезвычайно подозрительно. Я поднимусь на борт.

— А если принц заподозрит что-то?

— Я явлюсь как будто бы для того, чтобы его приветствовать. Если это действительно он, я сделаю условный знак, и ты отправишь кого-нибудь к императору. Нет, ты отправишься сам и приложишь все усилия к тому, чтобы быть принятым немедленно.

— Капитан, я могу заменить тебя.

— Нет, на мне лежит ответственность за безопасность канала. Слишком много слухов бродит нынче в городе, везде рыщут шпионы!

Тем временем галера приблизилась и стала замедлять ход, но пурпурная занавеска оставалась неподвижной. Два человека показались на верхней палубе. Один из них был молод и высок, другой — старик с прихрамывающей походкой. Они отодвинули тяжелую портьеру.

— Интересно! — воскликнул капитан. — Этим каторжникам, стало быть, разрешено ходить куда угодно?! А если взбунтовалась команда, если принц захвачен в плен или даже мертв...

— То они не вернулись бы в Посейдонис.

— Как знать... Не нравится мне все это. По местам!

Он поправил ремень у подбородка, застегнул нагрудник из толстой кожи, прошитой медными заклепками, и сжал свой меч. Густые, сросшиеся у переносицы брови не были видны из-под шлема, украшенного трезубцем.

⁴ Оришальк — сплав меди и цинка, использовавшийся в древности.

— Решетки! Стража!

В сопровождении десятка воинов с дротиками в руках он исчез в проеме лестницы. Решетки с толстыми, блестящими от влаги поперечинами повернулись на огромных петлях со скрипом, который сливался со стонами невольников и щелканьем бича. Галера медленно вступила под высокий свод, позеленевший от сырости, сдавленный гигантскими стенами, черными от бесконечных приливов, облепленных прядями водорослей и колониями ракушек. Бронзовый таран уперся в цепь, протянутую на уровне воды, и остановился; из галереи протянулись мостки, скользившие по наклоненной балке и несущие капитана и его конвой.

— Где великий принц? — спросил он, не отвечая на приветствия встречавшего его офицера. — Где он? Я хочу засвидетельствовать ему свое почтение.

— Славный принц Доримас ранен. Не следует его беспокоить.

— Ты знаешь закон Посейдониса? Я имею право быть принятым.

— Следуй за мной.

Доримас лежал на своей кровати черного дерева. Ему сменили повязку и укрыли плечи темно-синим плащом, какие носят принцы Атлантиды. Капитан упал перед ним ниц, протянув руки вперед.

— Великий принц, умоляю простить меня. Но твой одинокий корабль, почти пустынный... вместо эскадры, которую мы ожидали увидеть...

— Я тебя ни в чем не упрекаю...

— Ты ранен, великий принц!

— Да, мы дали жестокое сражение... Гальдар, налей ему кубок.

Капитан хмуро разглядывал двух каторжников, старого и молодого, стоявших у изголовья принца. Он сгорал желанием обыскать трюм и нижнюю палубу, но тяжелый взгляд Доримаса удерживал его.

— Позволь твоему усердному слуге, — проговорил он, как бы прощаясь, — поздравить тебя с этой победой... несомненно, блестящей...

— Блестящей, но слишком дорогой. Довольно, капитан. Оставь нас.

Цепь перед тараном опустилась, нырнув в пучину, словно огромная змея с коричневой чешуей. Галера вышла наконец на свежий воздух и двинулась вдоль канала.

Это был глубокий и широкий путь, окруженный складами, увеселительными заведениями, тавернами, величественными дворцами и тысячами домов с самыми разными фасадами, чаще всего раскрашенными в черно-белую шахматную клетку, иногда разделенную красно-охряной полосой. Повсюду бросались в глаза разноцветные пятна вывесок. Жужжащая, спешащая, почти лихорадочно суетливая толпа двигалась между палатками торговцев, тюками тканей, горами дорогого дерева, горами руды, экзотическими растениями в небольших ящиках, пирамидами из фруктов и рядами амфор. Этот людской улей был разнообразен и многоцветен: продавцы в пурпурных или фиолетовых одеждах, в соответствии с мерой своей скупости, тщеславия и степени удачливости, моряки в коричневой форме, с босыми ногами и с прическами, похожими на фригийские колпаки, туземцы с Большого Материка с перьями в волосах, ливийцы с севера с пепельно-серыми лицами, в полосатых покрывалах, пеласги в коротких туниках, кельты в длинных плащах и шлемах, украшенных рогами, вереницы невольников всех цветов и национальностей, сгибающихся под тяжестью товаров, в набедренных повязках, со спинами, исполосованными плетками. Корабли выстраивались в несколько рядов один к другому, вскидывали к светящимся небесам свои путающиеся мачты, длинные косые реи, сплетение снастей и кривляющиеся, добродушные или смешные фигуры со своих форштевней. На носах одних судов был нарисован широко раскрытый глаз, к другим прикреплены глиняные кувшины с маслом, помогавшие, как считалось, умирять ярость волн во время бури. В основном это были высокие и пузатые суда — торговый флот, но иногда мелькали и острые, как у галер, силуэты быстроходных и прогулочных кораблей. Лодки и шлюпки пересекали канал в обоих направлениях, медленно переваливались с борта на борт. Две триеры императорской

флотилии с черными корпусами, с бортиками, отделанными оришальком, стояли, готовые выступить в любое мгновение. Как только галера принца была замечена наблюдателями, тройные ряды их весел опустились в зеленую воду, команды выстроились на палубах и на вершинах длинных рей развернулись их пышные флаги. Искалеченный корабль медленно проплыл между ними. Звук труб в какой-то момент перекрыл крик, смех, звяканье механизмов, тысячи голосов, пение матросов и терзающее слух мычание нескончаемой вереницы рабов. Бесчисленные суденышки вздернули свои флаги вслед за императорскими триерами. Команды, высыпав тут и там на палубы, встречали принца. На один миг все работы были прерваны. Толпа сгрудилась на набережных. Тысячи глаз рассматривали пробоины, сотни рук указывали на обезглавленную фигуру на носу. Принц так и не появился, и это удивляло всех.

Галера достигла первой, самой широкой стены этого странного города. Вся эта стена была обшита листами меди, отлитыми и заделанными столь искусно, что невозможно было обнаружить ни малейшей щели между ними. Укрепляющие стену башни, треугольные зубцы, венчающие ее, отражая солнечные лучи, оставляли впечатление какой-то наивной мощи и пренебрежительной изысканности. Как же сказочно должны быть богаты атланты, спрашивали себя те, кто впервые видел это великолепие, если они покрывают стены таким дорогим металлом? Канал постепенно сужался, оставляя проход только для одного корабля. Гигантская арка соединяла две башни, охраняемые баллистами и усеянные воинами в шлемах, вооруженными копьями. Еще одна железная решетка раздвинула свои створки перед погнутым тараном галеры. За стеной открылось широкое кольцообразное пространство, ограниченное следующим каналом, тоже заполненным кораблями, но более массивными и роскошными, с позолоченными балюстрадами, носовыми фигурами и драпировками. Здесь разгружали дорогие товары: слоновую кость, жемчуг, золото, драгоценные камни, привезенные с Востока, — все то, чем было предпочтительно не искушать вождение плебеев. Здесь сходили на берег те, кто пользовался особым почетом. Здесь, в своих роскошных дворцах с удивительными арками, крышами с позолоченными гребнями, изумительными террасами, засаженными пальмами и апельсиновыми деревьями, жили крупные судовладельцы. Бесчисленные лавочки и скромные дома располагались уступами, словно ступени в цирке или соты в улье, неустанно возводимые искусным терпением пчел. Эти аркады, окна с уже опущенными шторами, это чудесное переплетение фронтонов, украшенных резными фигурками, эти колоннады, поручни, поддерживаемые прозрачными шарами, красные или черные обелиски — все отражалось в зеленом зеркале спокойной воды, усеянной апельсиновыми и лимонными корками. Через канал были перекинуты два моста, и по ним сновали туда-сюда носильщики портшезов, коляски, закрытые двуколки, а вдоль перил толпились вечные зеваки.

Было почти невозможно хоть ненадолго задержать взгляд на второй, внутренней, стене, окованной листами олова. Она была выше первой, со множеством башен и гораздо лучше вооружена метательными машинами и утыкана лучниками в прорезях бойниц. То ли покрытие ее время от времени подновлялось или наклепывалось поверх прежнего, то ли инженеры знали забытые ныне секреты, но олово не тускнело на воздухе и нестерпимо слепило глаза. Эта стена была похожа на огромный золотой браслет, затейливую причуду какого-то безумного бога. Арка, ведущая в нее, была закрыта не одной, а двумя решетками, утыканными острыми косыми шипами. Приезжие недоумевали, вопрошая себя, чье волшебство заставляло эти башни «пожирать собственную тень», какой бы ни был час дня, и чьи чары воздействовали на камни так, что они рождали это непереносимое свечение. На острове, окруженном этой стеной, высились огромные здания казарм императорской гвардии, школ, учреждений, храмов и пирамид. Вокруг набережных располагались стадионы, обсаженные пальмами и украшенные скульптурами, и ипподром, где упражнялись в своем умении возницы многочисленных колесниц. На плацу маршировал батальон; каре из пик опускалось, поднималось и наклонялось вперед с механической точностью.

Военные корабли скользили по кольцу канала, более широкого, чем предыдущие; в

центре его возвышалось странного вида каменистое и массивное плато темно-серого базальта с прожилками порфира цвета запекшейся крови, похожими на вздутые вены. Длинная стена, венчавшая его, была отделана оришальком с красноватым медно-золотым отблеском. За ней высились храмы и теснились дворцы столь многочисленные и богато украшенные, что нельзя было наверное сказать, сказка это или действительность, хотя и совершенно необычная. Порттики, колонны, арки, шахматная клетка цветных камней, статуи, острия пирамид были обрамлены зелеными локонами удивительных деревьев. И посреди этого буйного великолепия выделялся один из храмов, превосходящий прочие строения своими величавыми формами и затмевающий их пышностью своего убранства. Трезубец Посейдона горел огнем на вершине его крыши, сверкающие гребни которой тоже были покрыты золотом.

Этот центральный остров был сердцем Атлантиды, ее легендарной колыбелью. Поэты в своих стихах, жрецы в своих песнопениях во время Великого солнцестояния и Великого равноденствия прославляли этот священный источник. Здесь жили когда-то их прародители, Эвенор и Левкипп, подарившие миру всего одну дочь — Клито. Когда она выросла и сделалась цветущей девушкой, ее увидел морской бог Посейдон. Пленившись красотой Клито, он добился ее любви и поселился на этом райском острове, где, по его мановению, забили источники горячей воды и фонтаны воды холодной. От бога морей и земной женщины произошла эта раса, эти полубоги, населившие землю, названную именем старшего из них, Атласа. Их благодарные потомки не переставали украшать эти священные места, соперничая между собой в изобретательности и щедрости, эти неповторимые, сказочные красоты были созданы их стараниями. Камень для строительства Посейдониса добывали, высекая глыбы из плато. Остававшиеся пещеры невероятных размеров были превращены потом в арсеналы и сухие доки для ремонта судов — первые военные базы древнейшей эпохи!

Галера Доримаса держала путь к одному из этих страшных гнезд, загороженных несколькими рядами решеток и цепей, натянутых над водой. Весла были сложены: ее вели на буксире две военные шлюпки; скоро процессия, войдя в одну из расщелин, открывавшуюся в скале, исчезла из вида, словно проглоченная гигантскими челюстями...

Будь мачта даже втрое длиннее, она и то вряд ли коснулась бы свода. Четыре корабля, размером с галеру принца, могли бы свободно развернуться в этой галерее, от которой расходились во все стороны поперечные каналы, окаймленные небольшими проходами и освещаемые факелами, отбрасывавшими в черную воду свои блики. Вокруг в доках возились работники, ремонтирующие днища судов. Звенели пилы, стучали молотки, и откуда-то доносилась веселая песня. В самой глубине можно было различить огромную лестницу, высеченную в скале, охраняемую воинами в шлемах.

В последнем пролете, возле носилок, которые держали четыре негра, стоял Энох, великий жрец.

— Эй, вы, спускайтесь на борт! Да осторожно же! — сказал он, когда галера причалила.

Сам он легко спрыгнул на палубу, дрожа от волнения.

— Великий принц, поспеши, умоляю тебя! Император сгорает от желания видеть тебя. Он обеспокоен. С прибытием!.. Вы же, — добавил он, обращаясь к команде, — не покидайте галеру ни под каким предлогом!

Послышался недовольный ропот.

— ...Все без исключения, даже офицеры. Приказ будет отдан... Пусть за ними присмотрят, — сказал он начальнику стражи.

— Пожалуй, вот этих, — возразил принц, — я возьму с собой. Это мои друзья.

— Каторжники, великий принц?

— Я намерен представить их императору.

— Да хранят тебя боги.

Узнав о возвращении сына, Нод почувствовал приближение опасности. Он отменил все аудиенции, извинился перед иностранными послами и заезжими князьями, распустил, не объясняя причин, министров и сановников и отправил Эноха, единственного, кому он действительно доверял, в свой подземный порт.

«Итак, — говорил он себе, — Девы из Большого Храма опять, уже в который раз, угадали правильно! Я посылаю им самые дорогие фрукты, сладости с моего собственного стола, самые изысканные вина, а они только ищут случая, чтобы разозлить меня! Я уничтожу их, но уничтожу тайно, не рискуя своим благополучием, ибо грубый народ готов петь осанну, слушая их бесстыдные бредни! Доримас, стало быть, возвращается! Кому, чему я обязан этим кровавым исходом? Его неоперившемуся скудоумию, его трусости! Вода, а не древняя кровь императоров течет в его жилах, что бы ни утверждал этот старый дурак, который защищает его, будто речь идет о его собственном сыне. Он просто готовит свое будущее. Энох, добрая душа, это напрасный труд! Ты не знаешь еще, что после смерти Нода для тебя не будет никакого будущего; распоряжения на сей счет уже отданы, они запечатаны в приписке к моему завещанию... А этот злосчастный Доримас! Горе, если отец не узнает себя в том, кого произвел на свет, воспитал и кого учил, не зная отдыха...»

С легким сердцем отправился Доримас в эту морскую экспедицию, и ничто, казалось, не предвещало столь рокового ее завершения. Правда, в последние месяцы поведение пеласгов было странным: несколько кораблей не вернулись из их краев, но их исчезновение с излишней, может быть, легкостью было списано на счет коварства океана. Из всех народов, присоединенных к империи относительно недавно, одни пеласги и египтяне имели сколько-нибудь развитую цивилизацию. Они охотно брали в жены дочерей Атлантиды, и их женщины, светлокожие, смешливые, с милыми манерами, тоже нравились атлантам. Благодаря смешанным бракам и своей природной сметливости они уже готовы были посоперничать со своей метрополией и в последние десятилетия все более ощущали ее иго. Трудно было понять, какие козни зрели в их двуличных душах; невозможно было точно установить масштабы и степень опасности, слушая многоречивые приветствия их послов. Но тайные агенты исчезали с подозрительной частотой, заставляющей поверить, что их выслеживали, раскрывали и предавали еще здесь, в Посейдонисе. Нода беспокоило пока смутное предчувствие: ему казалось, что пеласги объединились с остальными средиземноморскими народами и ищут лишь *casus belli*⁵. Он счел необходимым разрушить этот тайный союз, раздавить мятеж в зародыше, отдав в жены королю пеласгов Фореносу свою собственную дочь, принцессу Дору. Ее брат и был отправлен вести переговоры об этой свадьбе, и в помощь ему были приданы сорок боевых галер. Однако теперь он возвращался один, израненный...

Его черные глаза, в которых вспыхивали огоньки злобы, остановились на носилках Доримаса, которые держали четыре темнокожих невольника. За ними следовал Энох в митре из дорогого войлока и два каторжника с галеры с обнаженными загорелыми телами. Нод сделался еще бледнее. Его полные губы скривились в горькой усмешке. В ярости он так сильно сжал подлокотники, вырезанные в форме львиных голов, что на его запястьях проступили вены и толстые кольца перстней впились в пальцы. Носильщики раздвинули занавески носилок. Молодой гребец склонился над принцем, помогая ему подняться.

— Оставайся там, где стоял! — прорычал император.

Он спрыгнул с трона и приблизился, стараясь, однако, сдержать свой шаг. Ош и носильщики боязливо попятнулись. Гальдар не пошевелился. В своей излюбленной позе, скрестив руки на груди, без излишнего высокомерия, но и без раболепия, он внимательно разглядывал императора. Энох покачивал головой в надвинутой до бровей митре: этим

⁵ *Casus belli* — формальный повод к объявлению войны и к началу военных действий (лат.). (Прим. пер.)

жестом он обычно выражал удивление или неодобрение. Все время, пока длился разговор, Гальдар стоял неподвижно и, казалось, с интересом рассматривал трон, на спинке которого была высечена фигура Посейдона, стоящего в своей колеснице, запряженной восемью морскими коньками, эти мраморные плиты, инкрустированные оришальком, с изображением атрибутов божественной власти: трезубца, коней и солнца с человеческим ликом. Но от его внимательного слуха не ускользала ни одна деталь беседы.

Император присел возле сына, с деланной нежностью взяв его за руку. Близость этих двух лиц, почти похожих и в то же время столь разных, порождала мысли о будущем грандиозного государства. Императорский род вырождался. Чувствовалось, что, даже если принц когда-нибудь выздоровеет, его слабеющие руки не удержат тугие бразды правления и бешено несущаяся колесница разрушит то, что так долго создавал его отец. Эта мысль мучила и жгла Нода более, чем неожиданное поражение и перенесенный позор! Он пытался обуздать свою ярость, но ее выдавали несколько хриплый голос, невольная дрожь пальцев и эта бледность, все увеличивавшаяся, в то время как на его руках, шее и висках набухали синие вены, учащенно вздымался и опускался нагрудник с бирюзовым кулоном.

— Зачем, несчастное дитя, ты вернулся с поднятым флагом? С твоим флагом, который знает вся армия, весь город и даже путники из других стран! Разве ты не понимал, что этим ты признаешь наше поражение? В положении, в котором мы находимся, это признание хуже, чем просто ошибка... Неужели ты забыл о том духе неповиновения, который носится над всем миром? Здесь, там, повсюду вспыхивают очаги более или менее страшные, пока еще отдельные, но слишком много значащие. Почти все наши губернаторы просят о поддержке; они сидят в столицах, но не рискуют выбираться даже в ближайшие селения, а в горных районах им вообще лучше не появляться. В Посейдонисе повсюду снуют шпионы. Здесь говорят на слишком многих языках, чтобы наша полиция, которой явно недостает проницательности, могла что-нибудь сделать...

А это еще что за каторжники? — сменил он тему, бросив жесткий взгляд на Оша и Гальдара.

— Я обязан им жизнью. Я объясню тебе, великий, как это произошло.

— Это не к спеху. Ты понял наконец, почему тебе следовало вернуться тайком, не привлекая к своему прибытию излишнего внимания? Теперь, если мы не приложим должных усилий, новость распространится, обрстет клеветой и слухами и, главное, оживит опасные надежды...

— У меня были другие планы, сын мой! — вскричал он вдруг. — Нам осталось подчинить себе половину Азии, центр государства кельтов и острова, разбросанные в другом океане, за Ливийским континентом! Грандиозные планы!

— Во всем достойные твоего величия! — вставил Энох.

— И вот когда пришел час расширить империю, она трещит по швам, дрожит в своем основании и приходится думать, как бы упрочить ее.

— Увы, — вздохнул Доримас, — это моя ошибка!

Император смягчился.

— Нет, мое милое дитя. Конечно же, нет. Ответственность лежит и на мне... Но я прервал тебя. Начни сначала свой рассказ, не упуская ни единой детали: в политике все может быть важно... Так что, король пеласгов отверг дочь своего императора? И что же он сказал? Какую причину он смог придумать?

— Никакой. Переговоров не было.

— Как?

— Дословно следуя твоим инструкциям, я, как только показалась столица пеласгов, отправил вперед одну галеру с дарами и двух сановников из моей свиты. Им было поручено приветствовать Фореноса и испросить разрешения бросить якорь на рейде... Форенос почтил моих послов, хотя и с некоторым запозданием... Он прислал мне свежих припасов, вина из своего погреба, если верить словам моих людей... Он очень любезно согласился, чтобы моя флотилия вошла в гавань, и... передал мне приглашение на празднества, которые начинались

на следующий день...

Принц поднес к губам свои тонкие пальцы и откинул голову. На лбу его выступили капли пота. Он снова закашлялся, его пробитая грудь резко дергалась. Гальдар протянул ему полотенце, чтобы вытереть подбородок. Глаза его холодно встретили взгляд императора Нода, и император вздрогнул.

— Успокойся, бедное дитя. Я ни в чем не упрекаю тебя... Может, тебе стоит отдохнуть? Мы можем вернуться к этому разговору потом, тем более что сейчас следует действовать, и незамедлительно!

— Нет, давай закончим сейчас!

— Что ж, согласен.

— Мы приняли обычные меры предосторожности. Скоростные галеры курсировали, испытывая их на бдительность... Ближе к полуночи почти все мои офицеры скончались в ужасных страданиях... те, что ели фрукты, присланные Фореносом... Старый адмирал тоже успел отведать угощения... Те, что только пили вино... скоро уснули безмятежным сном... Можно было подумать, что они пьяны... Только некоторые, самые крепкие, не почувствовали ничего.

— А ты?

— Я не участвовал в общем пиршестве... Мое сердце словно предчувствовало что-то... чему я не мог найти объяснения... Я удалился в свою комнату, сославшись на то, что мне нужно приготовить мою завтрашнюю речь... Но когда адмирал и остальные мои спутники начали стонать, держась за животы... я понял, что нас предали.

— И что ты решил?

— Я приказал сниматься с якоря.

— Ты отдал приказ с помощью огней? Пеласги их непременно заметили!

— У меня не было выбора!.. Впрочем, почти все мои люди были отравлены... Приказы выполнялись не всеми... и с медлительностью, приводившей меня в отчаяние... Повсюду слышались вопли... У входа в гавань разрастались языки пламени: горели наши сторожевые галеры. В одно мгновение все море заполнилось кораблями... Они атаковали нас одновременно с обеих сторон — с суши и с моря... Форенос бросил в бой не только свои триеры, почти не уступающие нашим... но даже рыбацкие лодки, которые осыпали нас градом камней из пращей, и шлюпки, поджигавшие наши суда... Сражение продолжалось до утра...

— Сколько кораблей у тебя оставалось?

— Десяток.

— Из сорока! Бедное дитя!

— Но он вышел победителем, — вставил Энох. — Страшная победа, но тем более она достойна похвал!

— Замолчи, старый козел.

— В море, — продолжал рассказывать Доримас, — нас поджидала еще одна флотилия. Их адмиральская галера подняла флаг Фореноса.

— Он подписал себе смертный приговор! Я схвачу его живым, он увидит, как будут гибнуть его воины, как солдатня будет бесчестить его дочерей и продавать в рабство его сыновей. И перед тем, как топор отделит его голову от тела, он поседет от перенесенных пыток. Я угоню в плен весь этот народ, раздарю его нашим работорговцам... Что же было дальше, Доримас? Закончи свой рассказ.

— Мы стали биться каждый против четырех.

— За честь Атлантиды! — воскликнул великий жрец.

— Замолчи же, старый дурак! Замолчи, наконец.

— В самый разгар сражения они пробили борт моей галеры. Нас оттеснили к корме... Он спас меня, — сказал принц, указывая на Гальдара.

— У него, значит, было оружие?

— Положение было столь отчаянным, что я приказал расковать самых крепких

гребцов, тех, что согласились биться... Я пообещал им свободу...

Новый приступ кашля потряс его, и Гальдар снова заботливо подал принцу полотенце.

— ...Когда меня ранили, он смог пробудить силы в оставшихся и отбить атаку... Он принял командование кораблем на себя...

— Как его имя?

— Гальдар.

— Он свободен!

— Неожиданный шквал разметал флотилию Фореноса. Нам удалось уйти всего с тремя галерами... Но и они не избежали гибели: мы видели, как их поглотили волны, и были бессильны чем-нибудь помочь. Их поврежденные борта не выдержали ярости разбушевавшихся валов... Мы, спасшиеся, остались в одиночестве: двое офицеров, горстка воинов и треть гребцов...

— И милостью богов, — сказал Энох, — наш возлюбленный принц.

— Я был ранен неопасно, но тяжелый путь, скорбь о моих спутниках и горечь моего поражения...

— Любой другой не выдержал бы на твоём месте или сдался бы неприятелю, — заметил Энох. — Наши придворные поэты прославят эту блестящую битву в назидание грядущим поколениям.

— Ты будешь отмищен, сын мой; я буду мстить беспощадно и жестоко, обещаю тебе. Я смою оскорбление, излечу тебя от этой ненужной печали. Думай о моей мести и забудь об остальном. То, что случилось, — просто сон. Проснись, открой глаза, забудь твои дурные сновидения... Слушай... Сегодня же я предам смерти пеласгов, живущих — на свою беду! — в Посейдонисе; я сожгу их корабли и дома, невзирая на их богатства и верноподданные чувства. Я верну все эскадры, отправленные в чужие края или на учения, соберу самую грозную флотилию из всех, какие когда-либо бороздили моря, и без всяких предварительных переговоров, не объявляя войны, брошу ее на эту пададь, на этих «союзников», которые при первой же опасности выпустят из лап свою добычу! Проклятый заговор рухнет под первым же ударом. Я рассею твою грусть; подумай только, сын мой: через несколько месяцев этот народ прекратит свое существование. Доволен ли ты теперь? Разве мог бы я сделать больше, чтобы вернуть тебя к жизни?

— Отец, я еще не закончил... В двух днях пути от Иберийского пролива мы попали в такой ужасный шторм, что на носу открылась течь. Галера накренилась, и все наши усилия остановить прибывавшую воду были тщетными... Мы попали в мертвую зыбь, и огромная волна смела шатер, подхватила меня и вынесла в море... Гальдар помогал кормчему. Он увидел меня и бросился в воду. У него хватило ловкости, чтобы обхватить меня, и сил, чтобы выплыть с такой ношей среди высоких гребней... Я очнулся уже на борту, в своей постели. Над кроватью повесили новый полог Светило солнце... Я услышал, как выкрикивает счет надсмотрщик, командующий гребцами... Гальдар вернулся на свою скамью, к веслам... Я не решился отпустить его оттуда до самого Посейдониса: у нас было слишком мало гребцов.

— А это кто?

— Это Ош, его товарищ и спутник. Это он вытащил нас из воды. Он опытный моряк.

— Пусть они оба будут освобождены. Но пусть не покидают дворца без особого приказа! Они могут сопровождать тебя, если ты захочешь. Сестра уже знает о твоём прибытии и ожидает тебя с нетерпением. Отдыхай, мое милое дитя, и постарайся позабыть все, что тебе пришлось перенести.

И добавил:

— Подумай о том, что невзгоды слишком мимолетны. А испытания, пройденные в молодости, готовят тебе великое поприще.

— Ты все еще считаешь меня виновным?

— Выбрось из головы эту глупую мысль. Сын императора не может быть виновен ни в чем! Если он и может упрекнуть себя в неосторожности, в недостаточной рассудительности или излишней доверчивости, то никому не дано порицать его за это, пусть даже эти упреки

будут улащены лестью. Правда ведь, любезный мой Энох?.. Обними свою сестру с чистым сердцем. Император и впредь сохранит уважение к тебе, а отец — ты прекрасно это знаешь — по-прежнему будет нежно любить тебя. Может быть, даже слишком нежно...

— А ты, старый козел, — сказал Нод, обращаясь к Эноху, — останься, мне нужно посоветоваться с тобой. Ну, что ты думаешь обо всем этом?

Старик теребил свою митру. Он ожидал этого вопроса, но вздрогнул, услышав голос императора. Он решился отвечать, придав своему голосу несколько льстивую интонацию:

— Я восхищаюсь смелостью принца и его добротой... Эти каторжники, которых он привел к тебе...

— Оставь этих каторжников, мы поговорим о них после.

— Я преклоняюсь перед его решительностью: сняться с якоря в крошечной тьме, в чужих водах... Точность его приказов... Божественная проницательность, которую он обнаружил, повелев снять цепи с гребцов...

— Брось ты своих богов! Они спали вместо того, чтобы охранять моего сына.

— Я полностью согласен с твоим светлейшим суждением об испытаниях, которые должен был пройти молодой принц. Твоего сына ожидает поистине великое будущее!

— Так ли? Я опасаюсь худшего!

— Великий!

— Этот дурак позволил обвести себя вокруг пальца, словно ребенок! Я столько раз предупреждал его! Если бы все было в порядке, Форенос должен был бы поспешить явиться на адмиральскую галеру, чтобы выказать почтение моему сыну. Но этот глупец нашел вполне естественными все увертки хитрого варвара! Он удовольствовался отравленными фруктами и вином, к которому подмешали снотворное.

— Разве он мог предвидеть это, великий?.. Он рассчитывал на ужас, который внушает твое имя... — Энох пожевал кончики своих усов: — ...а не на коварство грубых варваров, признающих только безжалостную и действующую незамедлительно силу, путающих слабость со сдержанностью, мирные намерения с робостью.

— Нет, этот выючный осел знал все, но он мерит всех своим аршином, называя это «доблестью души, неотделимой от императорского величия». Он боится меня, осуждая и презирая в глубине души. Я знаю, чувствую это.

— Для него нет ничего дороже твоего одобрения. Ничего, господин мой! С каким беспокойством спрашивал он тебя, сохранит ли он твое уважение!

— Нет, великий жрец. Он спросил, считаю ли я его виновным, и этот вопрос выдал его с головой. Так может спрашивать только слуга.

— Или любящий и почтительный сын.

— Нет, скорее принц, который сломлен своим первым поражением, вместо того, чтобы готовить отмщение... Но довольно, нас ждут дела. Мы потратили слишком много времени на пустую болтовню. Первое, что необходимо сделать, — это внушить людям правильные мысли. Мы должны издать победный вердикт!

— Я объявлю богослужение во всех храмах, чтобы народ возносил благодарственные молитвы.

— Вот это разумно!

6

Гальдар и Ош следовали за носилками принца по лабиринту коридоров, ведущих в покои Доры. Ош время от времени покачивал своей лысой головой. Роскошь мраморных стен, бесконечный ряд колонн из оришалька, бассейны, украшенные цветами, бронзовые светильники, плиты пола, отполированные так, что в них можно было видеть свое отражение, высокие двери черного дерева с тяжелыми дверными молотками из золота — все это великолепие поражало и смутно беспокоило его. Вспоминая свою родину, вечно окутанную туманом, деревянные домики, разбросанные по берегам фьордов, рифы и

стонущее море, он чувствовал себя подавленным этой роскошью и одновременно упрекал себя в том, что он, сын морских воителей, не мог презирать ее. Гальдар же, напротив, словно пересчитывал эти богатства с видимым удовольствием, хотя и не изменяя своего привычного выражения и не опуская скрещенных, по обыкновению, рук. Он шел, выпрямившись, словно воин, который не может отвыкнуть от выправки и солдатского шага.

— В этом крыле дворца располагаются мои покои, — объяснил Доримас, и покои моей возлюбленной сестры, принцессы Доры. В Атлантиде нет никого красивее ее. Впрочем, вы и сами увидите.

Ни Гальдар, ни Ош не отвечали ему.

— Бедные мои друзья, я прекрасно понимаю ваше изумление! Вчера еще вы сидели на скамьях с другими гребцами, а сегодня вдруг оказываетесь в величайшем из дворцов, какие есть на свете... Чтобы это превращение не слишком пугало вас, я помещу вас на время в небольшой домик. Он находится в глубине моего собственного сада... А потом уже решим...

— Слепота, все та же слепота! — рычал Нод, все еще охваченный яростью. — Что еще за бездельников он взял себе в товарищи?! Каторжники! Ты это слышал, Энох? Как рьяно он оправдывал этого бандита! Можно подумать, что они взяли его в долю!

— Но господин, этот Гальдар спасал ему жизнь, и не один раз.

— Охотно верю, но главное не в этом. Я более чем уверен, что он ничего о нем не знает, что ему даже не пришло в голову расспросить его. Недоверие недостойно его царственной персоны. Ох! Как бы он не обжегся. Такие глупости плохо заканчиваются, очень плохо!

— Господин, стоит ли опасаться этого несчастного? Он слишком безвреден. А о старике вообще говорить нечего. Их теперь не беспокоят ни кандалы, ни плети; один кошелек золота — и у них не хватит слов, чтобы отблагодарить тебя! А потом они опять начнут грабить или убивать и снова отправятся на галеры.

— Если только не воспользуются этой навязанной им свободой. А представь себе, что кто-нибудь из них некогда был наделен властью — конечно, в пределах своего народа — или только и мечтал об этом и жил этой надеждой. Каторга или ломает людей, или закаляет, и тогда появляется на свет сущий демон. Подумай только, Энох, что такое годы, проведенные в цепях, под ударами бича, с сердцем, опьяненным желанием выжить и отомстить!

— Господин желает, чтобы я их расспросил? О, конечно, осторожно!

— Я займусь этим сам как-нибудь на досуге.

— Не слишком ли это презренная работа для императора?

— Я почувствовал в душе этого Гальдара под бесстрастными чертами какой-то коварный умысел, какую-то давно обдуманную и затаенную мысль: это одна из тех натур, которые только смерть способна подчинить своей воле.

Он углубился в свои мысли.

— Он мне не нравится, — вскричал Нод мгновение спустя. — И этот простак хорош тоже: всюду таскает его за собой и всхлипывает, как девка: «У него достало ловкости схватить меня и выплыть...»

— Я проведу расследование, если ты считаешь, что это необходимо. Пороюсь в архивах: если Гальдар действительно атлант, что-нибудь да найдем.

— Да, наверняка. Тот второй интереса не представляет. Он, должно быть, какой-нибудь варвар с севера, один из морских разбойников, которым мы попритупили клыки. Что же касается этого Гальдара...

— Можешь положиться на мое усердие. Завтра, если будет возможно — а я в этом не сомневаюсь, ибо твой инстинкт никогда тебя не подводил, мы будем знать о нем все. Господин, а остальные?.. Я имею в виду тех, кто остался в живых из команды.

— Сколько их?

— Около шестидесяти гребцов, порядка тридцати моряков и солдат и, кажется, два офицера.

— Это явно лишние свидетели.
— Господин, твоя суровость ужасает меня!
— Галера должна быть затоплена этой ночью. Можешь устроить каторжникам последнее пиршество, наговори им всяких любезностей... Что же касается остальных...
— Должен заметить, что офицеры не слишком высоких званий...
— Если только Доримас не сделал еще их адмиралами с его манией оказывать милость всем, кто удостоится чести быть приближенным к его персоне!..

Император сжал побелевшие губы. Когда лицо Нода искажала эта хищная гримаса, Энох всегда ощущал холод, пробиравший его до костей.

— Ты взволнован, мой любезный друг? Возьми себя в руки, прошу тебя, и постарайся усвоить то, что я скажу. Сегодня вечером — я уже отдал приказ — народ, опьяненный яростью, вырежет всех, кто имеет хоть какое-то отношение к пеласгам, всех, живущих в этом городе. Разве не справедливо будет нашим славным побежденным переселиться в мир иной — если он существует! — вместе со своими победителями? Тридцать солдат да два офицера — это же пустяк. Но только действуй осторожно и аккуратно. Устрой пир для них — у себя, например.

— В моих покоях?
— Да, никто не должен их видеть... Кстати, есть такие сорта мяса, которые оч-чень трудно переварить. Особенно после столь долгих странствий.
— Ты хочешь, стало быть, чтобы и я участвовал в этом преступлении?
— Ты ведь не противишься, когда делишь со мной мою славу, любезный друг!
— Значит, судьба уготовила этим несчастным только краткую отсрочку?
— Мертвые молчат. От этого постыдного поражения не останется никаких следов, вот в чем суть.

— И на скрижалях истории будет начертан лишь твой грядущий триумф!
— Энох, прошу тебя, избавь нас от этих навязчивых свидетелей. Они беспокоят меня. Мне хочется действовать, слышать стоны, видеть кровь, да, кровь! Но кто я такой, чтобы наказывать своего сына? Да и в чем он повинен? В том, что его ранили, унизили, оскорбили, оставили в дураках какие-то подлецы?!

— Неужели ты предпочел бы, чтобы он побеждал всегда, жадно добивался власти, но вглядывался в твой божественный лик, стараясь уловить, не изменилось ли что, выжидая лишь случая, чтобы ускорить твой конец и самому усесться на трон?

— Тебе ведомы целебные слова, которые успокаивают душу... Но я не знаю, быть может, таким я любил бы его больше. Друг мой, отправляйся творить зло во славу своего императора и постарайся поскорее вернуться.

Дора высвободилась из объятий своего сегодняшнего любовника. Неожданное возвращение братанарушало все ее планы, но она была слишком искусной в дипломатии, чтобы позволить себе выказать хоть тень неудовольствия. Напротив, она встретила Доримаса изъяслениями талантливо сыгранной радости, с нежностью и восхищением. Она очаровательно вздыхала, целуя его ввалившиеся и поросшие щетиной щеки, сжимала в своих руках влажные ладони брата, трогательно поглаживала его исхудалые плечи и расспрашивала, ворковала, вскрикивая по временам и утирая весьма кстати выступившую слезу. Но когда Доримас начал рассказывать — она так жаждала услышать его печальную повесть, — ее огромные зрачки то и дело останавливались на Гальдаре.

У нее были бледно-зеленые, с рыжеватыми крапинками зрачки, изобличавшие ненасытную и жадную до впечатлений душу, и длинные густые ресницы, казалось, не могли совладать с их дьявольским блеском. В этих очах, холодных и великолепных, которым тени бурно проведенной ночи и зари, отданной любовным утехам, придавали неизъяснимую прелесть, мелькало иногда что-то человеческое, что-то похожее на чувства, доступные простым смертным. Под ее легким, почти прозрачным платьем угадывались очертания еще не оформившегося юного тела. Совершенно черные волосы, словно облитые лаком,

обрамляли тонкое лицо. Нитка жемчуга, украшавшая ее лоб, вздрагивала при каждом движении. Легкие, изящные руки Доры самой природой были созданы для плавных, женственных движений, для медленных, изысканных ласк. Все ее существо, казалось, было пронизано губительной слабостью и чувственностью. Оно возбуждало какой-то бессознательный страх, и которому примешивалось судорожное желание. Ее губы, так похожие на губы отца, совершенно не портили девушку, а лишь усиливали ее привлекательность, это был призыв, против которого невозможно было устоять. Они смыкались и размыкались, следуя за течением ее мыслей и волновавших ее впечатлений, напоминая чудесные цветы медуз, эти живые венчики из переливающейся плоти, которые остаются в пору отлива в небольших прибрежных лагунах.

Когда Гальдар наклонился, чтобы налить принцу воды, Дора заметила шрамы на его спине, жуткую сеть лиловатых рубцов под трезубцем, выжженным раскаленным железом. В ее глазах вспыхнула какая-то мысль, щеки цвета белоснежной амбры слегка порозовели, а нижняя губка трогательно вздрогнула. Дора до боли сжала свои хрупкие руки. Долго и с излишней откровенностью она рассматривала, словно изучая, красивый мужской торс, удивленная его гибкой мощью и даже как будто слегка напуганная ею. А главное, этим загадочным взглядом, оживленным спокойной мягкостью, участливым и в то же время каким-то отстраненным, как у зрителя, не слишком заинтересованного спектаклем, который разыгрывают перед ним актеры. Она попробовала улыбнуться, хотя принц в это время повествовал о самых драматических событиях своего путешествия.

Он думал о том, как она напоминает прирученную волчицу. Больше всего ему хотелось бы сбежать отсюда, утащив с собой Гальдара. В самых глубинах своей души, в тех тайниках, где рассудок и память уже лишены зыбкой власти, он вдруг ощутил с необыкновенной остротой, что именно в это мгновение судьба плетет свои бесчисленные нити, которые, одну за другой, тянут или слепой рок, или — это уже вопрос веры — безжалостные боги. Дальнейшие события, мгновенным озарением открывшиеся ему, их необратимое течение до самой развязки в мрачной пропасти грота, заполненного лохматыми, всклокоченными существами, ужаснули его. Его поразили причудливые изгибы судьбы и то, как тесно они переплетались теперь уже с жизнью Доры.

Гальдар не смотрел на принцессу. Там, между колоннами, над шелестящими листьями пальм, над кровлями и крепостными стенами Посейдониса, надо всем этим открывалось его взору море, испещренное светящимися бликами и россыпью разноцветных парусов.

Он делал вид, что внимательно слушает рассказ принца, а на самом деле поминутно спрашивал себя, чем занята душа того и не терзает ли ее страх, снедавший его самого. Как часто совсем еще недавно их мысли, согласные во всем, летели сообща, встречаясь и сходясь, словно близнецы. И вот это время миновало! Горькая, но неумолимая уверенность камнем легла на сердце. Да, начиналось что-то новое, он только не знал еще что...

Потом это молниеносное видение померкло, рассыпалось пылью, исчезло, чтобы уступить место реальности: принцу, чело которого носило явные знаки приближающейся смерти, этой молодой женщине, алчущей плоти, и его товарищу, вдруг сделавшемуся недоступным и как бы чужим самому себе.

7

Город отдавался солнцу. На улицах не было видно ни души; только несколько бесноватых бесцельно бродили среди нищих, сидящих на корточках. Жара, несмотря на близость моря, была непереносимой. Стены, соборы, балюстрады выделялись на лазоревом фоне абсолютно безоблачного неба; даже птицы укрылись от палящего зноя. Пальмы склоняли свои чешуйчатые стволы. Ни одно движение не нарушало картины, словно все вдруг окаменело, намертво застыло в этой неумолимой, полыхающей духоте. За опущенными шторами лежали обнаженные люди; одни — будто бы возвратив себе ненадолго невинность прежнего детского облика, другие дышали неровно, ибо полуденный

сон всегда бывает немного беспокойным и взволнованным. Тишину иногда нарушал лишь гортанный смех.

Однако именно в это время, в самый томительный час дня, чиновники из императорского дворца решили огласить императорский указ, старательно начертанный на хорошем папирусе:

«Божественный император приветствует свой народ!

Достославный принц Доримас, наш сын, посланный с мирной миссией в королевство вероломного Фореноса, короля пеласгов, стал жертвой коварного нападения без всякого предварительного разрыва дипломатических отношений. Наш отважный посланник не усомнился принять вызов, хотя в его распоряжении находилась лишь одна эскадра, рассеял флотилию противника и уничтожил огнем и мечом большую часть вражеского войска, получив на нашей службе серьезное ранение!

Однако эта новая победа нашего оружия не может утолить праведного гнева вашего императора. Им принято решение отправить к пеласгам карательную экспедицию, чтобы связать руки презренному Фореносу и его сеидам и превратить ненавистный нам народ в рабов. Это произойдет в ближайшее время!

Но отзыв кары, которую условия стратегии призывают отсрочить, должен слышаться уже сегодня. Пеласги, живущие в Посейдонисе, да испытают вашу ярость! Император хочет этого! Император приказывает! Пусть без промедления соберутся законопослушные граждане и схватят этих негодяев! Пусть те умрут самой ужасной смертью! Никому не будет пощады! Разделите между собой их богатые одежды, утварь — все, что стяжали они своим гнусным ремеслом, золото, которое они украли у вас! К концу этого дня никто из них не должен остаться живым! Император запрещает только разрушать их дома и склады, затопливать корабли и растаскивать грузы: все это будет собрано и продано с аукциона; вырученное золото будет роздано нуждающимся.

Кроме того, капитанам и судовладельцам категорически запрещается торговать с кем бы то ни было из пеласгов под страхом смертной казни и конфискации всего имущества.

Славные атланты, ваш император ожидает результатов вашего усердия и преданности его божественной личности.

НОД».

— «Божественный император!» «Его божественной личности!» Э, да это что-то новенькое! Ему мало быть императором, он еще себя богом провозгласил. А дальше что?

— Замолчи ты, наконец.

Оборванцы переговаривались вполголоса. Привлеченные объявлением, они поднялись на ноги, впрочем, не без некоторого колебания. Один из них, старый школьный учитель, прочитал им указ Нода.

— Я же говорил вам, что он спятил! Вот доказательство!

— Нас могут услышать!

— Мозги отказали. Он решил, что он теперь Посейдон!

— Сумасшедших надо связывать и сажать под замок. Это серьезно.

Одна за другой двери стали приоткрываться. В окнах уже показывались люди. Толпа нищих росла: подходили мужчины, женщины, они читали вслух и обменивались фразами.

— Невозможно!

— Пеласги вне закона?

— Стало быть, можно пожить за их счет?

— Не можно, а нужно!

— Под страхом неудовольствия божественного императора!

— Великолепно, а главное — неожиданно!

— Так он теперь бог?

— Что ты сказал?

— Я говорю «божественный император»...

Этот эпитет придумал Энох. Он два раза вставил его в текст, чтобы подготовить почву: народ должен привыкнуть к величию своего властителя.

— Хватит терять время, друзья! В нашем квартале десять семей пеласгов — надо поделить их для нападения.

— Пойдем возьмем оружие!

— Ты прав. Они же могут сопротивляться.

— Да ну! Единственное, чему они обучены, так это обворовывать нас. Перечитай указ любезного императора...

— Все добро теперь наше!

— Император отдаст нам все, что они отняли у нас. Это ведь по справедливости, правда?

— Еще бы, приятель!

— Да здравствует наш император!

— Да здравствует наш божественный император! — прокричал какой-то человек из вновь пришедших, одетый слишком хорошо, для того чтобы жить где-нибудь поблизости. Это был, вероятно, секретный агент, стражник, переодетый добродушным гулякой, каких в Посейдонисе было много.

— И впрямь! Да здравствует божественный император! — вскричала толпа, может быть, из осторожности.

Босяки начали потихоньку расходиться.

— Эй, вы там! — окликнул их незнакомец. — А вы, случаем, не пеласги? Все верные слуги нашего императора уже приглашены на нынешний праздник. Милости просим!

— Бежим!

— В такую жару только бегать!

— А если они попрячутся?

— Неужели ты откажешься от своей доли?

— Ты возьмешь мне тот столик, который у них стоит внизу! — раздался женский голос. — И не забудь ту красивую серебряную вазу, которая на нем!

— Если, конечно, смогу!

— Сказал бы уж: «Если захочу»! Не забудь, столик и вазу.

— Как я потащу твой столик?

— Он же крошечный, а ты... ты такой сильный...

— А их девочки, приятели? Их очаровательные маленькие черноглазые девочки с торчащими сосцами и темными прядями, а?

— Да уж будьте покойны!

— Я могу вам обещать. Сначала попользуемся: я, ты, да и все мы, а потом — фьють! — и пусть плывут на тот свет! Что упало, то пропало: указ его императорского величества!

Толпа все росла, колыхаясь, толкая друг друга локтями. Мужчины криво ухмылялись, женщины возбужденно посмеивались. Приманка легкой наживы, зависть, похоть и ненависть — весь этот душевный осадок, который носит в себе каждый, искажал черты людей, обезображивал их лица. Только бесстрастное солнце, казалось, разглядывало все это с высоты абсолютно безоблачного неба. Даже птицы укрылись от палящего зноя...

Из ближайшего квартала донеслись крики, и вслед за тем одинокий душераздирающий протяжный вопль. Чье-то тело, сброшенное с одной из террас, взмахнув в последний раз руками и ногами, с глухим стуком ударилось о мостовую. Звук тупого удара словно развязал инстинкты.

Нод давал аудиенцию во дворце. Спокойный и улыбающийся, он разговаривал с двумя

заморскими гостями, головы которых украшали уборы из перьев. Он даже спустился с трона, чтобы усестись рядом с ними. Никогда еще его порочная натура не проявлялась с таким блеском, как в эти мгновения, когда он, стараясь пустить пыль в глаза, разыгрывал перед собеседниками роль воплощенной любезности и умиротворения. Даже самые осторожные теряли всякую бдительность, забывая данное себе обещание и простодушно включаясь в игру. От этих двух князьков Нод хотел заполучить самых жестоких, сильных и прекрасно вымуштрованных во всей империи солдат: ему нужно было пополнить воинами свою флотилию. Гордые атланты, испорченные роскошью, предпочитали использовать наемников, нежели подставлять стрелам свои изнеженные тела!

Разговор прервался появлением седовласого Аркоса.

Старый Аркос был постоянным обитателем дворца. Стражники не осмелились задерживать его, несмотря на указ, а может быть, как раз вследствие указа. Он шествовал в сопровождении воина, горделиво выпрямившись. Борода и волосы его были совершенно седыми; он был одет в белоснежную, без единого узора широкую тунику. Аркос никогда не носил украшений, но осанка и весь его облик были исполнены такого величия и достоинства, что воины невольно расступались перед ним, словно были его свитой.

— Чего тебе надо? Эй вы, кто велел его впустить?

— Прости меня, господин мой, если я воспользовался той милостью, которой ты почтил меня только вчера...

— Я отменяю ее!

— Но господин...

— Ты разбогател благодаря своей хитрости, ты сделался самым крупным судовладельцем и самым состоятельным банкиром Посейдониса. Ну что же! С сегодняшнего дня ты больше не богат! Теперь у тебя нет ни золота, ни кораблей! Теперь ты никто!

— Господин, я пришел просить защиты не для своих богатств.

— В самом деле?

— Я давал золото на твои походы, и оно редко возвращалось ко мне. Я оснащал твои флотилии и вооружал твоих воинов. Ты пользовался моим кошельком, и я не жалею об этом. Я скорблю не о себе. В моем возрасте думают разве что о покое, о том, чтобы отойти от дел и достойно проститься с людьми. Нет, не за себя я пришел просить.

— Так за кого же? За кого-то из твоих родственников?

— За моих братьев, пеласгов, живущих в Посейдонисе, твоих верных слуг. Как только я узнал о твоём указе от одного из моих людей, который, к счастью, прочел его одним из первых...

— Уж не купил ли ты какого-нибудь из моих писцов?

— Моя вера в императора была безгранична!

— Если бы не подкупил какого-нибудь дворцового чинушу, тебя бы вытащили из твоей норы. Я дал приказ арестовать тебя, старая лиса! Твое добро слишком роскошно для этого сброда.

— Я опередил твое приказание.

— Я не пойму, чего тебе надо?

— Мне — ничего, повторяю тебе. Если тебе нужна жертва во искупление, я могу ею стать...

— Нет, старик!

— Умоляю тебя, господин мой, останови эту резню! Это непростительное и бессмысленное преступление. Его будут помнить века. Оно покроет мраком твое царствование, слава о котором идет повсюду, и чего ради?

— Твой король не менее коварно напал на нас.

— Форенос — не наш король. Мы живем в Посейдонисе, и тебя, славный император, тебя единственного признаем мы нашим властителем, тебе единственному спешим мы подчиниться, что бы ни случилось.

— Мне единственному спешите вы разве что изменить!

- Неужели мы должны отвечать за двоедушие Фореноса?
- Каждый народ имеет правителей, которых он заслуживает. И значит, он должен искупать их деяния и караться за их ошибки.
- Я не тешу себя надеждой, что сумею переубедить тебя, но, может, мне удастся пробудить в тебе сострадание? Сколько нас, пеласгов, в Посейдонисе — горстка.
- Пятнадцать тысяч.
- Это против трехсот тысяч с лишним! Скажи, разве мы можем что-нибудь? У тебя вполне хватает агентов, чтобы следить за нами, и они достаточно искусны. Доводилось ли им когда-нибудь доносить тебе о каком-либо нашем заговоре или о подозрительном сборище, известна ли тебе хоть одна улика против нас?
- Форенос оскорбил меня в лице моего сына; этого достаточно.
- Подумай о наших детях, о женщинах, о тех, кого время сделало, как меня, беззащитными! Мы отдадим все наше добро. Дай нам корабль, чтобы мы могли вернуться на родину, и мы покинем Атлантиду, если уж здесь нас считают врагами.
- Чтобы вы пополнили ряды Фореноса?! Седовласый червяк! Прекрати молоть вздор! Вернись на землю! Скоро у тебя не будет родины: останется только выжженная земля, мертвые дома да пустынные набережные, у которых будут догнивать останки вашей флотилии. Ты понимаешь меня? Никто больше не увидит на просторах океана ни единого корабля, идущего под флагом пеласгов. Богатства, которые вы стяжали бесчестьем и хитростью, разделят между собой... ну, хотя бы вот эти два князя, что слушают нас сейчас, наши верные союзники. На то золото, которое останется после смерти ваших богов, они построят храмы во славу наших. Год спустя уже и думать забудут о твоём жалком народишке! Никто не осмелится произнести даже его название!
- Что ж, позволь мне только вернуться к моим людям. С ними я прожил свою жизнь, с ними должен и умереть. Мне не хотелось бы, чтобы они подумали, что мне уготован другой жребий, что мое золото и те милости, которыми ты отличал меня, повлияли на мою судьбу... Леденящий душу хохот был ему ответом:
- Старый осел! Кто сказал тебе, что ты не встретишься со своими? Следуй за мной, живо! Идемте, мои доблестные князья. Я приглашаю вас на спектакль, который вы не скоро забудете. А после мы вернемся к нашей беседе.
- Куда отвести его, господин?
- Наверх. Предупредите слуг и позовите принца Доримаса. Пойдемте. Не расстраивайся, Аркос, тебя я тоже пригласил.
- Великий, еще есть время, заклинаю тебя, останови это избиение безвинных. Все наше добро за наши жизни!
- Я не люблю заставлять себя ждать даже тех, кто мне прислуживает. Идем.

Те, кто ждал, были странными слугами: почти обнаженные (всю одежду их составляли кожаные набедренные повязки), мускулистые, они стояли возле невысокого круглого бортика, напоминавшего колодец. Когда Нод вошел, они молниеносно склонились в почтительном приветствии и тут же выпрямились, словно для того, чтобы увидеть тех, кто сопровождал императора. Их лица, похожие скорее на физиономии висельников, чем слуг, остались совершенно безучастными.

— Сюда, любезный старик, и успокойся. Впрочем, разве что-нибудь может взволновать твою возвышенную душу?

— Дрожит только моя плоть, душа же спокойна.

— Достойный ответ. Я буду с удовольствием вспоминать о нем.

Нод подтолкнул его к огромному окну, освещавшему залу. Оно выходило в сад: были видны клумбы, на которых искусно выращенные цветы образовывали изображения трезубцев, дельфинов и солнца, аллеи, окаймляемые апельсиновыми деревьями и статуями, расставленными по краям, бассейны, вода в которых принимала лиловый или лазоревый оттенок мозаичной плитки, шумящие фонтаны, пронизанные солнечными лучами и

распространявшие повсюду восхитительную свежесть, соцветия экзотических деревьев и в промежутках между их кронами — смеющееся полуденное море.

— Подумай только, мой дорогой Аркос, как мило было бы прогуливаться под этими тенистыми деревьями, какое счастье вдыхать аромат этих цветов, как побуждают эти красоты к возвышенным размышлениям! И как несчастлив должен быть тот, кто не может воспользоваться всем этим!.. Ибо этот несчастный — твой император, у которого даже нет времени отдохнуть в своем собственном саду. Время призывает его к делам. Лишь время властно над ним. За неимением лучшего он посылает туда своих гостей. Досадно, не правда ли?

— Прошу тебя, не затягивай мою казнь.

— Мне кажется, мой сын изволил почтить нас своим приходом...

Как только чернокожие носильщики опустили портшез принца возле колодца и император едва уловимым кивком головы отпустил их, палачи схватили старика и сбросили в яму. При виде его убеленной сединами головы, едва возвышающейся над краем колодца, Нод расхохотался демоническим смехом:

— Я же обещал тебе, что ты присоединишься к своему народу! Он там, в яме!

Через отверстие, сделанное на уровне земли, извиваясь, скользили растревоженные змеи: чтобы вспугнуть и выгнать их из нор, слуги развели под клетками огонь. Так казнили только знатных преступников.

— Твои, — рокотал Нод, — они там, вон они извиваются!

— Да падет на тебя проклятие за твою ложь и жестокость! — вскричал Аркос. — Атланты заплатят сполна, будь уверен, ибо они заслужили тебя, презренный император! Да покарают вас справедливые боги! Они собьют с тебя твою безумную спесь! Ты еще поплачешь кровавыми слезами, ибо в конце концов всему есть предел!

— Смотри, сын мой, — прорычал Нод, — вот тот человек, которому удалось убедить меня, что король Форенос жаждет взять в жены твою сестру; это его вероломство причина тому, что я отправил тебя к пеласгам добиваться этого союза с целью установить, наконец, нерушимый мир между нашими народами.

Змеи уже поднимали свои головы, было видно, как открываются их пасти и смертоносные зубы ищут добычу. Они оплели тонкие икры старика; лицо его исказилось и глаза наполнились слезящейся влагой, но губы продолжали выкрикивать проклятия:

— Тебе никогда не победить пеласгов! Твой развращенный народ, преданный сластолюбию, дрогнет в час сражения. Вот тогда-то, презренный тиран, пошатнется твое ложное величие и просияет свет истины! Ведь возвращение твоего сына — а Девы из Большого Храма предсказывали тебе это! — было только первым уроком твоей сумасшедшей надменности. Пеласги останутся, твой же народ истребят до последнего человека праведные боги, уничтожат его водой морской и огнем небесным! И ты, и ты погибнешь наконец, ненавистный владыка презренного народа, вождь, ведущий его к гибели, чудовище с лицом человека...

Нод хохотал. Его безумный, презрительный смех раздавался все громче. Голос Аркоса слабел, колени его подкосились, тело рухнуло в глубину колодца. Вмиг вся его белая туника покрылась змеями, сплетающими свои зеленоватые кольца и сталкивающимися головками с яростно пылающими глазами.

— Вот, мои дорогие князья, — объявил наконец император, — как кончают жизнь предатели. Прошу вас снисходительно извинить меня за этот перерыв в нашей беседе.

Доримас закашлялся, лежа в носилках. Гальдар поднес к его губам платок и, убирая его потом в карман, заметил, что он окровавлен. Нод подошел к сыну в некотором смущении и беспокойстве. Он заметил, что по лицу его катились слезы. Сквозь новый приступ кашля, сотрясавшего его слабое тело, император сумел различить слова:

— Довольно, отец!.. Довольно!.. Не надо этой резни!.. Они уже заплатили сполна!.. Прошу тебя, не надо!..

На лице Нода отразилось некоторое колебание. Затем, положив руку, украшенную

множеством браслетов, на плечо одного из своих собеседников, он сказал, широко улыбнувшись и обнажив белоснежные зубы:

— Итак, мои дорогие друзья, на чем мы с вами остановились?..

8

Когда друзья наконец остались одни, на Посейдонис уже опускалась ночь.

— Врачи напоили его травами, — сказал Гальдар. — Они смазали его рубцы целебным бальзамом.

— Напрасный труд. Он обречен, говорю тебе.

— Откуда ты это знаешь? Ты говоришь, словно кудесник.

— На своей скамье, там, на галере, я научился видеть то, что скрыто от глаз.

— Принц уснул. Боли перестали его мучить. С ним осталась сестра.

— Какой пример самопожертвования!

Ош отвернулся, может быть, для того, чтобы Гальдар не заметил тени, промелькнувшей в его глазах: его снова охватила недавняя тоска.

— Ты поел? — спросил Гальдар.

— Я приказал накрыть на террасе. Я никак не могу привыкнуть есть под крышей. Мне все время не хватает воздуха, ветра.

— Ты, наверное, и по качке скучаешь?

— У меня раскалывается голова от этой тишины: ни криков, ни свиста плеток, ни шумящего моря...

— Это же только твой первый день на свободе.

Во время ужина, который, не сговариваясь, Ош и Гальдар постарались поскорее закончить, они не проронили ни слова, время от времени поглядывая друг на друга. Двое невольников безмолвно прислуживали им. Это были краснокожие с Большого Материка. Их черные как смоль волосы были стянуты лентами с воткнутыми перьями попугая. Гальдар не мог оторвать взгляд от трезубцев, выжженных на их плечах. Ему было стыдно. Глядя на него, Ош старался повторять его жесты: то, как он резал мясо или отпивал из кубка. Ему не нравилось это густое, сладкое вино, туманящее разум и в то же время согревающее изнутри. Его стесняла эта туника с пурпурной каймой, которую ему принесли после обеда, он все время боролся с желанием закатать рукава.

Наконец Гальдар поднялся. Он облокотился на перила, и Ош поспешил последовать его примеру. Позади них слуги все так же бесшумно убирали посуду. Винтовая лестница в два оборота вела в сад, где возвышались темные пирамиды кипарисов и самшитовые деревья, которым искусные ножницы садовников придали коническую форму. Пламя светильников отражалось в воде бассейнов, бледные очертания статуй, не то каменных, не то из металла, просвечивали сквозь сплетение ветвей. Вдоль балюстрады медленно прохаживались часовые: острия их пик и шлемы то здесь, то там выступали из тьмы. Над ними бесчисленные, словно звезды, вспыхивали во мраке огни великого города, вычерчивая расплывчатые кольца островов, окружавших дворец, и потом опускаясь к морю непрерывными соединяющимися линиями. Самые яркие огни светились вдоль дозорного пути, на вершинах башен и при входе в гавань. Блестящие точки играли в водах канала, рассыпались, тысячами искр и снова выкладывали свою пеструю мозаику. Лунная дорожка на море вздрагивала и разбрасывала свои матовые блики, а вдалеке блуждали едва различимые сигнальные огни кораблей, пришедших в Посейдонис к вечеру и ожидающих восхода.

— Если бы я не знал тебя, — промолвил Ош, — я мог бы подумать, что ты вернулся наконец после долгих странствий к родному очагу, к своим близким. Глядя на тебя, я сказал бы, что ты предался воспоминаниям, прежде чем возвращаться к привычным занятиям. Почему ты молчишь?

— Если у человека есть душа, он везде дома.

— Станный ответ. Впрочем, со вчерашнего дня произошло слишком много странного...

Он обернулся, как оборачивался обычно, чтобы взглянуть, не подслушивает ли их укрывшийся в коридоре надсмотрщик или кто-нибудь еще из команды.

— Кто ты, Гальдар? — спросил он, понижая голос. — Кто ты на самом деле? Не царственная ли кровь течет в твоих жилах? Скажи, ты сын его брата? Или плод тайной любви какой-нибудь принцессы, ушедшей в мир иной? Незаконнорожденное дитя?

— Дружба не требует равенства. Или она есть, или ее нет. Она не выбирает между добром и злом, между прошлым и будущим.

— Но она не может и без доверия, без взаимного доверия.

— Хорошо, я скажу тебе, кто я действительно, но потом, когда Нод решит нашу участь. Оставайся моим другом, ибо только это имеет значение.

Заметив, как Ош вздохнул, он добавил более резко:

— Ах, успокойся! Я ничего общего с ними не имею. Никакие родственные узы, ни одна-единственная капля крови нас не соединяет. Неужели ты обратил внимание на их смугловатую кожу и вьющиеся волосы?

— Кто заставил тебя после того, как умер Аркос, оставаться еще возле Доримаса, когда он корчился на своих носилках?

— Жалость.

— А куда девалась твоя ненависть?

— Перестань допрашивать меня!

— Ладно, ладно. Но советую тебе отдохнуть. Неизвестно, что может случиться завтра...

— Да, я знаю...

— Только день назад мы держали в руках весла. Ты устал?

— Нет, совершенно не устал.

— Ты все так же силен даже здесь, в этом осином гнезде, где любой неверный шаг означает смерть...

— Ложись спать.

— Я ни разу еще не спал на кровати.

— Попробуешь этому научиться.

Камешки опять скрипнули под сандалиями старика. Он вернулся:

— Интересно, что случилось с нашими товарищами? Что они делают сейчас?

— Спят, может быть.

— Я вспоминал о них. Я подумал... наверное, им приготовили угощение прямо на борту галеры... С изысканными блюдами из мяса, и вино, наверное, льется рекой... Как ты думаешь?

— Мне кажется, они все это заслужили.

— А солдаты отпущены на берег и теперь пируют вместе с офицерами у великого жреца. Тебя это не настораживает?

— Постарайся только не расспрашивать о них слуг и стражу! Пойми же, в конце концов, за нами наблюдают! И будут наблюдать до тех пор, пока Ноду не придет в голову отдать какое-нибудь новое приказание.

— Я сбегу отсюда... Бежим вместе. Заклинаю, умоляю тебя, бежим... Пока еще есть время...

— Что означают твои слова?

— Ты напоминаешь мне море. Твоя сила, твоя незапятнанная гордость, твоя безмятежность, которую ничто не в силах омрачить, даже эта головокружительная перемена в твоей судьбе... Ах! Милый Гальдар, ты и впрямь похож на море, ты как седой океан!

— Мне не хватает только его шквалов.

— Пока он спит, но как знать, не покажет ли вскоре это спокойствие, какие бури скрываются в его недрах?

— Ош, спокойной ночи.

Гальдар подождал, пока Ош скроется, и не спеша, в рассеянности спустился в сад. Ему хотелось, чтобы эта вечерняя свежесть обняла его. Ему тоже не хватало живительного дыхания моря, он просто не желал сознаться в этом. Он припомнил, что говорил ему его друг, и упрекнул себя за излишнюю резкость. Противоречивые чувства обуревали его. Он искал одиночества, но к его желанию примешивалось какое-то смутное беспокойство, которое, впрочем, вряд ли можно было объяснить. Еще недавно столь необходимое ему внимание Оша теперь тяготило его. И эти новые ощущения, взволновавшие его душу, походили, быть может, на первый порыв ветра перед грозой, когда небеса вдруг темнеют и странный запах горячего металла наполняет легкие. Все еще, кажется, спокойно, но листья деревьев и травы, растущие возле их корней, птицы небесные и животные, обитающие на земле или в ее глубинах, пресмыкающиеся, рыбы, выскакивающие из воды, распрямляя вдруг свои гибкие хребты, и насекомые с дрожащими крылышками — все они ЗНАЮТ уже о том, что будет, и томятся каким-то неясным предчувствием. Это ощущение не покидало его, каждую клеточку его тела. Это был не страх, а, скорее, жгучее любопытство, хотя он сразу заметил в лице Нода инстинктивную ненависть к себе, и к этой враждебности примешивалось еще что-то нечеловеческое, какое-то болезненное пристрастие к крови, к виду мучений и смерти. Но Гальдар не испытывал страха. Он не думал о непрочности своего положения, странная радость, которую не смогла омрачить даже страшная гибель старого Аркоса, заглушила, вытеснила чувство опасности. Эта радость казалась ему ненужной, почти чудовищной, но у него не было сил раскаться в этом, как, впрочем, и гордиться ею.

Размышляя в одиночестве, наслаждаясь нежным дыханием ночи, он снял тунику, чтобы всем телом впитывать ее прохладу: ему все еще было жарко. Облокотившись о балюстраду, он рассматривал затейливую вязь улочек и каналов, где двигались играющие тени, сливающиеся вдали в единый узор. Он удивлялся, что не чувствует отвращения к этой возбужденно гудящей толпе, скорее, просто добродушное безразличие, словно сам он сделался вдруг соучастником этого веселого заговора или его снисходительным судьей и будто недоумевал, можно ли посвящать ночь чему-то, кроме попок и сладострастия. Он даже рассмеялся легким смехом, заметив четырех типов, схвативших отчаянно размахивающую руками и ногами девушку посреди улицы, полной прохожих, слишком занятых собой, чтобы вмешиваться. Он не узнавал себя; исследуя свою душу, он увидел вместо всего, к чему он привык, какого-то незнакомца, которым он, быть может, всегда и был или хотел стать. «Какой яд вдыхают здесь люди вместе с воздухом?» — подумал Гальдар.

Снова хрустнули мелкие белые камешки, которыми была усыпана дорога. Он подумал, что старик Ош, наверное, так и не смог заснуть, обуреваемый мыслями. Но его обостренная интуиция, свойственная, видимо, не одним только надсмотрщикам, говорила ему о присутствии кого-то другого. Шаги были легкие. Он узнал, понял, кому принадлежит этот запах, доносившийся из-за олеандровых деревьев! Сердце его забилося так сильно, будто он долго бежал или орудовал тяжелым веслом. Эта тайная радость, что уже горела в нем, вдруг вспыхнула, словно пламя, которое раздувает ветер, и оно потрескивает, становится голубоватым, кружится в вихре и жадно лижет головешки, то взметая языки ввысь, то завивая их в причудливые спирали.

Он увидел, как одинокая тень мелькнула на черной глади бассейна. Она была похожа на те мимолетные, неуловимые призраки, напоминающие человеческие сны и исчезающие бесследно, не оставляя воспоминаний, призраки, которые можно назвать разве что мечтой — слишком они скоротечны и недостижимы. За этой зыбкой тенью летел полупрозрачный шлейф легкой ткани, и его струящиеся очертания только усиливали волшебную картину. Он не мог еще различить лица, но это было и не нужно! Он знал, кто была его ночная гостья, он ждал ее, без нетерпения, но и без недовольства, просто и спокойно принимая ее явление, впрочем, как и все остальное. Она вступила в полосу света, и он увидел тонкий овал лица,

пышные волосы, маленький лоб, на котором матово переливался жемчуг, огромные глаза и приподнятые к вискам брови, стройное, гибкое тело, светившееся сквозь легкую ткань, которая, казалось, не подчинялась земному тяготению, висела в воздухе, словно утренняя дымка, которую уносит весенний бриз... Платье удерживала только застежка на левом плече и пояс с узорчатой пряжкой. Чувствуя, что он смотрит на нее, оценивает ее своим взглядом, она двигалась с изысканной медлительностью, сладострастно покачивая бедрами. И вот наконец остановилась возле него, любуясь, запрокинув голову, его мощным телом. Теплая волна желания охватила ее лоно, бесшумно и мягко коснулась груди, разожгла щеки и стеснила дыхание. Она дарила свои ночи многим, кое-кого она даже любила, но никогда не помнила их лиц; эти люди были всего лишь средством ее наслаждения. Ни разу еще она не испытывала такого мучительного влечения, никогда ее щеки не горели таким огнем и неведомая сила никогда так не сдавливала грудь. Она едва стояла на ногах.

— Обычно принято кланяться, когда я появляюсь, — сказала она, чтобы хоть немного прийти в себя. — Но ты, конечно, еще не знаешь здешних порядков.

Он пожал плечами и отвернулся от Доры — ибо это была она! — привлеченный каким-то неясным шумом, доносившимся с городских улиц; облокотившись о перила, он внимательно вглядывался в темноту. Дора протянула дрожащую руку к рубцам на его спине, потом осторожно коснулась их. Гальдар даже не пошевелился, словно не почувствовал прикосновения. Она уже не владела собой; губы ее жадно прильнули к трезубцу на его плече, позорному знаку каторжников. Он вздрогнул, почувствовав этот влажный, страстный, наполненный преступным желанием, проникающий и в него поцелуй. Он резко высвободился, и, хотя движение было легким, она упала. Он поднял ее на руки. Раскрытые, жаждущие губы тянулись к его губам. Но он отстранился и, откинув с ее лица густые пряди волос, медленно и едва уловимо провел рукой по ее гибкой, податливой шее с пульсирующей жилкой, до самого томительного нежного, округлого плеча. Она судорожно застонала, словно собиралась разрыдаться, но оттолкнула его.

— Всему этому ты научился, сидя за веслом? — спросила она.

— Иногда, чтобы нам не было так тоскливо, а может быть, наоборот, на борт приводили женщин.

— Ты хочешь сказать, портовых девок?

— Для нас это были женщины, о которых можно было только мечтать.

— Подойди ко мне.

— Сейчас.

— Неужели ты не хочешь? Но я должна предупредить тебя: утром тебе придется забыть обо мне, как я сама забуду тебя. Ты слышишь меня, Гальдар? Я не люблю ни тебя, ни кого-нибудь другого. Я еще не встретила человека, который бы меня покориł, который приручил бы меня. Мне кажется, что он вообще еще не родился на свет.

— Разве я могу на что-нибудь рассчитывать с этой отметиной на плече, с этими шрамами? Не говоря уже о мозолях на руках...

Она прижалась к нему, уткнувшись щекой в его грудь, дышавшую той силой, которую она так хотела испытать.

— Обними меня, — прошептала она слабым голосом. — Ласкай же меня... Давай помолчим... Всю ночь дочь твоего императора будет принадлежать тебе.

— Нет, не дочь Нода! Просто женщина по имени Дора отдается мне, ибо завтра мы снова будем отдалены друг от друга.

— Ты заранее думаешь о грустном! Разве это разумно?

— Это не грусть, поверь мне.

И он рассмеялся тем загадочным смехом, который иногда вырывался у него.

— Ты будешь доволен, великий! Твое повеление выполнено с невероятным усердием, а в некоторых кварталах, особенно там, где живут ростовщики, едва ли не с иступлением! Любовь к тебе твоих подданных проявилась во всем своем блеске. Еще до захода солнца в живых не осталось ни одного пеласга, и дома этих негодяев опустели; в них не осталось никаких вещей, даже мебели. Портовые моряки, несмотря на то, что они всегда готовы покрывать своих, тех, кто, как и они, бороздят моря, с честью послужили тебе. Все приказы были выполнены точно и молниеносно. Корабли пеласгов были разграблены с редкой тщательностью, команды их вырезаны без жалости и этой дурацкой снисходительности, которая пахнет изменой. Не было замечено ни одного пожара. Словом, твоя месть была повсеместной, мгновенной, разумной и совершенной, как и всегда. Я рад за тебя.

Нод развалился на огромной постели, обнимая свою фаворитку, невольницу, подаренную ему недавно одним восточным владыкой. Бесцветные глаза Эноха машинально следили за рукой императора, блуждавшей по этой темной коже, говорившей о безмятежной юности, прошедшей под ласковыми лучами вечного светила, и о безупречном здоровье. Непристойно ловкие пальцы Нода проворно скользили по всем впадинам этого роскошного тела.

— Ты и впрямь рад за меня? — переспросил Нод, глотая сочные ягоды винограда. — Я просто восхищен тобой, Энох! Невозможно представить, кем бы я мог тебя заменить!.. Однако я не уверен, что ты угождаешь твоей радостью Верховному Божеству! Оно, если мне не изменяет память, предписывает прощение, а не отмщение, так ведь?

— Я угождаю тебе.

— Ах, да, если тебе верить, во мне тоже есть нечто богоподобное...

— Не только мне, но и собранию жрецов, решения которого неразумно было бы ставить под сомнение. Мнение совета, безоговорочное единодушие, искренний и безыскусный энтузиазм, неслыханное усердие — все это тоже свидетельствует о невероятной любви к тебе.

— Хватит льстить! Я предпочитаю, чтобы ты занимался своими секретными делами...

Услышав смех императора, старик вздрогнул, как от удара:

— ...Тебе, кстати, не кажется странным, чтобы один человек нес на себе, причем с неизменным удовольствием, бремя обязанностей великого жреца и начальника тайной полиции, да еще в том возрасте, когда обычно принято думать о душе?

— Когда я служу тебе, я служу Верховному Божеству, и труды мои не пропадают даром.

— Неплохо сказано!

Энох закашлялся. Рука, украшенная перстнями, поглаживала округлые бедра.

— Неужели это все, что ты собирался сообщить мне?

Энох сделался серьезным.

— Великий, я разослал гонцов к губернаторам провинций и начальникам портов, короче, всюду, где живут пеласги. Их должна постигнуть та же участь, что и их соотечественников в столице. Я правильно поступил?

— Конечно же, мой почтенный друг.

— Кроме того, должен сообщить тебе, что около полуночи галера твоего сына дала течь и затонула так быстро, что не удалось спасти ни одного человека, все каторжники погибли. Плотники из арсенала пришли к выводу, что, видимо, во время боев и странствий корабль был поврежден куда сильнее, чем казалось сначала.

— Что ж, их мнение не лишено смысла.

— И еще один случай, но уже совершенно необъяснимый. Те из команды, что остались в живых — офицеры и воины, — больше не увидят земного света. Ни один из них не проснулся. Виной то ли не совсем свежее мясо, то ли какие-то подозрительные напитки словом, кто теперь разберет? Трупы были спущены в склеп, специально выстроенный для подобных случаев. Я лично проследил за всем.

— Так вот почему у тебя так покраснели веки. Твое участливое сердце опечалилось при

виде стольких несчастий!

— Мои радости и огорчения зависят от тебя.

— Что еще, мой милый палач?

Старик наклонился ниже и прошептал:

— Осмелюсь просить тебя: отошли ее на время.

— Отойди подальше! Ты дышишь мне прямо в лицо. Да не бойся же! Ты же знаешь, что меня раздражают некоторые запахи... Ну так что?.. Успокойся, она не знает нашего языка. Это просто изысканное, очаровательное тело с совершенно пустой головой. И тем лучше. Я ненавижу, когда меня донимают бурными тирадами, всякими нежностями или страстным бредом. Мне вполне достаточно стонов и сладостных вздохов моей женщины. Да здравствуют удовольствия и да исчезнет ненавистная любовь, ведущая род людской к вырождению!

— Великий!

— Садись сюда, возле своего императора. Неужели ты боишься этой невольницы? Неужели в твои лета ты ни разу не прикасался к женским ляжкам? Еще не поздно, моя доблестная душа.

Энох наконец осмелился открыть рот:

— Великий, имперские архивы прекрасно сохранились.

— У меня везде все замечательно, я это и так знаю. Будь менее многословным.

— Я нашел следы тех двоих, которым покровительствует твой сын... Старику Ошу на самом-то деле еще нет и пятидесяти. Его взяли в плен во время великого восстания Северных колоний. В своей варварской стране он был довольно заметной фигурой, что-то вроде капитана крупного корабля, или деревенского старосты, или, может быть, командира какой-нибудь пиратской флотилии, которые тревожат иногда судовладельцев, но, конечно, ни в какое сравнение не идут с твоей эскадрой. Короче говоря, он не слишком опасен, мы волновались впустую. О нем хорошо отзывался надсмотрщик, но на корабле от него уже не будет никакого проку: преждевременная старость дает о себе знать.

— Ну, что ж, прекрасно, мое решение остается в силе. А второй?

— Гальдар тоже из бунтовщиков. На галеры попал в шестнадцать лет, после того, как горцы с севера отказались платить дань.

— И признать мое величие!

— Вне всякого сомнения, это движение...

— Какое это движение — война по всем правилам! Губернаторы перерезаны, наши войска дважды разбиты, четверть Атлантиды охвачена брожением и мое едва установившееся правление всякий раз колеблется от их ударов!

— Но ты возглавил армию и твой военный гений сумел повернуть события вспять!

— Если бы ты знал, чего мне это стоило! Они появлялись, словно из тумана, внезапно нападали на лагеря, захватывали врасплох мои конвои... Они были и везде и нигде. Мрачные времена!..

— Гальдар был тогда еще мальчишкой... Да и на галерах он вел себя вполне разумно, кстати говоря, спас твоего сына.

— Кто был его отец? Это, пожалуй, все решает. Неважно, забыл ли он все, что было, переменил ли свои взгляды и даже спас ли принца. Мне нужно знать, что за наклонности таятся в его душе, что за мысли прячутся в его стриженной голове.

— Его отца звали Тэд.

— Тэд?

— Он был правителем Верхних Земель. Лишенный власти твоим предшественником, он скрылся с горсткой верных друзей в какой-то горной деревушке и там погиб странным образом в одной из стычек, защищая своих людей. Гальдару было тогда всего несколько лет от роду. Несчастный ребенок вырос на руках у матери.

— Среди воспоминаний об отце и мыслей о былом величии?!

— Среди пастухов и крестьян этой скудной земли.

— Благоговевших перед сыном Тэда, прежнего их владельца, за смерть которого кому-то, видимо, неплохо заплатили. Да, видимо, неплохо! Что еще?

— Тэд утверждал, что среди его предков был кто-то из десяти королей, правивших первыми людьми.

— Сыновей Посейдона и Клито?

— Да, господин. Он настаивал на своем неправдоподобном происхождении не столько для себя, сколько для своего народа, чтобы провозгласить его независимость. Я захватил с собой один из его манифестов: «... новые короли Посейдониса вливают в наши жилы свою ядовитую кровь; под их игом принципы, умножившие нашу славу и подарившие нам не военное, а мирное преимущество над прочими народами, сменили вкус к господству и беззаконию, возведенному в систему. Они украли корону. Они не имеют никаких прав на наш народ, на нас, чьи отцы создали Атлантиду и распространили по всему миру свет истины. Их власть незаконна. Мы не хотим больше иметь с ними дела...» Извини мне эту цитату, господин. Из дальнейшего текста ты не узнал бы ничего нового: эти слова продиктованы отчаянием. Несчастный Тэд говорил просто для того, чтобы хоть что-нибудь сказать, больше ему нечем было подкрепить свои притязания. Этот род, скажу я в заключение, с его безмерной гордыней, множасьими неудачами, щедростью, граничащей с безумием, низошел постепенно до уровня заурядностей, до рабов и каторжников, — взгляни хотя бы на этого Гальдара.

— Ты уверен, что он действительно сын Тэда?

— Да, не сомневайся. Но ты сам видел, как он утирал окровавленные губы твоего сына.

— И что отсюда следует?

— Разве это похоже на человека, охваченного ненавистью?

— Я всегда опасаюсь спокойной воды.

— Осмелюсь доложить, господин. В шестнадцать лет он попал в плен и был пощажен, чинов и званий не имел, да и вообще был просто воином, как и все прочие, да еще безусым. Он никогда не выпрашивал поблажек, хотя мог бы сослаться на свое происхождение. Он ни разу не заговорил ни с кем о своем отце или хоть о чем-то, имеющем отношение к его детству, даже из желания пробудить жалость. Вряд ли это можно отнести на счет нерасторопности осведомителей, их хватает и на галерах. Но рапорты молчат на сей счет, разве только уменьшаясь от корабля к кораблю, и не слишком изобилуют подробностями, как иногда бывает...

Нод выплюнул косточки и нахмурил густые брови. Его тяжелый змеиный взгляд, казалось, сочился сквозь опущенные веки.

— ...Каково будет твое решение, господин?

— Я не знаю. Есть во всей этой истории что-то такое, что ускользает от меня! Какая-то опасность, которую невозможно объяснить и даже понять... Ну почему я не отправил его на тот свет? Со вчерашнего дня он занимает все мои мысли.

— Дай ему немного золота и какое-нибудь поместье на Юге, подальше на всякий случай от его родных мест. Смею уверить тебя, большего ему и не нужно.

— Я хотел бы сам в этом убедиться. Где он? У принца?

— Именно сейчас?

— А что тебя смущает?

— Он в постели принцессы Доры. Ночью твоя дочь встретила его в роще и провела к себе потайным ходом.

— Почему ты не сказал этого сразу?

— Но, господин...

Его прервал циничный и презрительный смех:

— У моей дочери всегда был экстравагантный вкус. И ты, старый мошенник, разумеется, всегда рад угостить меня таким лакомым блюдом! Ну, что ж, тем лучше! Тем лучше, уверяю тебя! Предупреди-ка Дору, что я хочу ее видеть, все равно когда, в течение дня. Она уже мне оказывала подобного рода услуги... Ну и глупец же этот Форенос! Он не

знает, что он потерял. И почему я сам не взял в жены такую же умную женщину?!

Он легонько пошлепал невольницу по крутым бедрам, и она не замедлила безмятежно улыбнуться в ответ.

— Прекрасно сработано, дорогой Энох. Увидимся попозже.

Энох щелкнул в последний раз суставами и поспешил удалиться на цыпочках. Митра, сползавшая ему на нос, делала его смешным и уродливым.

Пальмы мягко раскачивались под утренним бризом. Солнце играло в листве. Море переливалось, уже усеянное черными точками судов, похожих на странных насекомых. Чайки, пролетая, отбрасывали тень своих крыльев на белые стены. Внизу, в рощах и душистых зарослях, заливались птицы.

Убранство комнаты Доры дышало забавной девственностью: стены были обиты гладкой блестящей тканью с рисунками в виде белоснежных лепестков лилии, той же материей была отделана мебель, инкрустированная черепаховыми панцирями, из нее же был сделан невероятно тонкий и мягкий пол, и наконец, узор из белых цветов украшал толстый, ворсистый ковер. Все здесь было чистым и светлым. Все здесь напоминало о блаженстве невинного сердца...

Дора взяла очаровательное зеркальце из темно-зеленого отшлифованного обсидиана. Она внимательно разглядывала свое лицо, немного бледное после прошедшей ночи, и вспоминала ее пьянящие подробности. Ночь эта, и впрямь столь непохожая на все предыдущие, наполнила ее душу блаженством и стыдом. Ради этого раба, каторжника, который спал сейчас рядом с ней, ей пришлось переломить себя, переступить через свою гордость, сделаться самой смиренной куртизанкой! Ей, принцессе, дочери Нода, сильнейшего из земных владык! И в то же время какой-то адский восторг разливался по ее телу и захватывал ее своими дикими вихрями, восторг, которого она никогда еще не испытывала, пожиная прежде только первые, почти безвкусные его плоды, несмотря на неутомимое любопытство и свои ранние опыты. Это пламя, едва коснувшееся ее своими языками в саду, возле балюстрады, охватило ее с первого мгновения их встречи ночью и превратило в какое-то новое, пылающее, стонущее и иступленно счастливое существо. И всякий раз, когда ее нежные ладони, ее длинные гибкие пальцы касались кромки рубцов на его спине, недавних, едва затвердевших ссадин или трех параллельных полосок каторжного клейма, она чувствовала, что не может удержать этих жгучих и обильных слез, и тогда ее крики переходили в рыдания. Гальдар, однако, был самым неискусным и неизобретательным любовником. Но в любовных утехх он сохранял какое-то необычное чистосердечие, возбуждающее куда больше, чем откровенный порок. В его огромных распахнутых глазах словно застыло удивление ее неистовством и какая-то необъяснимая печаль.

Дора отложила зеркало и повернулась к нему. Гальдар спал, закинув руки под голову. На этой роскошной кровати он казался еще огромнее. Выражение его лица поразило ее. Она подумала, что так, наверное, выглядел первый человек, когда он только вышел из слепивших его рук Творца и застыл в счастливой безмятежности, не решаясь начать свою собственную жизнь. И в это время звери, побеги трав, деревья, вся удивленная природа вдыхали новый запах его плоти, хранивший еще аромат вечности. И она, Дора, тоже изумлялась, словно сама земля в то первое человеческое утро. Они прижалась к нему, чтобы прочувствовать свежесть его тела, чтобы понять, почему, каким чудом это лицо не сохранило никаких следов греха, ни даже усталости, а замерло в нескончаемой юности. На самом деле, думала Дора об этом или нет, Она была скорее взволнована и растревожена, чем удивлена. Пение птиц и шорох листьев раздражали, а не успокаивали ее. И это мощное тело, казалось ей сейчас, как ни странно, хрупким, нежная кожа, мерно вздымающаяся под левой грудью, одновременно притягивала ее и отбрасывала в непроглядную темень. В душе ее раскрывался незнакомый цветок любви, но вместе с ним рождалась и неясная ненависть. Ненависть, которую Дора испытывала не к Гальдару, а к себе. Печальная дочь императора упрекала себя в том, что не может больше презирать спящего рядом раба. Столько раз рассвет возвращал ее на землю,

когда наконец выступали из темноты сытые лица любовников, их пошлые и немощные тела. Но Гальдар оставался таким же, каким был ночью!

Осторожным, робким движением — движением рабыни! — она откинула с его спокойного лба прядку волос и заметила чуть более светлую отметину, спускающуюся к виску, быть может, след от давнего удара хлыстом. Он открыл глаза. Она вздрогнула, встретив его непостижимый взгляд, сумрачный, как море, когда опускается вечер или когда светлыми летними ночами оно словно сохраняет еще толику дневного света.

— Я заставил тебя ждать, — сказал он. — Прости меня.

Она снова взяла зеркало, но, скорее, чтобы скрыть охватившее ее волнение. Она не могла унять дрожь в запястьях, ноздри ее трепетали, дурацкие слезы наполнили глаза, заволакивая их туманом. Она хотела вскочить, бежать, вырваться из-под его чар, приковавших ее к нему, но не смогла и пошевелиться. С каким-то сладким отчаянием она чувствовала этот невыносимый взгляд, блуждавший по ее телу, по спине, по талии, груди и затылку, спрятанному в пышных волосах.

— Мы договорились с тобою, — снова заговорил он, — я должен идти. Я больше не буду беспокоить тебя, даже если останусь во дворце.

Стон, который был ему ответом, походил не то на вой, не то на воркование какой-то причудливой птицы, это был вечный крик плоти, странное обязательство любви. Она бросилась к нему, плача и омывая слезами его широкую грудь, словно орошая ждущую дождя долину.

— Не теперь!.. Не сейчас!.. Останься!.. Умоляю тебя, Гальдар...

Она в первый раз назвала его по имени...

10

Дора предстала перед отцом снова в облике принцессы; то ли нарочно, то ли по привычке, а может, оттого, что чувствовала, что за ней следят, она снова обрела свой высокомерный вид. Но притирания не смогли совсем скрыть теней, легших возле глаз, как не сумела она, несмотря на все заботы, спрятать выражение нежной беспомощности, мелькавшее в ее глазах. Нод смутно волновался: он слишком хорошо знал людей, слишком был опытен и сведущ в науке удовольствий, чтобы попасться на такую наживку. Дора вызывала в нем инстинктивное, хотя и не вполне ясное ему самому чувство, в котором он, впрочем, давно себе сознался. Он любовался как ее способностями на поприще политики, так и тайными ее пристрастиями. Она напоминала ему его собственную юность, волнуемую тем же вкусом к жизни, желанием познать и вкусить все, и немедленно. В глубине души он даже сожалел, что интересы империи вынуждают отдать этому варвару Фореносу все самое дорогое, не считая собственной жизни, чем он обладал. Но если теперь император не находил себе места, вспоминая коварство пеласгов, то отец тайно радовался тому, что его дочь счастливо избежала ужасной участи. Со времени злосчастного возвращения Доримаса, он, кажется, еще больше полюбил ее. Она могла (он прекрасно знал это) в случае необходимости выказать почти мужскую решительность и проницательность, расстроить замыслы врагов и проникнуть в самые коварные их заговоры. Она была совершенно лишена болезненной сентиментальности ее брата и его пагубной страсти к высокому. Она редко обольщалась на чей-либо счет, а посему умела обманывать простофиль и быть со всеми в ладу. Ему нравилось, что это изящное тело скрывало в себе столько упорства и неукротимого мужества, которые она не раз имела случай продемонстрировать. Увы! Доримас был старшим и, стало быть, наследником трона. Империя атлантов в этих немощных руках! И колонии сразу же обретут независимость, повздыхав о свободе и подпустив слезы в голосе! Разрази гром эту видимость душевного покоя, к которому он так стремится, ибо, вне всяких сомнений, куда легче слушать пение сирен, чем спесивые речи послов, и устраивать изысканные ужины, нежели готовить войска! Но оправится ли он от ран, вот в чем вопрос. Врачи уверяют, что да. Чего, интересно, стоят их предсказания?

— Как он сегодня себя чувствует? — спросил он.
— Он отдохнул. Кашель прекратился.
— Странный приступ при виде казни, да еще пеласга, его личного врага!
— Это из-за слабости и из-за всего, что ему пришлось пережить. Но я уверена, что он скоро поправится...

— Будем надеяться. Как бы там ни было, сообщи на всякий случай врачам, что за выздоровление твоего брата они будут отвечать головами. Хороший способ: меньше болтовни и больше дела. В противном случае... Необходимо, чтобы уже через месяц принц был на ногах и в силах командовать флотилией, которую я соберу.

— Это вполне возможно, отец, но только при условии, что он уедет из Посейдониса.

— Это еще почему?

— Я поговорила с врачами, с каждым отдельно. Все они утверждают, что здешние испарения крайне вредны, они только задерживают выздоровление, в исходе которого, впрочем, никто не сомневается.

— Это что-то новенькое!

— Мне кажется, что несколько недель, проведенных на нашей вилле среди сосен, благотворно скажутся на его здоровье. Брат тоже с этим согласен. Но это еще не все. Он хотел бы взять с собой этого Гальдара и его товарища... Оша, так ведь его зовут? Он говорит, что присутствие Гальдара и того, второго, укрепляет его силы.

— Опять этот Гальдар!

— Это же просто каприз больного, было бы неразумно его не выполнить. Ну и потом, это все еще только планы...

— Ты, вероятно, отправишься с братом?

— Если великий мне позволит.

Император усмехнулся. Он нервно поигрывал своими перстнями.

— ...Если только мое присутствие у его изголовья не покажется тебе излишним.

— Напротив, милая Дора! Ты поддержишь его слабеющее мужество и сумеешь вдохнуть в него жажду справедливой мести. Ему придется трудно. Первый адмирал будет действительно командиром флотилии, ему будут даны исключительные полномочия, в том числе даже отмены в случае необходимости приказа принца. Досадно, что приходится идти на такую предосторожность.

— Я почти по-матерински привязана к Доримасу. Но, принимая во внимание недавние печальные события, я вынуждена согласиться с тобой. Что ж, вылечим его, а там уж будет видно. Смогу ли я быть чем-нибудь полезна тебе за это время?

— Я сообщу, если что-нибудь понадобится. Но отдохни и ты. Война с пеласгами отнимет много сил. Быть может, мне придется возложить кое-какие обязанности и на тебя. А пока следовало бы развеяться. Когда вы едете?

— Как только позволят доктора. Завтра или послезавтра. Они говорят еще, что из-за высоты и расположения в некоторые часы во дворец проникает слишком сильный, слишком насыщенный запахами и солями морской ветер, это тоже вредно для раны в легком.

— Да, да, я совершенно согласен с тобой. Кроме того, твои желания — закон для твоего отца.

— Пусть не отец, а император примет мою признательность.

— Что ж, пусть будет так. Возвращаясь к Гальдару, мне бы хотелось, чтобы ты воспользовалась обстоятельствами и разузнала его намерения, мне кажется, он скрывает что-то серьезное и важное. Надеюсь, я могу на тебя положиться в этом?

— Что ты решил на его счет?

— Это не срочно. Когда твой брат поправится, я надеюсь, он выбросит из головы этого своего спасителя.

— Как это так?

— Незачем совершенно — это было бы непростительной глупостью! — возвращать ему все его добро и воздавать лишние почести; довольно будет того, чтобы дать ему

какое-нибудь небольшое подразделение, ну, к примеру, галеру...

Дора не могла скрыть своей растерянности.

— Что ты об этом думаешь? — спросил ее отец медовым голосом.

— Мне кажется, у него куда более скромные притязания. А кроме того, хватит ли ему его знаний?

— Хватит. У него есть друг Ош, вполне сведущий во всем этом, а может даже, и слишком! Да и сам он избородил едва ли не все моря.

— Да, но только на скамье для гребцов!

— Ну, что ж, мы можем дать ему в помощь какого-нибудь искусного наставника вроде Доримаса. Но, кажется, мой план тебя не вдохновляет? Похоже, и ты теперь разделила странную привязанность твоего брата. Это меня удивляет.

— Я и сама удивлена.

— Так почему же ты его так горячо защищаешь?

— Кстати, мне не очень понятно, что заставляет тебя самого среди бесконечных трудов и забот заниматься этой незначительной фигурой и до того серьезно, что приходится вызывать и меня...

— Изучи его получше, и ты переменишь мнение о нем.

— Но в чем ты его подозреваешь, в конце концов?

— Те, кто выходит живым из испытаний, меня всегда занимали. Поразмысли сама, Дора: в шестнадцать лет в плену, потом двадцать лет на галерах, а там шквалы, льды, болезни и сражения, — словом, судьба не оставляла ему никаких шансов выбраться оттуда. Но какая-то чудная сила оберегала его. Он попадает на корабль Доримаса, и потом происходят события, о которых ты уже знаешь. Более того: я сам сгорал от соблазна убить его и не осмелился приказать... Тот же рок, что охраняет его, лишил меня воли.

Дора слушала, затаив дыхание. Она вспомнила, как хотела бежать от этого Гальдара и не могла ступить и шагу, как плоть перестала повиноваться ей и ярость охватила ее при виде собственного малодушия.

— Еще позавчера, — продолжал император, — он был на галере и слышал разве что шелканье бича, вчера он попал во дворец и жизнь его висела на волоске, а сегодня он один занимает наши мысли...

Перстни резко звякнули о крошечный столик на одной ножке. Жестокие, пылающие гневом глаза налились кровью:

— Довольно! Еще немного, и я перестану быть императором! Он должен умереть!

— Боюсь, что силы, о которых ты говорил, не допустят этого.

Нод издал жалобный стон.

— Видишь, дитя мое, ни одно существо земное не совершенно... Запомни этот печальный красноречивый пример... Я, который дорожил всегда только землями, реальным, как последний глупец, склоняюсь перед суевериями. Песнопения хитрых жрецов, пророчества вечной казни всегда вызывали во мне только безверие. Даже хуже, я смеялся над ними! Но какого-нибудь пустяка: пролетевшей птицы, увиденного лица, пророчества Дев из Большого Храма, амулетов, магических камней — всей этой чепухи достаточно, чтобы я потерял рассудок!

— Но, господин мой, при чем здесь Гальдар? Неужели Девы говорили что-нибудь о нем?

— Я уже встречал столько людей на своем веку, что иногда, прежде чем явится гонец, прежде чем он успеет раскрыть рот, я уже могу сказать, счастливую или горестную весть он несет.

— А Гальдар?

— И то, и другое. Не знаю! Это меня тревожит!

— Дай его мне и не думай больше о нем. Я сумею приковать его лучше, чем твои надсмотрщики, я собью его с толку, заставлю пресмыкаться, льстить и вилять хвостом... как всех предыдущих. Вспомни только, сколько их было.

— Ну что же, действуй. Да не покинет тебя вдохновение! Но не забывай, что это всего лишь раб.

— Человек!

— Нет, раб, но раб, который мог бы быть правителем Верхних Земель.

— Он будет тем, чем я захочу его сделать.

— Говорю тебе, ты изменишь мнение... когда твоя разгоряченная кровь поостынет немного!.. А вот и наш старый плут. И вид у него вполне довольный.

11

Толпа составляла свой всегдашний ночной хоровод, заполнявший набережные. Люди выходили из освещенных домов, толкались и окликали друг друга. Взрывы музыки перекрывали смех. Глаза блестели радостью и вожделением, и все лица казались прекрасными и юными. Любовники сплетали объятия в потаенных уголках, губы искали губ, тела прижимались к телам. Фокусники в островерхих колпаках и пестрых туниках лицедействовали на помостах, освещенных бесчисленными факелами. Торговцы сладостями и напитками зазывали покупателей к своим лоткам. Силачи поднимали невероятно тяжелые свинцовые гири или боролись друг с другом, перекатываясь прямо на пыльной мостовой. Тяжелый запах горящего жира перемешивался с ароматом духов. Юнцы восхищенно свистели, заведя какую-нибудь красотку, выделявшуюся смазливой личиком или экзотическим нарядом.

— Пойдем, — говорила Дора, — пойдем, милый Гальдар. Не надо задерживаться. Я хотела только, чтобы ты увидел этот квартал.

Три стражника, переодетые в обычные туники, следовали за ними почти вплотную. Род их занятий выдавали только мощные, выдающиеся вперед челюсти да недюжинных размеров мускулатура, проступающая под одеждой. Выстроенные в ряд фигуры на форштевнях судов выступали из тьмы красными и золотыми пятнами, снасти, вздымающиеся к небу, усыпанному звездами, напоминали, скорее, тончайшее кружево волшебной паутины. Свет сигнальных огней змеился по воде канала. Шлемы часовых мелькали среди зубцов городских стен. Искорки вспыхивали на влажных камнях, увешанных гниющими сетями. Гальдара оглушал этот гул, ему хотелось спрятаться, уйти куда-нибудь на берег, к скалам, чтобы видеть только далекое и печальное свечение звезд, а не огни этого города, слишком искусственные и ничтожные, чтобы слышать только шум прибоя, рассыпающегося жемчугом о камни, а не этот тяжелый смех и пронзительный визг музыки, чтобы подставить легкой водяной пыли свое разгоряченное лицо. Среди этой тщетной людской суеты его охватывала скука. Его раздражали все эти запахи вина и духов, сладострастного и жадного дыхания толпы; ему хотелось вдохнуть соленый воздух великого Океана, приносящий ароматы неведомых краев, холодных, укутанных туманом стран, где солнце не восходит и не заходит, а парит над хрустальной твердью, словно мертвый корабль.

— Пойдем, — повторила Дора. — Ты должен узнать Посейдонис.

Маленькая властная рука тянула его за собой.

— ...Я обожаю такие прогулки вдаль от дворца, от этих церемоний, среди людей. А потом снова вернуться наверх, когда устанешь от красочных и впечатляющих картин.

Улочка, на которую они свернули, была столь узкой, что балконы домов едва не соприкасались над их головами. Люди перекрикивались прямо из окон; бранились либо шутили. В подворотнях женщины с обнаженными грудями предлагали себя прохожим, и те без стеснения рассматривали их, посвистывая и ухмыляясь, а суетливые сутенеры нахваливали свой товар. Дора забавлялась, наблюдая за манерами свободных тружениц любви, за тем, как они обнимали мужчин и исчезали вместе с ними за маленькими дверками. Вокруг бродячих музыкантов пели и притоптывали праздные гуляки. Какой-то пропойца протянул руки к Доре:

— Э-э, да ты новенькая! Сколько?

Улочка неожиданно окончилась тупиком. Ставни длинного фасада были прикрыты, но сквозь щели пробивался веселый свет.

— Это самая известная таверна в Атлантиде! — сказала Гальдару его спутница и вдруг, словно вспомнив голоса комедиантов с набережных и уличных сутенеров, игриво добавила: — Мой милый! Здесь принято вкушать самые изысканные и запретные наслаждения! Тут дают самые редкие представления, и здесь можно увидеть самые чудесные вещи: ручную рысь, ливийского горного льва, змей, живущих в пустыне и способных заглотить живого человека, ученого слона, воительниц-амазонок, кулачных бойцов из Этрурии, глотателей шпага и пожирателей огня, быка о двух головах и телку с пятью ногами!..

Она прислонилась к стене, не в силах больше разыгрывать зазывалу, и залилась тем же безудержным смехом, который охватывал иногда ее отца. Трое телохранителей стояли рядом, немые, словно набравшие в рот воды, и настороженные, словно проглотили по пику. Когда Дора подняла дверной молоток, они быстро подошли к двери и ворвались вслед за нею в темный коридор, украшенный голубой мозаикой, ведущий в длинный сводчатый зал с перегородками, украшенными золотом, и колоннами, увитыми цветущими растениями. В центре его находилась площадка, усыпанная песком, а вокруг, по стенам, стояли столы, за которыми сидели разгоряченные вином завсегдатаи. Одни в изнеможении растягивались на скамьях, другие постукивали по столам в такт музыке, третьи пили, четвертые ласкали полуобнаженных, доступных женщин. Под небольшим навесом играли музыканты в тюрбанах и шитых золотом одеждах. Танцовщицы кружились то стремительно, то с томной медлительностью. Их легкие ножки поднимали небольшие облачка розовой душистой пыли. Танцуя, они сбрасывали одна за другой свои легкие одежды. Наконец на них остались только тяжелые ожерелья из раковин, которые вскоре тоже упали им под ноги. Музыка сделалась тихой, словно вкрадчивая ласка или вечерний бриз, напоенный благоуханием цветов и еле слышным лепетом волны.

Хозяин этой фантастической таверны почтительно склонился, приветствуя Дору и Гальдара, и провел их к заставленному старинными винами цвета кровавого рубина укромному столику, за которым прислуживал он сам. Обнаженные танцовщицы теперь разыгрывали сцены любви, то неразделенной, то взаимной и страстной. Ярко накрашенные губы округлялись в немом крике. Трепещущие пальцы скользили вверх по бедрам, умащенным маслами и блестящим от пота, к подрагивающим грудям, сложенные в беззвучной мольбе ладони вздымались ввысь, падали бессильно, парили в воздухе и снова поднимались, старались удержать невидимого соблазнителя. Музыка снова сменила темп, хрипло запели трубы, дрожащий звук гонга и мрачные всплески барабанной дробы отсчитывали интервалы, а пронзительная флейта возобновила прежнюю мелодию. Танцовщицы теперь отдавались воображаемому любовнику, разыгрывая страстные ласки, сладостное изнеможение, соблазнительно раскрывая жадные губы.

Дора обвила руку Гальдара вокруг своей талии и нежно поглаживала ее. За перегородкой из листвы потягивали вино молчаливые телохранители. Повсюду в полумраке ниш, убранных цветами, целовались парочки; некоторые, не разнимая сплетенных рук, исчезали за маленькими, бесшумно открывавшимися в стене зала дверцами, перед которыми стояли слуги в тюрбанах и раззолоченных одеждах. Объявили выступление бойцов, и зрители оживились. Молоденькие служанки с глазами, подведенными лиловыми тенями, в коротких полупрозрачных туниках легко сновали от столика к столику, и посетители, ухмыляясь, шлепали их по обнаженным бедрам.

Сегодня состязались два варвара: ливиец, черный, приземистый, с приплюснутым носом и глазами, налитыми кровью, и долговязый кельт с бледной, как молоко, кожей. Пальцы их защищали какие-то подобия кастетов с тяжелыми свинцовыми перчатками, на поясе у каждого болтался кинжал. По сигналу гонга они бросились друг на друга, стараясь прижаться ближе к противнику, чтобы избежать страшных ударов свинцовых наладонников. Оглушительный свист толпы перекрыл звуки их прерывистого дыхания. Хозяин таверны с хлыстом в руке выбежал на помост, чтобы разнять их. Висок кельта обагрился кровью.

Ливиец, оскалив зубы и пронзительно крича, бросился на хозяина и вдруг остановился, шатаясь, с рассеченным подбородком. Кельт врезал ему по бокам свинцовыми кулаками. Женщины пронзительно закричали, словно рассерженные ласточки. Мужчины сыпали проклятиями, Дора прижалась к Гальдару, и он почувствовал, как она сладко вздрагивает при каждом новом ударе. Мотая головой из стороны в сторону, чернокожий боец сумел высвободиться; он бежал по краю помоста, уклоняясь от преследовавшего его огромного кельта, лицо его изображало ужас. Вдруг он резко остановился, и его кулак обрушился на голову преследователя с тупым звуком, который расслышали все. Ручеек крови залил нос и густые усы бледнокожего воина. Гальдар взглянул на Дору, на ее страстно трепещущие губы и глаза, прикрытые веками. А свинцовые кулаки продолжали месить мясо и кости. Когда ливиец выплюнул выбитые зубы, раздался смех. Потом еще, когда кельт, ослепленный кровью, сочащейся из ран, несколько раз ударял воздух. Послышался страшный звук еще более ужасного удара. Хрустнули кости. Схватка была до того быстрой, что невозможно было сказать, кто из двоих ранен. Зрители вытягивали шеи, чтобы лучше рассмотреть происходящее, переругиваясь и заключая пари. Кельт больше не атаковал, стараясь только уберечь от ударов лицо, изуродованное до неузнаваемости. Чернокожий лупил его по бокам на уровне сердца и старался попасть в печень. Белый упал наконец на колени, и два свинцовых кулака обрушились на его затылок с силой, достойной лесоруба. Он растянулся на помосте, уткнувшись головой в пыль и вздрагивая руками и ногами. С первым ударом гонга негр наступил своей огромной ногой на спину поверженного кельта, который едва шевелился внизу, то ли совершенно обессилев, то ли безропотно смирившись с ожидавшей его участью. После второго удара резко затрещала барабанная дробь. Чернокожий медленно вынул из ножен свой кинжал, показав лезвие публике, и вонзил его по самую рукоятку в спину кельта, пронзительно жуткий крик которого заглушил на мгновение ропот зрителей.

— Какой ужас! — вскричал Гальдар. — Пойдем отсюда!

— До чего же ты чувствителен!

— Какой ужас это убийство-спектакль! И то удовольствие, которое ты получаешь от его созерцания... Идем же!

Она повиновалась смущенно и покорно. Телохранители тенью последовали за ними. Прибежал растерянный хозяин. Гальдар смерил его ледяным взглядом, и он так и остался стоять с раскрытым ртом и своим расшитым колпаком в руках.

— Ты ведь видел на галерах, как умирают люди, — решила наконец прервать молчание Дора.

— Да, и очень часто, но хоть с какой-то видимостью пользы. Однако я не переношу, когда живое существо убивают ради развлечения. Такие люди недостойны называться людьми.

— Это самое обычное зрелище.

— Ты не видела, что у них были за лица!

— Самые обыкновенные лица, лица знатных юношей, и почти все были красивы.

— Красивы, как демоны, закосневшие в пороке и разврате, безобразные, как те создания, что наполняют ночные кошмары и скитаются над некрополями среди колдунов и вампиров. Что же стряслось с доблестным народом Атлантиды?

— Ты тоже болен. Тебе надо отдохнуть. Запах сосен успокоит твои нервы, которым, конечно, многое пришлось пережить... Интересно, мне всегда придется находить тебе оправдания?

Уже потом под кронами олеандров в беззвучии звездной ночи она вернулась к этому разговору:

— Ты, наверное, забыл, что говорил с дочерью императора, и стражи слышали все это, сгорая от нетерпения представить очередной доклад?

— Этот спектакль смотрела не дочь императора.

— А кто же?

— Женщина по имени Дора, обожающая вид смерти и крови!

— А ты влюблен в дочь императора? И впрямь странно было бы, если бы она оказалась здесь ночью рядом с тобой. Да еще если бы ты осмелился говорить с ней, как господин с наложницей... Как забавно завершаются все наши встречи...

Над их головами прошелестели крылья. Птица села на спинку скамьи, застыла на мгновение и слетела вниз, к бассейнам.

— Не встречи, ответил Гальдар, скорее, сама жизнь — забавная вещь.

Часть вторая

1

Утром, через несколько дней после их приезда на Сосновую виллу Гальдар услышал пение девушки. Он сначала не понял, кто это пел. Но песня доносилась со стороны кухни, и он подумал, что это, верно, одна из пятидесяти рабынь, которые следили за помещьем и поддерживали порядок в доме. Ее голос, взлетающий ввысь, печальный и мягкий, словно бархатные свечи кипарисов, волновал и завораживал его. Он всколыхнул в нем самые давние воспоминания, лежавшие осадком на дне души и только теперь поднявшиеся и замутившие ее призрачное спокойствие и иллюзорную безмятежность. Чтобы его невзначай не заметила Дора, он уселся на землю под искусно подстриженным самшитом. Что за осадок минувших лет, дат, событий, имен! Она напевала вполголоса, то ли разрезая мясо, то ли орудуя ступкой; стоя или сидя в тени, Гальдар не мог ее видеть, он только слышал голос, певший:

Ночь возвращается к ночи,
Остров — к морю,
Ничто не рождается,
Ничто не умирает.
Откуда ты? Куда идешь?
— Я прохожу.

Город с Золотыми воротами,
Дворцы, любовь,
Слава, гордость,
Невзгоды, сердца,
Радости, печали,
Тела
Будут погребены.

Ночь возвращается к ночи,
А остров — к морю.

Дворцы, любовь,
Слава, гордость,
Невзгоды, сердца,
Радости, печали,
Надежда,
Да, надежда!

Уйдут под холодные волны
И под просоленную пыль песков,
Средь медуз,
Морских трав
И пустых раковин...
Но в холодном чреве вод
Раздастся музыка,
Из нескончаемой пены поднимутся вздохи,
И чистый лик проглянет в молчании.

Когда солнце станет черным
И звезды посыплются с небес,
Песок станет морем,
И седой Океан раскинется до горизонта.

И ночь возвращается к ночи,
А остров — к морю.
Но однажды
Пропоет птица!
Однажды город с Золотыми воротами
Вновь появится из вод.
Солнце займет свое место
Среди прочих светил.

Зерно пустит ростки там, где дремали рыбы.
Плоды созреют там, где лежали раковины.
И бриз снова зашумит
Листьями пальм.
Ибо ночь возвращается к ночи,
И так — день за днем...

Это его печаль! Эта карусель воспоминаний, боль, которая перехватывает дыхание, душит его! Минувшее, которое он считал безвозвратно прошедшим, утерянным, минувшее, полное опасностей, нищенское, но исполненное вечной надежды, охватившее его мгновенно, воскресившее в нем свои ожидания, страхи, упования, свою бесконечную скорбь! Этот ядовитый цветок, расцветший в его душе под звуки печального голоса, певшего свою печальную песнь, расправляя свои тернистые стебли, наполнял его плоть соком горечи и ненависти, прорастая сквозь сердце и оставляя на губах терпкий привкус крови! Его беспокойная юность, шестнадцать лет, наполненных приключениями — да еще какими! — его свежие силы, умноженные надеждой на лучшее, какой-то военный гений, руководивший тогда каждым его решением — увы, напрасно! — все вдруг прошло перед его взором. И эти крылатые существа, невидимые создания, чье присутствие он всегда ощущал рядом, которые следили за каждым его шагом и оберегали в часы неудач, — они возвращаются к нему, но не просто по велению времени, а гонимые, спешащие, ропщущие и стенающие! Но воспоминания, эти красочные полотна, омрачали стыд и сожаление; наступил черед горечи и прозрения: «Кем я был, кем я хотел стать и кем сделался? Я отрекаюсь от самого себя! Мне нравится, что Дора осыпает меня милостями, и я хитрю в надежде их сохранить, теряю свою волю и изменяю своим чувствам. Мне приятно отдыхать после усталости и стольких

несчастий! Ты спишь, Гальдар! Лицемер, ты прячешь свое бессилие под маской достоинства или, быть может, безразличия, ты не снимаешь их, ты пользуешься ими всегда, ибо это твое единственное оружие и единственное оправдание перед совестью... Тот, кто держал весло, тот, кто бороздил моря, это был не ты! Дора изменила тебя... Но нет же, нет! Я увидел могущество Посейдониса и воочию убедился в нелепости моих планов. Нод — узурпатор, но что может сломить его? Мой отец предпочел смерть в неизвестности, но он остался верен себе. Я выбрал жизнь! Впрочем, это, может быть, всего лишь передышка. Мореход укрывает иногда свой корабль в красивом заливе, отдыхая и набираясь новых сил. Мне приходится действовать так же. Судьба не балует меня возможностью выбора. Моя свобода — не более чем обман, непрочный и недолгий перерыв. Я не просто игрушка в руках богов, Дора ощущает это и опасается чего-то. Это так, иначе разве остался бы я в живых?.. Она говорила мне, что император в отчаянии, он чувствует присутствие какой-то мистической силы и тщетно пытается постичь ее разумом. Как мне знакомо это чувство, стесняющее дыхание, еще с тех пор, как принц вызвал меня к себе, чтобы объявить, что я свободен... О судьба несчастных людей! Кому из них дано всегда идти с тобой рука об руку, быть твоим другом и товарищем? Кто из них молитвами или обманом может изменить твои помыслы, сбить тебя с пути, вступить с тобой в сговор?.. Мои несчастья прекратились, но разве я счастлив? На мне нет больше цепей, но меня стесняют невидимые путы. В самых мрачных пропастях земли я был бы себе большим хозяином, чем теперь. Сейчас я не понимаю причины того, что делаю. Мои поступки кажутся мне ужасными, но что-то внутри говорит, что так нужно. Меня словно несет течением. Неужели это называют ЖИЗНЬЮ?.. Достаточно было одной песни, чтобы все опять перевернулось во мне, стало под сомнение. Эта возобновившаяся тоска не пугает меня; она — просто еще одна тень, упавшая на все вокруг. Я живу, размышляю, но я словно осиротел, потеряв самого себя».

Вечером ему захотелось побыть одному, он бродил во время отлива среди скал и снова услышал знакомый голос, а потом и увидел певунью. Она ловила рыбу, собрав складки туники между ног, и пела:

Откуда ты?
Куда идешь?
Я прохожу...

Убедившись, что Дора, чьи поступки невозможно было предугадать, не следит за ним и не разглядывает его с мола, он осторожно подошел.

...Ибо ночь возвращается к ночи,
Остров — к морю...

Это была бледная длинноногая девушка с уже поблекшим лицом и волосами цвета отмокающего льна. Руки, посиневшие от прохладной воды, были привычны к нелегкой работе. Она была совсем еще молоденькая, об этом говорила изящная линия изгиба плеч, округлявшихся под одеждой. Робкие глаза напоминали ее печальную песню. Увидев Гальдара, она вскинула руки, словно хотела защититься.

— Не бойся, не бойся, — проговорил он. — Я просто слушал, как ты поешь. Ты откуда?

— Я рабыня здесь, в поместье.

— А что ты делаешь?

— Собираю раковины, которые любит госпожа. Моя работа сегодня уже закончена, и мне позволили пойти на побережье.

— Ты знаешь еще какие-нибудь песни?

— Я их все уже позабыла, помню только эту, ее пели у нас.

- Ты давно здесь?
- Уже десять лет. Я была совсем маленькой, когда продали все наше добро. И родителей тоже. А потом мы потеряли друг друга.
- Где твоя родня?
- Я с Верхних Земель. Жители Посейдониса не любят наших. Мы слишком бедны. Я, наверное, больше никогда не увижу снега, если только издали, в ясную погоду. И своего дома тоже...
- Зимой, когда опускалась ночь, вы все собирались перед огнем, и кто-нибудь один обязательно рассказывал истории, так ведь?
- Откуда ты знаешь?
- И ты засыпала, довольная, под звуки ветра, свистевшего возле дома и над крышей?
- Да, правда. Но кто ты, почему ты говоришь со мной так ласково?
- Просто путник.
- Нет, ты важная персона. Тебя все время видят с госпожой. Когда тебя нет, она беспокоится и посылает за тобой.
- Не следует придавать значение тому, что видишь.
- Но откуда ты знаешь мою родину?
- Когда-то, давным-давно я тоже покинул Верхние Земли...

Он часто встречал ее потом среди скал или в роще. Едва он слышал чистый голос, похожий на шум моря, бьющегося о камни, сердце его наполнялось чистой, тихой радостью. Он хотел просить за нее Дору, когда девушка с Верхних Земель исчезла. Ее обнаружили только на исходе второго дня, тело ее было распростерто в маленькой бухточке, среди водорослей, лицо облепили креветки. Как это случилось, был ли это несчастный случай или убийство? Гальдар не посмел задавать вопросов. Но с этого дня мысль, которую заронила в его душе грустная песня, только окрепла. Ош, проводивший все свои дни в лодке и нашедший тело, повторял:

— Свободны?! А-а, да, мы и впрямь свободны, пока ты ей нравишься, пока этот демон в женском обличье занят тобой! А потом она отдаст тебя императору, и ты увидишь, что станет с нами обоими!

— Но ведь есть еще и Доримас.

— Не обольщайся слишком на этот счет. Я догадываюсь, что нас ожидало, если бы Дора не вспылала к тебе этой болезненной страстью.

— И что ты предлагаешь?

— Нам надо бежать, раз уж она была столь неразумна, что дала мне эту лодку. Надо только дожждаться попутного ветра и отправляться. Прямо на юг!

— Да, чтобы нас догнали на следующий же день!

— Ну, так уйдем в горы, благо они недалеко, и ты их знаешь, и, может быть, у тебя еще есть там друзья. Пора бежать, если только ты не склонен отведать какого-нибудь неудачно приготовленного блюда или отправиться кормить креветок.

— И это говоришь ты? Как же ты изменился с тех пор, как стал свободным!

— Ты тоже! Ты ведь ни слова не понял из той песни, которую пела несчастная девочка.

— Правда?

— Ты уже мертв. Дора отравила тебя своим богатством, сладострастием и кокетством!

— Прекрати!

— Этот город с Золотыми воротами, скрывающийся в холодных волнах и снова воскресающий с пением птиц, забытая слава и посрамление гордости, песок, становящийся морем, отступающий океан, — неужели все это ничего не говорит твоему сердцу, неужели ты ничего не понимаешь?

— А что я должен понять?

— Как, ты не чувствуешь страшной опасности, которая витает над нами с тех пор, как мы оказались здесь? Убийства и власть золота здесь идут рука об руку, повсюду царит ложь

и бесправие, несправедливость и лицемерие, презрение к богам и их творениям; пеласги перерезаны, наши товарищи принесены в жертву, наши надсмотрщики отравлены вместе со своими начальниками, Аркос растерзан змеями, эта девочка убита только потому, что заинтересовала тебя, а что еще будет завтра? Повсюду поработанные племена, невольников бьют хлыстами и мучают только затем, чтобы единственный народ мог погрязнуть в пьянстве и разврате! Ах, где же гнев небес! Гнев богов!

— Говори тише.

— Это все, что ты можешь мне ответить?

— Да, все. Я молчу. Я терплю. Я подчиняюсь. Это называется осторожностью.

— Когда ты стал таким **ОСТОРОЖНЫМ**?

Но в этот же вечер Гальдар «забылся», напевая:

Откуда ты?
Куда идешь?
Я прохожу...

Он пел слишком громко, так что Дора расслышала слова.

— Что это? — спросила она.

— Ничего, что могло бы тебя побеспокоить, так, просто воспоминания...

— О чем?

— О моей родине и... об одной рабыне, что погибла позавчера... Ее страшное, изъеденное креветками лицо до сих пор стоит у меня перед глазами. Но такова, видно, была ее судьба.

И он продолжил спокойно:

Ибо ночь возвращается к ночи,
И так — день за днем...

Дора прервала его пение долгим поцелуем.

2

— Ну почему ты такой далекий? — упрекала его Дора. — Когда ты любишь, такое впечатление, что ты выполняешь какой-то обряд. И потом, это молчание! Эта отчужденность! Ты — как корабль, который покидает пристань. Тебе не терпится остаться одному. Почему?

— Это моя единственная отрада. Ош говорит: родиться в скорбный день, уйти в день скорби, нет в человеке ничего, кроме скорби.

— Он с севера. Мне кажется, климат влияет на характер.

— Может быть. Там, среди льдов, он мечтал о пальмах. Здесь он вспоминает о своих льдах.

— А ты?

— У меня нет ни прошлого, ни будущего.

— Ты говоришь это из страха?

— Чего мне бояться?

— Потерять жизнь.

— Пожалуй, но только разве что в тот миг, когда я счастлив.

— Как сейчас? Ответь!.. Ведь правда, мы счастливы вместе?

— Да, наверное.

— Но ты в этом не уверен?.. О, Гальдар, чего же тебе еще нужно?

— Я не знаю.

— Ты сомневаешься в моей любви?

— Она едва только родилась.
— Уже две недели!
— Верно.
— Подумать только, две недели — и я еще не пресытилась тобой, нами! Это словно чудесное путешествие, правда?
— Славный принц встанет на ноги, и мы вернемся в Посейдонис, царство реальности.
— Но ты ведь и там будешь со мной?
— Если на время войны император передаст тебе власть, у тебя появятся заботы, обязанности...
— Мои ночи все равно будут принадлежать тебе... Знаешь, иногда я себя спрашиваю, как я могла так полюбить тебя... Я словно больна тобою, я боюсь всего, я плачу...
— Ты плачешь о себе, ибо понимаешь, что эта любовь обречена.
— Почему ты так думаешь?
— Потому что однажды после старательных торгов ты станешь женой какого-нибудь короля: Дора стоит целого королевства. Вот это плечо — столицы. Эти волосы — реки. Эти груди — цепи гор с водопадами и пластами драгоценных камней. Ноги — мощные дороги, окаймленные домами и деревьями. А у меня есть только одежда да сандалии.
— Давай забудем, что этот день когда-нибудь придет.

Безмолвная ночь висела над ними. Листва, плоды и цветы благоухали; на них проступали капельки сока, разогретого дневной жарой. Между морским горизонтом и аркадами дворца тянулись бесконечные сады, сменившие огни великого города, сторожевые фонари мерцали в гудящей толпе, которая затихала только с рассветом, чтобы вскоре оживиться вновь... Во время прилива волны разбивались о ступени террасы, и пена укрывала землю возле корней апельсиновых деревьев. Эти нескончаемые жалобы рассыпающихся валов, этот стеклянный звон или, когда море отступало, эти нашептывания, прерываемые серебристой дрожью уходящей воды, составляли здесь единственный аккомпанемент. Но, казалось, сюда сходились, играя свои партии, все оркестры земли. А при северо-восточном ветре сюда долетал и зловещий рокот соседнего пролива, узкого и скалистого.

Как и в императорском дворце, комната, Доры поражала белизной, блеском и сиянием перламутра на мебели, стенах и коврах. Свечи белого воска оживляли эти причудливые узоры. Все здесь дышало безмятежностью и утонченностью, даже изгиб постели, устроенной в виде корабля, круто вздымающего свой позолоченный нос, на котором две резные фигуры безмолвно беседовали о чем-то. Одна из них держала на плече лопату и протягивала другой яблоко; туника ее была украшена расходящимися полосами. У второй были крылья, и одежда ее была испещрена, словно затейливая чешуя, мелкими узорами; в руках она держала трезубец и протягивала своему вечному собеседнику рыбу. Земля и Море! Земля, рождающая в муках трудный хлеб, и море, свободное и безжалостное; но, казалось, одинаковая улыбка блуждает по их устам.

После того случая с юной рабыней Дора часто сопровождала Гальдара в его прогулках. Было ли это ей и впрямь приятно, или она просто разыгрывала из себя возлюбленную, смеясь, когда ветер растрепывал ее волосы или задирали легкие одежды, а губы ее спутника становились солоноватыми от свежего бриза? Гальдар предпочитал не думать об этом. Он делал вид, что принимает участие в игре, а может быть, верил в это на самом деле. По пути, пробираясь между истерзанных скал, он показывал ей разных животных, о существовании которых она и не подозревала: креветки, снующие в зарослях водорослей, мгновенно разбегались в испуге, когда он топал ногой; рак-отшельник тащил свою раковину, к которой прилепилась лиловая актиния: быстрые щупальца выходили из тонких лепестков, открывающихся и закрывающихся с неповторимой грацией; морской гребешок забавно прыгал, хлопая створками, и исчезал в облаке ила...

Однажды они обнаружили торчащую из песка носовую фигуру. Кривляющаяся,

увешанная, словно бородой, ракушками голова напоминала сказочного дракона. Такие изображения украшали корабли северных колоний. Гальдар помрачнел, окунувшись в воспоминания о своих ушедших товарищах, и Дора, чтобы как-то развеять его грусть, осторожно и мягко начала его расспрашивать о странах, в которых он побывал.

Это была неисчерпаемая тема, ибо за двадцать лет Гальдар избородил столько морей, бросая якоря во всех известных портах, и слышал едва ли не все языки мира! А кроме того, в этих беседах они лучше узнавали друг друга, учились понемногу заглядывать в свои души, открывая для себя новые чувства и окрыляясь новыми надеждами. Она, почти не покидавшая прежде императорского дворца, постигала природу, узнавала ее нескончаемые богатства, рассматривала ее на расстоянии вытянутой руки, — этот мир, куда более земной, чем мир придворных сановников. И он, удивляясь тому, как покорно она слушает, вдруг увидел в ней совсем другую женщину, которой она сама в себе еще не ощутила. Вспоминая тот ад, который он прошел, Дора спрашивала себя, как, каким чудесным усилием разума и воли сумел он удержать в памяти столько знаний, постичь так много и забыть свои бесконечные несчастья и кем он мог бы стать, если бы не эти невзгоды, выпавшие на его долю! Приливы нежности захлестывали ее, когда в его рассуждениях просвечивал вдруг лик прежнего ребенка, которым он когда-то был. День за днем, шаг за шагом она узнавала с трепетом его жизнь, исполненную скорби, не слишком богатую радостными событиями и насыщенную размышлениями!

Гальдар вел ее по просторам своей памяти и воображения в те далекие страны, где ему довелось побывать и которые она знала лишь по сводкам высокопоставленных чиновников своего отца и описаниям географов. Он рассказывал о Ниле так, как мог бы рассказать гребец с галеры, идущей на веслах вверх по течению, исходивший его берега и перенесший удушающий зной африканского солнца.

— Вода в нем желтого цвета, но берега очень плодородны, ибо он столь же богат жизненными элементами, как и кровь человека. Это артерия страны. Никто, кроме жрецов, не знает, где он берет свое начало.

Он побывал у трех великих пирамид — тех, что мы называем пирамидами Хеопса, Хефрена и Микериноса, — и осмотрел их, изучил, коснулся руками, пока его товарищи валялись в тени, умирая от усталости и жажды. Он запомнил, что каменные блоки пригнаны столь тщательно, что в щель невозможно было вставить ногтя. Он говорил, что египетские мудрецы предсказали конец света, и кто-то из просвещенных фараонов повелел возвести эти сооружения, форма и мощь которых могла бы поспорить с огнем и водой, чтобы сохранить для грядущих поколений накопленные знания.

— Но нынешние люди утратили то, чем обладали древние. Они утратили тайну Чисел. Умеют только покупать и продавать. Думают, что пирамиды скрывают сокровища.

— Они сбились с пути?

— Да. Вера умерла. Египетские властители возводят мавзолеи, чтобы увековечить свою ничтожную славу. Они пытаются подражать предкам, не зная, что такое святость.

— А атланты?

— Они подали дурной пример: первыми забыли свое великое предназначение.

— Но в чем оно состоит?

— Ты ведешь за собой этот народ, и никто, никто не объяснил тебе, кем были наши отцы и что они сделали?! В те давние времена они очистили землю от мерзких чудовищ — нынче их не встретить, — населявших болота, пещеры и лесные ущелья. Наши отцы встречались и воевали со всеми теми существами, которыми теперь украшают корабли. И это еще не все! Не было на земле никого искуснее их в судостроении, никого неустрашимее и сплоченнее их; и они несли с собой повсюду свет веры, искусств и ремесла. Тогда нас любили. Наших отцов ожидали, а не отвергали, как теперь.

— Но ведь это они создали империю?

— Потом, Дора! Много времени спустя! Империя — это болезнь, вывих, эпидемия, охватывающая народы. Просвещение не означает захвата. Но когда кто-то достигает

могущества, способного соперничать с нами, мы чувствуем себя отвратительно! Новые люди пришли к власти, они перевернули с ног на голову, уничтожили все, что было накоплено таким трудом, — даже уважение, которое к нам питали!

— Ты говоришь об отце?

Он помедлил с ответом. В первый раз он так явно изменял своим мыслям. Он почувствовал не страх даже, а скорее, досаду на самого себя.

— Ты, наверное, не винишь Фореноса в агрессии? — продолжала спрашивать Дора.

— Ни император, ни король пеласгов не повинны в том, что произошло. Народ не разворачивается в один день, как не могут все однажды сойти с ума.

— Так, по-твоему, атланты развращены?

— Они стали совершенно безрассудны, их снедает желание немедленной наживы, страсть к праздности, к роскоши, к бесконечному числу рабов. Они торгуют всем, и в первую очередь своей безопасностью. Представь, что будет, если взбунтуются рабы?

— Отец прав. Ты действительно опасный человек.

— Нет, Дора. Увы, нет! Я просто наблюдаю, я размышляю и даже посвящаю тебя в свои мысли и опасения, но я не предпринимаю ничего. Да и как я смог бы? Кто меня стал бы слушать? Народ, ослепленный богатством, выкалывает глаза пророкам, смущающим его безмятежность.

— Но ведь я тебя слушаю!

— Мне хотелось бы, чтобы ты поняла, что ничего еще не потеряно, что никогда не бывает слишком поздно. Достаточно одного движения, чтобы все изменилось... Я хотел бы, чтобы ты, в чьих руках будет когда-нибудь высшая власть, поняла, что боги благословили бы тебя, если бы ты не искореняла мятежи огнем и мечом, а действовала, подобно нашим предкам, призвав в советники любовь и сострадание...

— Ты знаешь, что теперь тебя ждет?

— Я знаю только, что доверяю тебе во всем.

— А что, интересно, ты сделал бы, если бы сам стал императором?

— Постарался бы восстановить мир повсюду, мир, основанный на уважении к людям.

— А ты наказал бы Фореноса, виновника наших несчастий?

— Я говорю тебе, твой отец и Форенос здесь ни при чем. То, что грядет, будет следствием многих веков беззакония и несправедливостей! Император пойдет до конца, и не исключено, что он еще одержит верх. Но, когда на трон взойдет Доримас, снова найдется кто-нибудь, кто соберет под свои знамена недовольных, и все повторится.

— Империя в итоге рухнет под ударами тех, кого атланты вывели на свет из невежества?

— Я не пророк. Мне хотелось бы верить, что я ошибаюсь, Мне кажется, я сделал бы невозможное, чтобы избежать этого, если бы только это было в моих силах! Я чувствую, что мы навсегда теряем что-то важное, необходимое!

— И причина этой катастрофы таится исключительно в наших отношениях с меньшими народами? Мы захватываем слишком много золота и невольников? Поэтому?.. Ты уж договаривай!

— Люди, среди которых я жил, рассказывали, что до нашего появления земля была населена дикими народами, дрожавшими, едва заходило солнце, и заклинавшими его вернуться, как только появлялся сумрак. Они не знали ничего: ни веры, ни пения; они не умели обрабатывать землю, могли разве что охотиться на зверей своими примитивными орудиями. Им казалось, что мы явились с другой планеты: нам было открыто тогда бесконечное знание — всемирный Разум и божественная Любовь, то, что сейчас мы окончательно утеряли. Его хранят только отдельные люди. Их слишком мало, это скорее исключения. Нас погубило золото и могущество, которое оно дает. Путешественники дивились нашим памятникам и богатству. Мы стяжали всю мыслимую земную славу. Нас считают прекрасными, глядя на наши великолепные одежды и бессмысленную роскошь наших жилищ; и мы сделались мерзостью и гнилью людской. Миф о Посейдонисе для нас —

всего лишь сказка! Мы забыли, кто мы и откуда. Сыны неба топчут теперь землю, подобно свиньям!

— Так говорили те бунтовщики из Верхних Земель? Но скажи, Гальдар, если бы твой отец и те, что были с ним, одержали верх, что сделали бы они, получив власть в свои руки?

— То же, что и Нод.

— А ты, если бы тебя не отправили на галеры?

— То же самое... Ну, разве что несколько помягче...

— Я перестаю тебя понимать.

— Властитель — не что иное, как воплощение народа, над которым он поставлен, народ внушает ему поступки и сам же иногда мешает ему действовать, как бы покорен он ни был. Куда исчезнут вдруг, в один день — да и чем заменяться? — золото, привозимое из колоний, вереницы невольников, все, к чему мы привыкли? Если бы я был королем, меня убили бы мои сановники. Или мне пришлось бы уступить, покрывив душой, измениться самому из необходимости, и я бы вяло утешал себя, делая вид, что правитель подвластен общему мнению. Я предпочел бы быть тем, что я есть, то есть ничем...

Они шли вдоль берега по плотному песку, обходя гирлянды водорослей, выброшенных прибоем. Хрупкие ракушки, переливающиеся, словно ноготки ребенка, хрустели под ногами. Вдали у скал белел наклоненный ветром парус: Ош опять отправился в море. Дора нежно взяла Гальдара за руку.

— ...Люди с Большого Материка, — снова заговорил он, — возводят храмы, такие же красивые, как и наши. Они умеют строить дома прямо на склонах гор. У их короля, верного слуги твоего отца и талантливое его последователя, есть сад из золота и серебра, созданный ювелирами. Когда-то мы учили их всему, они не знали даже о существовании Верховного Божества. Они зовут этого доброго Бога «пернатым змеем», потому что он пришел на землю, но пришел с неба. Но родился другой Бог, говорят они, жестокий и алчный, и они приносят ему в жертву людей, вырывая еще бьющиеся сердца. Вот что сделали эти люди из простой религии! Они, правда, утверждают, что Пернатый Змей вернется однажды. Но вообрази, что будет, если их король пожелает вдруг прекратить все эти жертвы, восстановить царство Змея... Да его убьют! Его затравят!

— Ты тоскуешь из-за этого? И поэтому ты так любишь зверей?

— Они не знают, что такое грех.

— Но ведь они пожирают друг друга.

— Только для того, чтобы жить!

— И люди тоже!

— Нет, они наслаждаются убийством.

Наступило молчание, нарушаемое разве что криками чаек, дерущихся из-за мертвой рыбы.

Дора первая прервала паузу:

— Мне следовало бы тебя ненавидеть, но я не могу.

— Я тоже.

— Я даже восхищаюсь тем, что ты позволяешь себе высказывать такие мысли, да еще в твоём положении.

— А мне нравится, что ты пытаешься меня понять.

— А где ты хотел бы жить?

Тот властный, повелительный голос, который иногда замолкал в нем, но время от времени руководил его поступками, подсказал ему:

— Здесь, возле тебя. Ты — женщина по имени Дора, я — мужчина по имени Гальдар. Мир достаточно широк.

— А скажи мне, ты впервые размышляешь подобным образом?

— Нет. Судьба забросила меня однажды на север страны кельтов, в прибрежную деревушку. Это было небогатое поселение, затерянное в краю зелени и черных скал. Море там обманчиво и коварно. И круглый год — низкое, дождливое небо. Люди там живут бедно,

они ловят рыбу и разводят скот. Но, увидев, что мы попали в беду, он бросили свои дела и помогали нам чинить галеру. Даже женщины! Они дали нам еды и питья — просто так, без всякой команды, — они отдали нам все, что у них было, даже лекарство для больных. У них нет рабов. Их вождь сам правит своей лодкой, но он окружен таким уважением...

Когда Гальдар пересказал тот разговор своему другу, Ош перепугался не на шутку и стал умолять его бежать немедленно.

— Дора ведь опомнится и напишет императору. Теперь она знает о тебе все, не говоря уже о том, что он поручил ей разузнать хорошенько о тебе, почуяв, верно, какая опасность от тебя исходит.

Но Гальдар не соглашался. Это было не просто упрямство. После этой памятной прогулки Дора запретила надсмотрщикам пользоваться плетями и приказала улучшить кормежку слуг. И что, пожалуй, самое удивительное, на следующий день она разрешила Гальдару отправиться в Верхние Земли, чтобы обнять мать:

— Но только не бери туда своего друга. Вас невозможно разлучить; пусть он останется здесь до твоего возвращения. И приезжай быстрее!

Она дала ему пропуск, уставленный печатями, и набитый монетами пояс.

— Я бы поостерегся на твоём месте. Мне кажется, это ловушка, — говорил Ош. — За тобой будут шпионить, тебя наверняка выследят, схватят и отправят в цепях в Посейдонис. И я не смогу даже разделить твою участь!

— До чего же ты мрачно на все смотришь!

— Я не могу поверить в её искренность.

Когда он прощался с Доримасом, медленно обретавшим прежние силы, принц не мог скрыть огорчения:

— Я так надеялся убедить тебя в моей дружбе!..

— Но, господин...

— Моя сестра совершенно тобой завладела. Теперь она отпускает тебя. Может, это и к лучшему... Но ты ещё недостаточно её изучил. Она любит тебя, как собачку, но иногда ей становится стыдно, вот и все.

— Как собачку? Ты преувеличиваешь, господин мой.

— С самого нашего приезда сюда она не подпускает тебя ко мне. Твое внимание к моей персоне раздражает её.

— Теперь мое присутствие возле тебя почти не имеет смысла: ты совсем здоров.

— За жизнь цепляется мое тело, душа же моя изранена слишком сильно. Все тяготит её. Слишком много зла и яда разлито в мире. Мне надо бы жить в уединении. Мой отец это знает. Он презирает меня, иначе бы не отправил сюда. Даже хуже: ему все равно! Хочешь, я скажу тебе, о чем я думаю? Я чувствую уже, что императорскую корону унаследует Дора. Ах, видел бы ты, как она высматривала знаки смерти на моем лице, как искала она их появления!.. Но я как назло поправляюсь... «Бедняжка Доримас», «глупенький принц» — все эти эпитеты моего отца доходили до моих ушей; а потом еще появился «несчастный Доримас»! Но теперь меня все это не интересует. Меня преследует какое-то новое чувство. Оно занимает все мои мысли.

— Успокойся, господин. Это просто последние всплески твоей болезни. Демоны всегда отступают перед величием и добротой.

— Нет, Гальдар, я гибну. И Дора поняла это однажды... Именно поэтому ей пришлось в голову побороть собственную страсть. Понимаешь? Дора должна властвовать над своими чувствами. Женская слабость не годится для будущей императрицы; вот почему она отпустила тебя. Это просто проба, она хочет испытать свои силы. Если за то время, пока тебя не будет (согласись, ловко устроено), она сможет забыть о тебе, то выиграет партию. Ничто больше не омрачит её возвышенного чела. Я не советую тебе возвращаться...

Однако накануне отъезда она попросила Гальдара рассказать, какими дорогами он будет ехать и какие города и деревни минует. Дора даже собственноручно записывала их

названия. Он не знал, кому из них верить.

3

Гальдар не был уверен, доберется ли до цели своего путешествия.

«Не ловушка ли это?» — думал он, садясь на белую горячую лошадку с длинной челкой и изящными ногами, подаренную ему Дорой. Он ни разу не обернулся на виллу и едва кивнул часовым, охранявшим тройной ров, окружающий поместье. Дора поразила бы, узнав, что чувствовал он в эти мгновения. В его душе не было ни нетерпения поскорее увидеть своих, если только кто-нибудь еще остался в живых, ни облегчения от того, что он оставляет наконец эту сладкую тюрьму и жизнь, переполненную — видят боги, не по его воле! — ложью, ни даже радости путника, не знакомого еще с усталостью, а одно лишь удовольствие человека, открывающего для себя после стольких лет, что навыки езды им еще не вполне забыты. Ему было приятно чувствовать под собой теплые бока лошадки, постоянная игра разгоряченных мышц и сухожилий будто бы подгоняла его собственные мысли.

Не прошло и часа, как они сделались уже друзьями. Долина, расчерченная каналами на квадраты, усеянные угловатыми виллами и зеленеющими деревьями — вид, напоминающий ему Посейдонис, — поднималась уступами к отдаленному взгорью. Пологие холмы, где добывали мел, были исполосованы красными и черными слоями, словно искусным узором из цветных лент, они словно олицетворяли собой опрятную стройность, казалось, их сотворила щедрая человеческая рука. Деревенские домики теснились на их изумрудных гребнях: одни — просто побеленные известью, другие — выкрашенные в излюбленную атлантами клетку. Террасы и балкончики, украшенные статуями из металла, казалось, просто висели в пустоте. Рабы таскали на спине камни для строящегося дома. Несколько человек толкали изо всех сил телегу, на которую водружена была огромная плита; свистели бичи, переругивались надсмотрщики, в тени зонтика важно восседал архитектор, опорожня один за другим стаканы ледяной воды. Эта картина дала толчок его размышлениям. «Раньше, когда люди еще не были превращены во выючных животных, камни передвигались сами. Так говорили старики. Работники только удерживали их на необходимой высоте звуковыми вибрациями, откуда бы иначе взяться безразмерным храмам и пирамидам Посейдониса и Большого Материка?.. Да, если бы можно было снова открыть утраченные секреты! Но кто хранит их? Какая-нибудь горстка людей, ревниво оберегающая эти сокровища, боясь, как бы кто не употребил их во вред? В каких-то катакомбах, известных лишь посвященным? В древних манускриптах? А разве кто-нибудь сможет их прочесть? Жрецы слишком заняты своими почестями и барышами, подобно старому Эноху. Может, там, в горах, есть еще люди, которые что-то помнят... Гальдар, бедняга, положим, ты и разыскал бы ключи к старым тайнам, но что бы стал ты с ними делать? Ленивое племя архитекторов потребовало бы твоей смерти, и они добились бы своего...»

Он долго скакал верхом, беседуя с самим собой, не задерживаясь ни в городах, ни в деревушках и только покупая нехитрую еду у крестьян. Он ночевал под открытым небом вместе со своей лошадкой, и иногда, засыпая, чувствовал, как шершавый язык, убаюкивая, лижет ему лицо. Когда он не знал, какую из двух дорог выбрать, и спешился, чтобы спросить у кого-нибудь о пути, лошадиная морда аккуратно укладывалась ему на плечо. То, что кто-то любит его, пусть даже это только животное, удивляло Гальдара.

Чем дальше он двигался, тем реже и беднее становились селения и уже дороги, Дома были крыты грубой черепицей. Все чаще проступали голые скалы, земля здесь была суровая и скудная. Почти пустынный пейзаж оживляли только гигантские кроны кедров, среди которых клубился туман, и проносились размытые голубоватые силуэты, нездешние печальные призраки. Здесь начинались горы, их крутые, неприветливые отроги, в которых словно бы скапливались тени, где гасли последние дневные огни, а затем вспыхивали

розовые точки, предвещающие наступление зари. Это был горный край, прибежище бесчисленных стад и приют птичьих стай. Птиц здесь было и впрямь много. Они распевали в кронах кедров, в ветвях железного дерева и на скалах, сидя на головокружительной высоте. Разноцветные их стайки вспархивали среди листвы и уносились в небо, внимательные грифы описывали круги, будто рассматривали Гальдара и его лошадь.

Табуны лошадей, стада быков с изогнутыми рогами паслись в долинах. В болотистой низине, поросшей густым лесом, бродили слоны, словно последние свидетели минувших эпох, населенных когда-то зверьми, ныне неизвестными человеку.

Гальдар миновал последний гарнизон, отказавшись от любезного гостеприимства его начальника. Перед ним лежала теперь страна облаков и вечного снега, зловещие задворки великой империи. Солнце было здесь ближе и злее, чем внизу, воздух — более терпким и сухим. Ночь наступала мгновенно (здешние жители не знали, что такое сумерки), и невыносимая жара сменялась вдруг леденящим холодом. Чахлые деревья, казалось, не росли, а умирали, и трава, пожелтевшая от ночного холода и солнечных лучей, напоминала поредевшую до времени шевелюру. Дорога постепенно превратилась в едва заметную тропинку, забытую, наверное, уже несколько столетий. Истощенные быки с бурой шерстью, овцы и полоумные козы составляли жалкие стада. Люди здесь не отвечали на вопросы. Они удивленно рассматривали Гальдара, затем невнятно бормотали что-то в ответ на его вопросы и уходили. Какая-то недетская грусть была заметна на лицах малышей. Собаки бросались на чужого без лая, даже они казались молчаливыми и печальными. Гальдару едва удалось выяснить правильную дорогу.

Деревня, где он родился, являла собой безрадостное зрелище: он увидел только площадь, окруженную черными осыпающимися стенами, поросшими кое-где ежевикой. Гальдар нашел место, где стоял прежде его дом.

Он улегся, завернувшись в покрывало, возле очага, о котором теперь напоминало разве что потемневшее пятно на земле. Лошадь расположилась рядом, он чувствовал на лице ее теплое дыхание — единственное живое существо в этой пустыне. Звезд не было видно. Слышался только жалобный вой ветра, все небо затянуло темными низкими тучами, контуры которых очерчивала бледная луна.

Они опускались с вершин, и здесь, над этим разоренным заповедником прошлого счастья и потерянных надежд, замедляли на мгновение свой бег. А земля была такой же неподвижной, холодной, такой же вымершей и потухшей, как и эти очаги.

Утром он увидел стадо овец и пастуха с собакой и окликнул его.

— Скажи, те люди, что жили здесь, уже умерли?

— Почти все, чужеземец.

— Из-за чего?

— Во время восстания тут шли жестокие сражения с императорскими войсками. Они перебили наших воинов, сожгли дома, разграбили добро и продали наших детей.

— Ты случайно не помнишь Гальдара?

— Нет, чужеземец.

— Сына Тэда?

— Я на самом деле не помню. Не обессудь. Люди ведь как время, они уходят.

— И возвращаются.

— Ты думаешь? Если ты хочешь найти людей из этой деревни, поднимись выше. Видишь вон ту тропку над обрывом?

— Да.

— А вон тот навесной мост? Каждый вечер мы поднимаем его из осторожности. Но я не советую тебе ходить туда. А кстати, что тебе нужно?

— Я хочу повидать свою мать. Я — Гальдар.

— Лучше не ходи туда...

Деревушка представляла собой несколько хижин из глины и дерева, прижавшихся к

скале, оканчивающейся ущельем. Жителей в ней было не больше сотни. Они кормились тем, что пасли коз, ловили рыбу в окрестных озерцах, охотились и промышляли изредка на большой дороге. Запахнутые в лохмотья, грубые, ненавидящие всех и вся, они влачили свое существование, не имея ни веры, ни закона, ни надежды на что-то лучшее.

Он встретил какую-то старуху, пасшую свою единственную козу, сидя на камне.

— Мать Гальдара? Ты спрашиваешь, где она живет? А что тебе от нее надо? Ты ведь из Посейдониса, дитя мое? Ты слишком хорошо одет и не голоден, чтобы явиться откуда-то еще. Ба, какой у тебя пояс!

— Я — Гальдар, сын Тэда.

— Сын Тэда спит вместе со своим отцом. Три стрелы пронзили его, и он лег в холодную землю среди лучших людей Верхних Земель.

— Ты ничего не знаешь!

— Глупые овцы щиплют теперь траву, проросшую над его телом, там, на холмах, где растут лилии и маргаритки. Всего шестнадцать лет! Бедняжка, ведь он шел по стопам своего отца.

— Мне и впрямь было тогда шестнадцать лет!

— Отец с сыном и все лучшие люди из живших прежде спят внизу... Но, знаешь, их души не нашли приюта, они приходят сюда, невесомые, словно облака. А зачем! Им теперь не на что надеяться.

— Говорю тебе — я сын Тэда. Я не был убит, воины императора схватили меня. Двадцать лет я воровал веслом на галерах Нода и вот — вернулся!

— Спасите, привидение! — закричала вдруг старуха. — Помогите! Скелет на лошади! Срежь бела дня! Он явился мучить нас!

Женщины с закрытыми лицами и мужчины высыпали из хижин и окружили Гальдара. Некоторые были вооружены. Один из них, видимо, главный, подошел к нему.

— Да, ты Гальдар, я узнаю тебя, — сказал наконец он.

— Где моя мать?

— Иди за мной.

Она спала на узкой лежанке, высеченной в скале, в глубокой нише самой большой из пещер, освещенной дрожащим пламенем двух ламп. Он не сразу понял, в чем дело. Ему казалось или, может быть, хотелось, чтобы она и в самом деле спала, но, когда глаза его привыкли к сумраку, он увидел, что ее грудь не поднимается, он заметил впавшие глаза, утончившиеся ноздри и восковой оттенок кожи. Все его существо, все, что сохранил он в себе от нежного детства, еще продолжало надеяться. Он молча склонился над этими губами, замершими теперь в вечной улыбке. Дрожащими руками он коснулся ее сложенных ладоней, маленьких, словно у ребенка. Он поцеловал ее лоб, обрамленный седоватыми прядями, застывший и холодный, словно гладкий камень. Глаза ее были приоткрыты, и он заметил в бахrome ресниц тонкий серпик зрачка, серо-зеленого с пятнышками цвета лесного ореха... Он не мог удержать слез. Они подступали откуда-то из глубины души, где рождались рыдания и стоны.

— Вчера еще, — говорил вожак, — она вспоминала о тебе, знала, что ты жив, и никогда не могла поверить в весть о твоей смерти. Она чувствовала, что ты жив... Умерла твоя мать на рассвете. Она долго болела, и мы ухаживали за ней. Ты приехал слишком поздно. Но — кто знает? — может, она и сейчас тебя видит, тогда она счастлива.

Гальдар присел возле постели на огромный камень, вытесанный в форме сиденья. Он не мог отпустить эти маленькие неподвижные ладони, отвести глаз от этого лица, почти не изменившегося, от этой улыбки, загадочной, как сама смерть. Его сердце готово было вырваться из груди, словно раненый зверь.

— Могила уже готова, — сказал его собеседник. — Мы не можем больше держать ее здесь.

— Почему?

— Просто она занимает место, и к тому же лучшее.

Когда они перенесли тело к яме, начался снег. Опустили тело, укрыли лицо полой туники покойницы и засыпали могилу землей и камнями. Вожак взял Гальдара за руку.

— Послушай, — сказал он, — ночь уже совсем близко. Мы не можем отвести тебя назад. Ты погибнешь. Горы безжалостны к чужим.

— А почему ты решил, что я собираюсь ехать?

— На эту ночь, в память о Тэде и о той, которую мы так любили, мы дадим тебе кров, но завтра, слышишь, завтра же, с первыми лучами солнца ты уйдешь и не вернешься сюда больше никогда.

— И ты говоришь, что любишь своих людей?!

— Да, я люблю их и готов служить им. Я был с твоим отцом, когда его убили, я был начальником одного из отрядов. Я и привез его тело. Твоя семья бредила одной мыслью: отомстить, отвоевать Верхние Земли, прошлые почести и бывшее поклонение. Они втягивали нас в вечную войну. Мы потому и оказались здесь. Хотя и в нищете, зато живы! Так что лучше тебе уехать.

— С того самого дня, как я попал в плен, я ждал момента, когда вернусь домой. С цепями на ногах, под плетью каждый день я мечтал об этом миге. Эти мысли согревали меня. Тогда я был счастливее, чем теперь.

Он поел с ними: крупяная похлебка, приправленная травами и забеленная козьим молоком, остатки жаркого из мяса косули, плохо приготовленный сыр да вода, отдающая железом.

— Раз уж мы — причина ваших бед, почему вы ухаживали за моей матерью? — спросил он вдруг. — Почему вы и ее не отправили вниз по тропе?

— Неужели ты думаешь, что мы могли бы сделать это! Ведь она отдала все вещи, золото, права на наследство, чтобы спасти нас!

— Да, да, — закивали остальные.

— Ведь другие деревни были полностью вырезаны или угнаны.

— Всякий раз, — сказала старуха, которую Гальдар встретил первой, — как гудит ветер, слышно, как все эти мертвецы, бродящие без приюта, хохочут и поют военные марши или колыбельные песни. А кое-кто видел даже, как блестит их оружие... А ты вернулся! — закричала вдруг она.

— Нет, — отрезал главный, — просто он пришел на ночь глядя, и потом он плакал. Тени не плачут. Это уж точно.

— Не плачут, — пробормотала старуха, посверкивая глазами.

— Если я вас стесняю, я могу переночевать и на дворе.

Он вышел, не в силах больше сдерживать досаду и тоску.

— Твоей матери нет больше, — проворчал вожак. — У тебя нет прав на нас. Твоя мать отдала их императору. С тех пор Нод настоящий хозяин Верхних Земель. Ты теперь никто и не можешь ничего требовать. Твоя мать освободила нас от наших обязательств перед тобой.

— Чтобы вас же спасти!

— Мы не хотим, чтобы все началось снова!

Луна освещала пейзаж, достойный кошмарного сна. Над заостренными зубцами вершин, над всеми этими клыками и зловещими ущельями, над беспросветно черными прогалинами, над каменными глыбами, разъеденными яростными ветрами, над беспорядочным нагромождением причудливых каменных рептилий, безобразных зверей, увешанных страшными шипами, — надо всем этим медленно поднимались тяжелые испарения. Они вздымали свои бесплотные щупальца, стягивали их в кольца, закручивали в свитки, тревожа, словно призраки, воспаленный мозг и болезненное воображение человека своими зыбкими и летучими картинами. Гальдар думал:

«О ты, не имеющий имени, но если верить Ошу, правящий всеми богами и всякой земной тварью, что я сделал тебе? Зачем ты привел меня сюда после стольких скитаний? Чтобы я почувствовал, что побежден? Испил тоски с самого дна этой чаши? Зачем ты,

знающий все на свете, заставлял мою взбалмошную голову мечтать об этом возвращении и лететь сюда, словно на крыльях? И зачем не дал всего одного дня моей матери, чтобы она обняла меня? Ответ — видишь, надежда оставила меня! — что делать мне теперь и для чего жить?»

Вожак вышел к нему:

— Не ложись здесь, Гальдар. Ночи уже слишком холодные, а сегодня, похоже, будет снег. Идем.

Когда они вошли в пещеру, Гальдар спросил его:

— Почему вы не строите нормальных домов? Неужели лучше жить в таких норах?

— Солдаты жгут.

— Солдаты? А что им здесь делать?

— Они собирают дань.

— Да ведь у вас же ничего нет!

— Нет. Они отправляют наших юношей работать или грести на галеры, а девушек, когда они... ну, в общем, они оставляют только дурнушек или совсем уж хилых. Когда они возвращаются с пустыми руками, они сжигают все, что горит. А хижины строить легко, и они не так бросаются в глаза.

— И вы соглашаетесь терпеть?

— А-а, задело тебя! Ну, еще бы! Ты, сын прежнего хозяина, двадцать лет греб на галерах и был небось еще счастлив, получая на ужин котелок баланды. Что, хорошо там готовят?

Повисшее молчание было даже не угрожающим, а зловещим. Наконец Гальдар произнес:

— Вы можете опустить сейчас мост ненадолго, чтобы мне переправиться только с моей лошадью?

— Ты себе шею свернешь! Эта река, что течет внизу, в ущелье, — ее едва слышно — уже многих успокоила в своих волнах.

— Пусть это будет моим первым и последним приказанием!

— Что ж, будь по-твоему.

Гальдар ушел, не прощаясь, пересек поток по дрожащему под каждым шагом настилу и, правя, насколько это было возможно, лошадью, а скорее, просто доверяясь ее чутью, наугад, с бешено колотящимся сердцем, с глазами, покрасневшими от еле сдерживаемых слез, начал свой путь в ночь, наполненную колеблющимися призраками, которые скользили вслед за ним безликим полчищем, словно отряд странных всадников, бледных, как сны. Давящая на уши тишина только усиливала это ощущение.

Чтобы прокормиться, ему пришлось продать плащ, потом пояс и наконец прекрасный кинжал, отделанный камнями. Но едва он спустился в долину, на повороте дороги встретил Дору, летевшую ему навстречу во весь опор в облаке золотистой пыли. Ее сопровождали двенадцать всадников в шлемах, украшенных перьями, и нагрудниках из черной кожи. Это были отборные воины императорской гвардии, уроженцы Большого Материка; их называли «рыцарями-орлами» из-за уборов в виде хищных птичьих голов; об их отваге ходили легенды. Они осадил лошадей и остановились на почтительном расстоянии. Дора спрыгнула на землю и подошла к Гальдару:

— Так ты возвращался! Ты не забыл меня! А я сошла с ума от тоски, я решила найти тебя сама, вернуть тебя. Наконец-то ты со мной... Ну, теперь ты веришь, что я люблю тебя?

— Да.

— Ты опять здесь... Ты повидался с матерью и родными?

— Мать умерла накануне моего приезда. Они украли у меня золото, которое ты мне дала с собой. Даже хуже: они выгнали меня, боясь, как бы не случилось беды.

— Так ты вернулся только из-за этого?..

— Когда я был гребцом и мои товарищи упрекали меня в том, что я атлант, я отвечал,

что моя родина здесь, на галере. А теперь, когда больше уже не сижу на проклятой скамье и мой народ отрекся от меня, мне осталось только одно. Скажи, может ли женщина быть родиной для мужчины?

— Я никогда не отрекись от тебя!

Эта минута решила многое. В их сердцах родилось настоящее чувство, они отбросили наконец все уловки, как бросают наземь оружие, и почувствовали в себе возрожденную детскую чистоту. Их разговоры сделались еще откровеннее и неподдельная нежность появилась в отношениях.

4

Тем временем в Посейдонисе собиралась флотилия. День и ночь в арсеналах стоял гвалт, резко звенели пилы, стучали молотки, визжали струги, раздавался скрип зубчатых колес, песни подмастерьев, щелканье бичей и окрики стражников. Когда новая галера сходила на воду, император отменял аудиенции и появлялся на стапелях со свитой. Он сам давал сигнал к спуску корабля и произносил краткую речь, прежде чем раздать золото и вино рабочим. Все славили его, даже невольники. Когда он благодарил начальников столярных мастерских, те целовали бахрому его туники. В черной, вязкой воде, никогда не знавшей дневного света, дрожали перевернутые огни факелов и метались мерцающие тени. Играл оркестр. О каторжниках, навсегда прикованных к своим скамьям, вытесанным руками висельников и убийц, в темной яме нижней палубы, никто и не думал. Эти несчастные отдыхали, сплетая посиневшие руки, искусанные жадными зубами мурен, но участь тех, кто находился на верху этой жизненной пирамиды, была не менее жестока и непредсказуема. Но разве в нашей власти заглянуть в будущее?.. Искусно срубленные корпуса кораблей с узкими бортами и изящными конструкциями мачт скрывались в нагромождении лесов. Смолильщики с котлами, из которых валил едкий дым, носились туда-сюда. Один из них неловко споткнулся, и горячий вар окатил нескольких сановников из свиты, едва не попав на императорские сандалии. Нод благосклонно простил виновника, но тут же приказал казнить одного из писцов, который излишне громко проговорил:

— Плохой знак! Боги против нас!

Лысая голова императора затряслась в хохоте, и этот дьявольский смех, возвестивший о смерти безвинного предсказателя, подхватила угодливая свита.

Когда флотилия была наконец готова и один из принцев-союзников возглавил войска, Нод взошел на борт своей парадной галеры, на которой он всегда устраивал смотры своим армиям. Явились адмиралы и князья дружественных колоний. Он принимал их, сидя на тяжелом золотом троне, со скипетром в руках, напоминавшим скипетр божества: земной шар, увенчанный трезубцем. Корона с зубцами из наконечников копий тоже копировала убор Посейдона. Доспехи блистали золотыми звездами и изображениями солнца. Те, кто не потерял еще остатки стыда, скрепя сердце воздавали почести человеку, который осмелился совершить такое кощунство — пусть это был даже император! — присвоить себе атрибуты хозяина мира, владыки седого Океана! Другие незаметно обменивались улыбками. Один из жрецов пробормотал:

— Как он может присваивать себе титул бога? Ведь Святейший Совет не вручал ему награды! И торжественной церемонии я что-то не помню!

Эти дерзкие речи тотчас же были переданы Ноду. Нечестивца поставили на колени.

— Кому нужны твои дурацкие церемонии, раз Святейший Совет и так признал меня божеством, — прохрипел император. — Полсотни ударов плетью, быть может, научат тебя, мерзавец, думать, прежде чем разевать рот.

Обычно умирали на тридцатом. Нод с интересом смотрел на казнь, причмокивая губами, до тех пор, пока окровавленное тело не было выброшено на съедение рыбам. И снова его злое смех возбудил общее веселье.

В тот день он принимал ливийского короля, привезшего ему в дар двух леопардов. Один из них, раздраженный, видимо, резким запахом ладана, исходившим из огромных изрезанных отверстиями серебряных сосудов, которые стояли возле трона, сорвался с поводка. Он опрокинул наземь стражника, прокусив ему плечо, ранил одного из советников, который бросился защитить императора, и вдруг, совершенно неожиданно, улегся у ног Нода. Замершая в ужасе свита наблюдала несколько мгновений, как он облизывает позолоченные туфли.

— Это Бог! Наш император действительно божествен! — вскричали все.

Ливиец медленно приближался, занеся короткий клинок над головой леопарда. Нод остановил его жестом: разумное животное, куда более сообразительное, чем этот тупой сброд, польстило ему...

Советник и черный воин катались по ковру, крича от боли.

— Убрать их! Эти стоны мне мешают! — приказал он.

С этого дня его высокомерие перешло все разумные пределы. Он пожаловал титул какому-то неизвестному комедианту, сложившему «Песнь о Ноде и леопарде». Заказал придворным скульпторам несколько статуй, изображавших свирепого зверя, лижущего ноги императора. Приказал лучшим дворцовым медикам мумифицировать леопарда, когда он умрет, словно речь шла о скончавшемся наследнике.

По его повелению были отлиты золотые носилки, в которых в праздники Равноденствия и Солнцестояния рабы выносили его, одетого в наряд Посейдона. В этих носилках он отправлялся в казармы приветствовать войска, собранные со всего света, чтобы уничтожить вероломного Фореноса и его союзников. Сорок невольников медленно несли его перед строем, и, когда он проплывал над ними, тысячи голов в шлемах, украшенных перьями, поворачивались к нему, тысячи гортанных криков вырывались из глоток, тысячи штандартов и копий склонялись перед ним. Нод любил эти спектакли. Он принимал причудливые позы, стараясь не выдавать своих чувств. Но его широкие ноздри с наслаждением втягивали этот запах кожи, лошадей, пота и грязи, самый дух его могущества, равного которому не было нигде. Он представлял себя в сражении, и его изобретательный ум выдумывал очередной изящный маневр. Крики, сигнал труб и резкий грохот выстрелов раздавались по одному движению его скипетра. Не хватало только криков ненависти, ужаса или отчаяния, звона оружия и сталкивающихся щитов, трупов и луж крови, чтобы сходство было полным.

Вечером он, как всегда, отправился на верхнюю террасу дворца. Он не позволял себе соблазна пересчитывать боевые корабли, пришвартованные вокруг дворцового острова, или разглядывать освещенные окна казарм, где пьянствовала солдатня, оружейные склады, заваленные тюками и ящиками. Счастливый свет городских огней не проникал больше в его сердце. Этот свет был слишком жалок в сравнении с его величием.

Как всегда, в это время появлялся великий жрец, более других посвященный в тайны, порожденные трезвой головой императора. Он входил крадучись, в митре, надвинутой на нос.

— Ты запоздал, мой милый старый демон.

— Твои приказания тому причина и извинение, великий. Я продиктовал три послания, которые будут представлены тебе на подпись с рассветом.

— Прекрасно. Как идут другие дела?

— Уже есть триста пятьдесят галер, и все они укомплектованы войсками.

— Мне нужно четырехста.

— Ты получишь их менее чем через неделю.

— А сколько у тебя солдат?

— Около шестидесяти тысяч, но еще будут грузовые корабли, а кроме того, колесницы и кавалерия. Уже готов указ о воинской повинности.

— Внеси туда слова о том, что тот, кто будет противиться или скрывать положенное,

горько пожалеет об этом. В этой затее, равной которой еще не было, — тот, кто мне не друг, тот враг.

— Я предвидел этот пункт, господин.

— Поторопись с церемонией обожествления. Она должна совпасть с, отплытием. Это приободрит войска и заставит замолчать недоброжелателей.

— Я это тоже предусмотрел и завтра рассчитываю сообщить тебе время, программу и список приглашенных.

— Ты просто образец советчика! Есть еще какие-нибудь новости?

— Врачи прислали свое заключение. Великий принц почти совершенно здоров. Он уже хорошо ест и даже немного поправился. Они утверждают, что через две недели, не позже, принц будет в силах отплыть. Мне очень приятно, что именно я сообщаю тебе это.

— Ты уверен в правильности их заключения?

— Да, конечно. Они очень подробно пишут о его здоровье, и все их прогнозы более чем утешительны. Не могу отказать себе в удовольствии заметить, что именно тебе, великий, пришла в голову счастливая мысль разрешить принцу отправиться на Сосновую виллу. Надобно сказать, что этот край чрезвычайно...

— Болтун! Меня интересует не его здоровье, а что он думает, хочет ли он возглавить флотилию, знает ли он что-нибудь о числе кораблей, баллист и воинов, вверенных ему?

— Медики об этом не пишут, господин, но это ведь не входит в их полномочия, это не их обязанность.

— Ну, может быть, тем не менее это главное. Ах, любезный Энох, как же можно доверить такую силу этому слабому созданию! Добро бы еще он был просто хилым, и трезвая голова компенсировала бы телесную немощь, но у бедняжки Доримаса есть только трусливая, впечатлительная, населенная призраками и кошмарами душонка! Принц, зараженный манией прощения, никогда не сможет совершить ничего великого.

— Но, господин мой, ты ведь предусмотрел и это. Принц не в силах помешать твоим делам.

— Конечно, но для того, чтобы вести за собой эту армаду, нужна одна неутомимая и пламенная воля, как среди звезд только единственная указывает путь кораблю... Ты не согласен со мною, милый Энох?

— Нет, господин.

— Подумай хорошенько! Скажи, неужели я уже настолько стар и допущу, чтобы кто-нибудь пожинал лавры, предназначенные для меня?

— Этот кто-нибудь — Доримас?

— Или адмирал, который поведет войска и одержит за него победу. Он сочтет себя — и не без основания — опорой трона и спасителем империи. Тогда он возгордится и начнет требовать невозможного.

— Но ведь ты будешь этой путеводной звездой.

— Тут нужен личный пример. Присутствие императора во главе армии удесятит ее силы. Сомнения будут отброшены, и даже трусы станут соперничать со смельчаками. Все, что мне довелось совершить великого, я сделал сам.

— Но можешь ли ты рисковать своей драгоценной жизнью, оставив дворец и столицу? Вправе ли ты сделать это?

— Я еще не решил окончательно, но эта мысль — отправиться с войском и вести походную жизнь и побеждать для своей собственной славы — не дает мне покоя. Я никак не могу побороть в себе это искушение. Когда я вижу корабли, выкрашенные свежей краской, моих солдат, я говорю себе, что было бы непростительной глупостью отдать все это просто так Доримасу или адмиралу, который может изменить мне, выкроить без всякого риска себе новое царство, а потом напасть на Атлантиду и свергнуть меня... Но я все время прерываю тебя. Есть еще что-нибудь новенькое?

Энох поколебался мгновение. Он спрашивал себя в последний раз, можно ли было не говорить императору о том, что сам уже знал о Доре, и не обернется ли этот избыток

верноподданности против него самого. Кто знает, что будет потом и какие распоряжения на сей счет уже отдал император?

— Твоя дочь, великая принцесса, позволила Гальдару отправиться на его родину, в Верхние Земли.

Он ждал, что скажет Нод, но император даже не пошевелился.

— ...Она дала ему лошадь и бумагу с собственной печатью...

Нод метнул на него быстрый иронический взгляд.

— ...То, что Гальдар увидел в своей провинции, настолько обмануло его ожидания, что он тут же возвратился самой короткой дорогой на Сосновую виллу. Мне кажется, он больше не опасен.

— А мне кажется, что Дора — самая умная женщина в моей империи.

— Эта уловка способна сделать честь дальновиднейшему из политиков.

— Однако ты забыл сказать, что моя дочь отправилась ему навстречу, до того она влюблена!

— Она боялась вызвать твое неудовольствие.

— Нет. Если уж она способна потерять голову с этим незнакомцем, да еще понимая, что никогда ему не достичь высот ее положения, тот тут можно только развести руками.

— Гальдар для принцессы всего лишь интересный собеседник. Она нашла в нем человека не такого, как все остальные.

— Вот уж это точно!

— Теперь, когда Гальдар оставил свои бредовые затеи, эта связь не представляет интереса, она забудется, как и все прошлые. В принцессе очень развито чувство долга, но возраст, обстоятельства, этот нежный приморский климат...

— Этот Гальдар — единственное, что мешает мне отправиться с легким сердцем с кораблями, оставив Дору регентшей.

— Так в чем же дело, господин? Уничтожь его!

— Я же говорил тебе, что это невозможно.

— Ну так назначь его капитаном на одну из галер.

— Она не захочет этого. Я ей его «отдал». Глупо, конечно.

— Ну что ж, господин, тогда оставайся с нами, будь хранителем нашего счастья и спокойствия.

— Я еще не слишком пресытился славой, старый козел. Но довольно об этом. Ночь — мой лучший советчик и друг. Я и впрямь человек сумерек... У тебя все?

— Твои астрономы заметили новую звезду.

— Тоже мне подарок!

— Они утверждают, что она выглядит очень странно. Ее голубоватый хвост необычайно ярок.

— Обычная комета.

— Они говорят, что она движется к Земле. Они погрузились в сложнейшие расчеты, чтобы определить ее траекторию, но результаты получились слишком разные. Один утверждает, что она исчезнет в глубинах Вселенной, а другие — что она заденет Луну, и это будет причиной великих катаклизмов.

— Забавный способ тратить собственное время. Но бог с ними, пускай уж они это обсуждают, раз такое у них ремесло. Мне же приходится мучиться настоящими проблемами: должен ли я покинуть Посейдонис? Назначить ли Дору регентшей?

5

Эту дилемму разрешила судьба. Но все началось, конечно, с императора. Его не интересовало спокойствие других, их ничтожное мимолетное благополучие. Ради собственной потехи он рушил будущее своих близких, но и сам, подписывая этот приказ о возвращении, не знал, что решает и свою судьбу. Он вдруг вынужден был прервать свои

морские прогулки. Гальдар — свои беседы с Дорой и философствования, Дора — свою игру в простую влюбленную девушку, а ее брат — свое выздоровление. В течение часа им следовало покинуть белую Сосновую виллу, забыть этот мир свежего бриза, апельсиновых деревьев, тихих рассветов, дней, полных неги, и звездных ночей. Император приказал им возвращаться. Пятьдесят последних кораблей наконец прибыли, и нельзя было больше задерживать отправку великой флотилии. Он не мог больше ждать. Медики робко возражали, что Доримас не совсем еще здоров, что нужно еще хотя бы две недели до полного выздоровления и что в пути болезнь может возобновиться. «Рыцари-орлы» разогнали бормочущих врачей и сами уложили принца на носилки. Когда появилась Дора, они удалились по ее знаку.

— Ты дрожишь, милый брат. Тебе холодно?

— Нет, я дрожу от страха.

— От страха?

— Да, я боюсь его.

— Император очень тебя любит, а кроме того, подумай о том, что, может быть, мы ему нужны.

— Но меня-то он ненавидит, ибо я — причина этой войны. И одновременно презирает, потому что Форенос разбил наших воинов, и я был ранен.

— Совсем наоборот. Он только и думает о том, как отомстить.

— Чтобы утолить свою жажду убийства и господства. Уже много дней я думаю о нем и о его намерениях. Если он не считает меня сыном, то и я не считаю его отцом. Это зверь, злой и жестокий.

— Как ты можешь так говорить?! Ведь тебе командовать экспедицией. Разве можно представить себе большее доверие?

— А если я считаю, что переговоры лучше этих бесконечных сражений? Если откажусь командовать? Я бы предпочел плохой мир, чем даже поражение врагов, поскольку кровь вызывает к крови, а всякая новая победа разожжет новую ненависть. Когда, наконец, эти народы, которые мы завоевали, смогут вздохнуть свободно? Неужели мы не можем жить с ними в мире? Что касается меня, то я уже забыл оскорбления, которые нанесли мне пеласги. Более того, я благодарен тому воину, который проткнул меня, потому что эта рана дала мне время и повод к размышлению. Война из всех видов человеческой деятельности, наверное, самое бессмысленное и пустое дело.

— Только прошу тебя, не высказывай этого императору. Если ты откажешься от командования, сошлись хотя бы... на свое здоровье.

— Нет, я скажу ему все, что думаю. Впервые у меня достанет мужества ему перечить. Я его сын, и, стало быть, я — единственный, кто может безнаказанно говорить ему правду, кто может просить его отказаться от готовящегося преступления.

— Ты только разозлишь его.

— Я все предвидел, Дора. И то, что он может лишить меня жизни, несмотря на то, что я — его сын. Но, во-первых, жизнь мне в тягость, и, кроме того, я хочу, чтобы хоть раз Нод почувствовал, что я не трус, что во всей империи есть лишь один человек, способный не склонить перед ним головы, и этот человек — я, «бедняжка Доримас». Если он меня убьет...

— Ты сам не знаешь, что ты говоришь: император не может убить своего сына.

— Если он меня убьет в приступе злобы, угрызения совести отравят ему всю оставшуюся жизнь. Он не сможет даже презирать меня.

— Ты говорил об этом с Гальдаром?

— Он считает, что мое намерение созрело слишком поздно и что напоминает скорее самоубийство от безысходности. Он сказал еще, что героизм оправдывается разве что примером, который он подает остальным. Однако, если ему верить, о моем поступке не узнает никто. Разговор будет идти при закрытых дверях, и ни один посторонний не услышит моих слов.

— Он прав.

— Но мне кажется, что разгневанным богам нужна жертва. И не белый телец, а королевский сын.

— Откуда у тебя такие мысли?

— Когда борешься с болезнью, а жизнь и смерть соперничают во власти над твоим телом, ум становится более острым, более чувствительным. И небеса, и весь мир, клянусь тебе, Дора, исполнены зловещих знаков!

— Ум становится более острым или погружается в отчаяние, лихорадка порождает мнительность.

— Выслушай меня. С некоторых пор в поведении отца заметны стали несомненные признаки бешенства. Последствия будут ужасны. Если он убьет меня...

— Ну вот, опять! У тебя это навязчивая идея?

— Может быть, эта смерть откроет ему глаза. Может быть, она наставит его на истинный путь?

— Короче, тебе хочется быть жертвой. Я восхищаюсь тобой. Однако я поговорю с императором прежде, чем ты его увидишь. Я считаю необходимым предупредить его.

— Я запрещаю тебе это!.. Дора, сестра моя, если ты любишь меня, не лишай меня единственной возможности оправдаться перед моей совестью. Уже столько дней во мне тайно зреет это намерение. Не мешай мне, прошу тебя.

— Ты все еще дрожишь!

— Мне очень страшно, признаюсь тебе. Я боюсь прежде всего собственной слабости. Но душа моя не нарушит своего долга.

Дора на эти слова ответила лишь улыбкой. Она опустила занавески носилок и подозвала стражников. Процессия тронулась, сопровождаемая безмолвными черными воинами. Они пересекали холмы и долины, засаженные рядами апельсиновых деревьев. Чайки сновали туда-сюда в ясном утреннем небе. Наконец показались внешние рвы Посейдониса и засверкало оружие часовых.

Дора не смогла выполнить своего намерения. Как только они вступили под своды дворца, Нод появился со своей свитой на вершине лестницы. Он схватил сына за руку и ввел его в покои. Все заметили удовольствие и радость, написанные на его лице при виде выздоровевшего принца.

— Наконец-то, — повторял он, — наконец-то ты здесь! Милое дитя, как мне тебя не хватало, как я за тебя беспокоился!

И пока за ними не закрылась тяжелая дверь, был слышен его смех, смех счастливого человека, а не демона, увенчанного короной. Энох, раздосадованный тем, что ему не пришлось присутствовать при этой «знаменательной беседе», любезно расспрашивал Дору о путешествии. Его серые глаза то и дело с интересом останавливались на Гальдаре. «Как мне вести себя с тобой, вчерашний раб? Благоклонно? Ты слишком родовит, этим тебя не купишь. Держаться с тобой на равных? Или искать твоей дружбы? Но кто знает, будет ли твое влияние длительным и неизменным? К счастью, любезность не стоит ничего и ни к чему не обязывает... Но боги, как бледна Дора! Вот ведь еще новость!»

— Да, принцесса, — говорил он тем временем, — заботы тяготят нас. Нам некогда отдыхать. У нас даже нет времени вздохнуть. Однако я благодарю богов за то, что они сохранили мне достаточно сил и что я в моем возрасте могу принять посильное участие в этом великом, божественном начинании нашего императора.

Шепот раздавался вокруг них. Главной темой было здоровье принца. Придворные льстецы удивлялись его «свежему виду», «цветущему румянцу», «твердой походке».

— Разве можно было предположить такое быстрое излечение?

— Абсолютное излечение!

— Воскресение!

— А ведь еще и месяца не прошло!

— Наши медики превзошли самих себя.

— Друзья, не забывайте, что в его жилах течет кровь императора. У простого смертного не хватило бы на это сил.

Их внимательные глаза следили за дверью в глубине коридора. Минуты тянулись невероятно медленно. То, что они наконец увидели, поразило их: император, зовущий стражу, и его туника и нагрудник, залитые кровью. Они бросились к нему, но Нод жестом остановил их. Через минуту четверо «рыцарей-орлов» пронесли Доримаса. Лицо его изменилось до неузнаваемости. На полу за ним оставались красноватые пятна.

Энох похолодевшими пальцами тронул Гальдара за плечо.

— Господин, — прошептал он, — я лично распоряжусь, чтобы тебя разместили со всеми удобствами. Твои желания — закон для меня.

6

Для торжеств в честь Посейдона Дора заняла место на золотых носилках брата, украшенных плюмажем, с золотым куполом над балдахином. Накануне на всех улицах и перекрестках Посейдониса были расклеены объявления, гласившие:

«...Прославленный и благородный принц Доримас не сможет присутствовать на торжествах из-за ранения. Божественные знаки будут ему вручены позднее. Его сестра, прославленная и благородная принцесса Дора, примет их вместо него, на нее будут возложены также обязанности временной правительницы страны и вручена большая государственная печать, поскольку наш божественный император, отец народов, взял на себя руководство экспедицией. Прославленная и благородная принцесса примет, кроме того, присягу высших офицеров и сановников империи, как светских, так и духовных...»

Энох подписал документ, не забыв ни одного из своих титулов: «Великий Жрец Посейдона, владыка храмов в Атлантиде и заморских территориях, благодетель бедных, защитник рабов и изгнанников, преданнейший слуга божественного императора и т. п.». Недавно Нод одарил его высочайшей милостью: быть похороненным в императорском некрополе, расположенном в том самом месте, где Посейдон положил начало своему городу. Поэтому переполненный благодарностью старец постарался организовать торжественную церемонию так, чтобы она оставила незабываемые воспоминания. Он расписал ее до мельчайших деталей и разослал приглашения вместе с точными и подробными инструкциями...

До сих пор невиданная процессия — переливающийся всеми цветами радуги поток перьев и золота — текла из ворот дворца, спускалась по монументальной лестнице и направлялась к садам храма Посейдона. Впереди шли сто лучников атлантов и сто копьеносцев в остроконечных шлемах. На их медных кованых латах и щитах сиял трезубец — символ императорского дома. За ним шли отряды ливийских воинов с перекинутыми через плечо шкурами львов и леопардов: светловолосые, с заплетенными в косички волосами гипербореи, в темно-синих туниках и с длинными мечами на боку; грозные всадники кельты в рогатых шлемах, с длинными обвислыми усами. Затем Энох вел за собой воспевающих императора жрецов...

На черных, лоснящихся плечах сорока рабов плыли золотые носилки Нода, одетого в шитую золотом тунику с золотыми украшениями на голове и ногах. Он скрестил руки на коленях, а взгляд его затерялся где-то вдаль. За ним следовали носилки принцессы, хрупкая фигура которой была тоже увешана несравненными по красоте золотыми украшениями. Гальдар командовал эскортом из «всадников-орлов». Накануне его вызвал Нод:

— Все прощено и забыто. Я назначаю тебя управляющим Верхними Землями.

Гальдар почувствовал западню...

— Это невозможно, повелитель.

— Ты отказываешься? Боишься скомпрометировать себя в глазах своих

единомышленников?

— У меня нет больше единомышленников.

— Тогда ты не хочешь ничего принимать от меня?

— Когда кого-нибудь долго унижают, он перестает ощущать себя годным выполнить нечто важное.

— Я назначу тебя командовать галерой.

— И здесь я не смогу быть полезным.

— Почему?

— Каторжники узнают о том, кем я был, и откажутся мне повиноваться.

Император нахмурился:

— Ты тоже считаешь эту войну ненужной и ведущей нас к гибели?

— Наоборот, я считаю ее неизбежной.

— Тогда я назначаю тебя капитаном черной гвардии... охраняющей мою дочь, как я слышал, ты к ней сильно привязан...

За императором и принцессой шли девять с помпезной пышностью разодетых фигур. Это были остальные цари Атлантиды. Марионетки, которых уже никто не воспринимал всерьез, они не обладали практически никакой властью. Им были оставлены только безбедное существование и внешние атрибуты уважения. Но приличия были соблюдены, и они шли впереди военачальников, сановников и старших офицеров в парадной форме. Затем двигались делегации иностранных принцев со свитами и под своими флагами. Замыкала процессию толпа лучников, копьеносцев, рабочих из мастерских арсенала, строителей, архитекторов и инженеров в окружении «всадников-орлов».

Барабаны ливийцев задавали шествию медленный и торжественный темп. Их густой рокот оттенял пронзительные выкрики жрецов. Пестрая и торжественная река пересекла золотые ворота парка и начала медленно втягиваться на территорию храма, ведомая жрецами-распорядителями в алых туниках, с палками из слоновой кости. В этом святилище, куда не допускается никто, кроме жрецов, императорской семьи и царей, деревья были изваяны из золота и серебра. Плоды, висевшие на ветках, — из золотых самородков. Повсюду стояли статуи покойных царей и принцев, выполненные из драгоценных металлов, губы и ногти у них были из рубинов, глаза — из топазов или изумрудов. Колонны, боковые стены и фасад храма были покрыты благородными металлами, гребень пирамидальной крыши — из чистого золота. Потолок был из слоновой кости, покрытой золотом, на полу — серебряные плиты. Хотя двери были малы по сравнению с огромным внутренним пространством храма, внутри было почти так же светло, как и днем. Металлические поверхности отражали и усиливали малейший луч света. В глубине храма, почти касаясь потолка, возвышалась статуя Посейдона, стоявшего на своей морской колеснице, запряженной шестеркой могучих коней и потрясавшего трезубцем. Его окружали сто нереид верхом на дельфинах.

Хор детей в белоснежных туниках, с волосами, украшенными лилиями и розами, запел величественный триумфальный гимн.

Император, принцесса, девять царей и старый Энох в белоснежной митре шли через простершуюся ниц толпу. Даже жрецы, настолько уверовавшие в свое величие, что никого не приветствовали первыми, склонили головы и преклонили колени. Нод не спешил. Он наслаждался зрелищем, открывавшимся перед ним. Ему доставлял огромное удовлетворение вид согнутых спин, склоненных голов, разноцветное море дорогих, искусно сшитых мундиров и одежд, многие из которых стоили целые состояния. Звуки молодых голосов, лившихся от подножия статуи Посейдона, ласкали ему слух. Он чувствовал себя переполненным нежностью и добродушием. Он подумал вдруг, что церемония окажется довольно длинной и позволит ему выбрать из этих девственниц самых привлекательных: «И под предлогом занятий музыкой я их возьму в услужение во дворец!» Он также решил подложить свинью этим надутым индюкам, картонным царям, удостоенным чести стоять у

его трона. «Из девяти пятерых возьму с собой в поход! Сегодня вечером, после пира, на десерт, жребий решит их судьбу». Мысль показалась ему настолько забавной, что он едва сохранил серьезный вид. Из глубины храма бог морей пронзал его взглядом и угрожал трезубцем. Но что для Нода божество, отлитое из металла? Цена ему — стоимость золота, из которого он сделан: «Мои предшественники не знали, куда девать деньги, хотя и не были лишены амбиций. А мне надо оснастить и содержать в течение шести месяцев стотысячную армию».

С этими мыслями Нод подошел к трону, возвышавшемуся на пьедестале перед колесницей Посейдона. И как только он занял на нем место, душа его наполнилась необыкновенным ощущением величия. Ему казалось, что она росла, переполняла его, действительно становилась душой самого бога: надменной, неумолимой, необузданной и чистой. Дым благовоний поднимался из серебряных чаш. С этого момента Нод воспринимал происходящее сквозь пелену тумана. Толпа, казалось, растеклась, превратилась в магму, неясную, колышущуюся и бормочущую массу. Он различал только старца в митре, который приближался, неся в руках на полотне голубого велюра скипетр и остроконечную корону Посейдона. «Так, должно быть, видят мир боги», — подумал он. Стало тихо. Затем он услышал: «Человек, настолько великий, чтобы достичь бессмертия в этом мире, — а такова воля богов — сам становится одним из них: император — бог Атлантиды, старший сын Посейдона и наш заступник перед ним! Да пусть произносится имя твое наравне с именем его! Пусть твой народ так же молится тебе и приносит дары свои, как и ему. Скоро статуя твоя встанет рядом со статуей Отца Океанов, владыки островов и подземных вод! Живой бог, наш господин, я вручаю тебе знаки твоей власти».

— Не бери их! — вдруг раздался вопль женщины.

Нод схватил корону и надел ее, затем три раза поднял над головой, увенчанной сферой и трезубцем.

— Несчастье! Несчастье! — вопила женщина, которую пытались усмирить. — Ты проклят! Мы все прокляты! Атлантида проклята!

Наконец ее заставили замолчать и вывели из храма. Но праздничная, торжественная атмосфера была нарушена. По залу прокатился шепот, когда Дора склонилась перед новым богом, своим отцом, чтобы принять из его рук скипетр и корону — почти такие же, как и у него, но меньше размерами и скромнее украшенные.

— Благородная Дора, ты будешь править империей, пока длится война и покуда меня не будет. Поскольку в тебе течет моя кровь, ты обладаешь частью моей божественной силы и моей воли!

Старый Энох воздел к небу костлявые руки и согнул колени. Хор взорвался триумфальной песней. На присутствующих полился дождь цветов и перьев. Солнце засияло на коронах Посейдона и Нода. Простаки увидели в этом предзнаменование. Скептики усмехнулись, но про себя: слишком много тайных агентов растворилось в толпе, переодетых солдатами, «всадниками-орлами» и даже иностранными вельможами. Они выслеживали недовольных, и те вряд ли могли надеяться на снисхождение новоявленного бога. Затем Энох пригласил царей Атлантиды и заморских принцев одного за другим подойти к принцессе и принести ей присягу. И когда первые из них смиренно приблизились к ней, она приветствовала их легким кивком головы. Ее взгляд был устремлен на Гальдара. Он неподвижно стоял в шлеме с перьями, возвышаясь над рядами чернокожих воинов. Ее глаза пытались поймать сумрачный взгляд любимого. Но она не могла понять, скучает ли он, забавляет ли его этот спектакль или он его осуждает? «Будет ли он любить меня как прежде, просто как женщину? Хватит ли у него смелости? Любимый мой, я тебя знаю. Ты умный. Я уверена, ты сейчас улыбаешься. Это твое лицо всех обманывает. Я хотела бы быть птицей, запертой в клетке сердца, чтобы знать, о чем ты сейчас думаешь?»

Ош стоял у постели принца Доримаса и держал его за руку:

— Ничего не бойся. Тебе здесь будет лучше, чем в храме. На твоём ложе покоится

истинное благородство Атлантиды, а не на троне, стоящем на предательстве и святотатстве. Если есть в этой стране герой, то это ты.

— Все напрасно, все пройдет без следа.

— Ничто никогда не бывает напрасным. Я, который тебя ненавидел, я тебя простил, теперь я даже преклоняюсь перед тобой. В северных, суровых краях женщины поют, когда умирают герои. Они воспевают их возрождение в лучшей жизни, в мире без ран и бесчестья. Но тебя провожает только одинокий старик.

— Я больше не боюсь.

— Знай же, что тебя ждет: мир истинной справедливости. Ты будешь навсегда избавлен от страданий и тяжелого труда. Вечная весна будет окружать тебя. Тебе будут принадлежать земля и море, и никому не надо будет работать, чтобы они давали самые изысканные плоды и самую редкую рыбу. Там ты забудешь вкус слез...

Влажные пальцы разжались. Старику послышалось:

— Вкус слез... Гальдар... остров... Гальдар... если есть герой... он...

И принц погрузился в те темные воды, что отделяют жизнь от смерти.

7

Пир был в разгаре. Император был пьян. Чернокожие слуги непрерывно наполняли кубок нового бога, и он осушал его, не переводя дыхания. Его униженные перстнями пальцы бродили среди подносов с блюдами, отрывали куски мяса, залезали в тарелку соседа, великого жреца, вытаскивали оттуда аппетитные куски. Соус стекал на его шитые золотом одежды, застывал на жемчуге подвесок. Время от времени он поправлял корону, сползавшую то на лоб, то на уши. В конце концов он ее сбросил совсем. Рядом, не переставая, дребезжал смех Эноха. Император заставил старца выпить изрядное количество приправленного пряностями вина и с удовольствием наблюдал, как соловлеют глаза святого отца. Одна Дора еще сохраняла достойный вид, хотя хмельной напиток и у нее зажег румянец на щеках и оттянул нижнюю губу.

— Хватит негритянок, — пробормотал пьяно император. — Я хочу белых служанок... Обнаженных... Я сказал — обнаженных!

Он опрокинул кубок, и его содержимое вылилось на расшитую скатерть большим красным пятном, похожим на кровь.

— И танцовщиц с... Тоже обнаженных!.. Я сказал — танцовщиц... обнаженных...

Гости аплодировали, ерзали. Многие места были уже пусты. Те, кто еще недавно на них сидел, спали под столами: их храп вливался в какофонию восклицаний, пьяных разговоров и отрываний. Нод сунул под нос верховному жрецу кость:

— Попробуй, старый козел... Здесь еще есть немного мяса: попробуй... Это вкусно! Можешь доесть.

Даже отупевший от выпитого, Энох оставался придворным. Он поспешил подчиниться. Его лысый череп, свободный от митры, закачался, выражая благодарность.

Какой-то человек в медном треугольном колпаке сказал, что у него для императора очень важное и крайне срочное сообщение. Его пропустили. Хромая и опираясь на кривую палку, он направился к столу императора. Со всех сторон неслись насмешки и пьяный гогот пирующих. Стараясь не наступить на оружие и одежду, валявшиеся на полу, он приблизился к императору.

— Что это за старая обезьяна?

— Это наш главный ученый, — сказала Дора.

— Подойди.

Человек стянул с головы колпак, но остался стоять на месте, открыв рот. Он смотрел, оглушенный шумом и гамом, на пьяного императора, развалившегося среди кусков мяса, подбородок и грудь его были залиты застывшим соусом.

— Я ничего не слышу! Говори громче! И оставь в покое свою палку... Тихо, вы все.

Бог ничего из-за вас не слышит... Сам бог...

— Ваша милость, да простит ваше божество своего слугу и его учеников.

— Охотно... Хотя, я ничего не понимаю. О чем идет речь?

— Наши астрономические расчеты были близки к завершению, и мы посчитали, что преступлением было бы их прервать даже на несколько часов. По общему согласию, мы решили довести их до конца.

— С чем вас и поздравляю.

— По этой причине императорские ученые не смогли присутствовать сегодня на торжествах. И это усугубляет наше огорчение.

— С этим я вас не поздравляю.

— Не ищи здесь непослушания, но, наоборот, желание служить тебе верой и правдой. Соболаговольи принять наши величайшие извинения.

Многоголосый, неразборчивый шум заполнял зал. На галерее рассаживались музыканты. Один из них уронил свой инструмент.

— Тихо! — проворчал император.

Его униженные перстнями пальцы рассеянно оторвали перья от только что поданного фазана. Изумленно смотрел ученый на изображения солнечных дисков и трезубцев на темно-голубом балдахине, на кисти его бахромы, величиной с кулак.

— Ну и, — снова заговорил император заплетающимся языком, — что ваши вычисления?

— Они закончены, господин, проверены от начала и до конца. Мы сравнили их со звездными таблицами, оставленными нам нашими предшественниками, добрая им память, точность этих таблиц, насколько я помню, никогда не была поставлена под сомнение...

— Короче!

— Благородный господин наш, та звезда, которая недавно родилась на небесном своде и о которой по моей настойчивой просьбе тебе уже докладывали (голова Эноха качнулась в подтверждение), эта новая звезда оказалась кометой первой величины. Нам удалось ценой огромных усилий определить ее траекторию.

— Это занятие похвальное... безобидное... достойное ученых, которыми ты руководишь... Куда летит эта прекрасная комета? Держу пари — на Луну?

— Не совсем, господин. По нашим прогнозам — а я молюсь, чтобы мы ошиблись, — комета пройдет между нашей планетой и ее спутником.

— Прекрасно! Но что вы хотите от меня?

— Ваша милость, я боюсь, что она вызовет значительные потрясения.

— И какие же, мой добрый друг?

— Гигантские приливы, наводнения и повышение вулканической активности.

— Как интересно!

— Наши архивы хранят упоминание о подобном случае. В результате этого катаклизма изменилась карта Атлантиды. Одни острова исчезли, появились другие. Но то была совсем маленькая комета...

— И она тебе об этом рассказала? Тебе мало твоих непонятных колдовских книг, теперь ты еще разговариваешь со звездами? И они тебе раскрывают свои намерения? Старый шут! И когда все это случится? Отвечай!

— Через месяц и пять дней, если что-нибудь не изменит ее траекторию. Иногда звезды становятся капризными, как человек.

— Они возвращаются назад, потому что забыли свой кошелек? Иди проспись, лунатик. Возвращайся к своим подзорным трубам. Отойди, ты мне мешаешь смотреть! Если сегодня день или, вернее, ночь не будет достаточно приятной, я тебя уволю и отправлю в шахты. Там ты будешь изучать подземные звезды, если такие есть!

Зал разразился хохотом. И вино полилось рекой в кубки и глотки. Когда подали новые блюда из дичи, пьяные гости устроили свалку, отнимая друг у друга лучшие куски. Почти никто не обратил внимания на танцовщиц, двигавшихся между столами. Зато появление

обнаженных служанок вызвало гул одобрения. К ним бросились со всех концов зала. Похотливые руки хватали их, срывали с них украшавшие волосы гирлянды цветов, усаживали на свободные места.

Из-под тяжелых век император наблюдал за этой оргией. Он был счастлив. Любое проявление человеческого порока всегда переполняло его радостью. У него самого на коленях сидела обнаженная девица, рука его ласкала ее грудь. Не смолкал его громкий, демонический смех.

Солдаты охраны в шлемах с перьями и черных латах неподвижно стояли около колонн и были похожи на больших птиц с человеческими глазами, сидящих вокруг этого зала. Они охраняли также черную, обитую металлом дверь и возвышение, на котором стоял стол императора. Офицеры отличались от солдат изображенным на их одежде солнцем с человеческим лицом, стоящим на двух морских коньках, нарисованных на кирасах. Один из них подошел к принцессе и поклонился. Ресницы ее затрепетали. Это был Гальдар. Дора повернулась к отцу, целовавшему плечо наложницы.

— Отец!

— Оставь меня!

— Отец...

— Ну что тебе? Я слушаю.

— Доримас умер.

— Что ты сказала? Ты пьяна!

— Доримас умер.

Черные зрачки императора расширились. Щеки и лоб побледнели. Рот скривила гримаса боли. Нод зашатался, как от удара.

— Доримас умер!.. Значит, он не ломал комедию... Когда?

— Мне только что сообщили.

— Никому ни слова. Иди за мной.

Он оттолкнул наложницу, поднялся, вмиг протрезвев, и потребовал тишины:

— Дорогие гости и друзья... продолжайте веселиться без вашего императора... Срочные... государственные дела... Ничего серьезного, не беспокойтесь... (голос его окреп, зазвенел). Во всяком случае, никаких изменений на завтра! Будьте вовремя на своих кораблях!

Он удалился, покачиваясь и опираясь на плечо Доры. По дороге споткнулся о канделябр и выругался. Охранники следовали, как истуканы, на почтительном расстоянии. Впереди солдат шел Гальдар.

— Этот коридор, — бормотал Нод... — Бесконечный коридор!.. Сними этот жемчуг! Он дрожит... У меня устали глаза... Эй, вы! Потушите факелы на улицах! Это от воды... Водный путь...

Хмель то покидал его, то опять возвращался, как волны, прибоя. Дора устала. Этот грузный, тяжело дышавший и потеющий человек, навалившийся на ее плечо, вызывал у нее отвращение, Страх заползал в ее душу, а кроме того, она не выносила вида мертвых.

— Жребий брошен, — продолжал бормотать Нод. — Да! Моя дорогая, игра сделана! Сама судьба выбрала из вас двоих. Его смерть прояснила многое.

— Отец!

— Отныне ты единственная наследница.

— Пожалей меня!

— Когда говорят правду, это всегда больно.

Он остановился, покачиваясь и вцепившись в тунику Доры.

— Ты мне делаешь больно!

Из-под перьев на шлемах за ними наблюдали тридцать пар глаз.

— Посмотри на этих ворон! Цапли на службе!

— Поспешим.

— Но ведь это... Гальдар... Это он стоит впереди.

— Гальдар!

— Ты знаешь его имя лучше, чем я... А! Ну конечно, это бывший каторжник, галерник, назначенный капитаном... Где была моя голова?

— Отец!

— Он не останется здесь! Нет! Он поступит на разведывательную галеру... Эта роль ему подойдет... Говорят, он смельчак... Сердце мое, я тебя огорчил?

— Вы отдали его мне.

— Я передумал! Это тебя удивляет?

— Я доверяю только ему!

— Это правда, моя хорошая? Ты неосторожна. Впрочем, как хочешь. Но знай — если он предаст, то далеко не уйдет! Я принял меры!

— Как всегда!

— Да, как всегда! Особые и мгновенно действующие меры предосторожности.

— Говори потише.

— Нет! Я хочу, чтобы он меня слышал... и очень хорошо!

Они вошли в комнату Доримаса. Принц лежал на своей любимой узкой солдатской кровати. Казалось, он глубоко уснул.

— Он умер, покинутый всеми! — простонал Нод.

Ош вышел из тени:

— Нет, господин, я был с ним. Он меня позвал потому, что не было Гальдара. Я был с ним до конца, пока он не ушел в свой последний поход.

— Император тебя отблагодарит. А где врачи?

— Они ушли еще утром.

— Пусть их найдут! И бросят к гадюкам!

— Господин, они ничего не могли сделать. Принц был безнадежен.

— К змеям! А теперь оставь нас и закрой дверь.

Он опустился на скамью, долго смотрел на лицо сына, высушенное болезнью, на тщедушное тело и тонкие, без мускулов, руки. И он повторял, как будто хотел себя убедить: «Это мертвое тело — мой сын... Это мертвое тело — Доримас... Доримас, мое несчастное дитя...» Капли дрожали в углах его глаз: может, пот стекавший со лба, может, алкоголь, проступивший сквозь поры, а, может, действительно слеза. Из груди вырывалось тяжелое, хриплое дыхание. Вдруг он резко поднялся и сказал Доре, рыдавшей на коленях перед кроватью:

— Прекрати! Этот горький конец лучше той судьбы, которую он себе готовил.

— Отец!

— Если бы он не умер, он бы предал нас. Оставил бы я его в Посейдонисе или отправил бы во главе флота к пеласгам, он бы все равно стал предателем... Мы расстались со словами, которые не прощают...

— Вы его убили.

— Только ударил! За то, что он мне сказал!

— Вы его убили.

— Он меня довел до этого. Прекрати плакать, говорю я тебе! И слушай! Было бы неразумно откладывать начало похода из-за его похорон. Оставь его смерть в тайне. Ты объявишь о ней через несколько недель, когда поступят сообщения о наших первых победах. Похороны должны быть пристойными, но не более того. Пусть покоится в императорском некрополе, хотя он нас и отверг. Но мир праху его, да и народ не надо волновать. Главное, чтобы твой Гальдар и его приятель не проболтались. После моего отъезда можешь огласить все сообщения о состоянии его здоровья, одно другого тревожнее, чтобы не вызвать подозрения. Детали я полностью доверяю тебе.

Тут Нод решил сделать отеческий жест и поцеловал сына в лоб, но могильный холод, исходящий от кожи юноши, заставил его отшатнуться. Этот человек любил только жизнь.

— Бедный ребенок, — сказал он, — там ты будешь счастливее, чем на этой земле.

И добавил:

— Если вообще где-нибудь есть счастье...

В Посейдонисе пропели петухи. С восходом солнца со скрипом открылись ворота всех трех поясов крепостных стен. С поднятыми флагами боевые корабли начали движение по внутренним каналам. Один за одним они выходили из гавани и выстраивались на рейде. На набережных уже собралась возбужденная, праздничная толпа. Сидя на плечах отцов, дети хлопали в ладоши от восторга, глядя на золоченые носовые скульптуры, блестящие щиты, синхронно поднимающиеся и опускающиеся ряды весел военных галер. В толпе спорили о национальной принадлежности кораблей. Сравнивали их конструкции, маневренность, боевые возможности. Но когда появились эскадры атлантов, возбуждение достигло предела.

— Друзья, какая мощь! Какая сила!

— А какая легкость! Морская гончая!

— И с крепкими зубами!

— Фореносу с его плавающими корытами хватит одного укуса!

— Они плавают и ждут, когда их потопят!

— Смотрите! Вот они! Это элитная эскадра! Самого бога-императора!..

— Чудо из чудес!

— Она охраняет его галеру во время боя.

Толпа рукоплескала экипажам, солдатам, выстроившимся на палубе, офицерам, собравшимся около мачт, рулевым на корме. Никто не выразил сочувствия гребцам, головы которых, едва видные из-за кромки борта, равномерно поднимались и опускались в такт движениям весел. Они были только частью боевой мощи флота Атлантиды, преступники, каторжники, дешевый товар, ничто!

Поднимающееся солнце освещало великолепные корабли, готовые к походу.

— Какая слава их ждет!

— А какие богатства! Флот вернется с грузом сокровищ. Все, что проклятые пеласги украли у нас за несколько веков.

— К счастью, у нас есть Нод!

Бродячие артисты разыгрывали сцены отчаяния царя Фореноса при виде своего разбитого флота, поверженных армий, солдат, захваченных авангардом атлантов. Торговцы продавали булочки с копченостями, хрустящее печенье и охлажденные напитки. Они прервали свою торговлю, только когда за кораблями адмиралов показалась галера императора, статуи, защитные щиты и перила которой были сделаны из чистого золота. На кормовой надстройке, под парчовым навесом сидел сам бог-император в короне и с трезубцем Посейдона в руке. Первые ряды зрителей, возможно, по приказу полицейских агентов, бросились на колени с криками: «Слава тебе, всемогущий повелитель островов, владыка мира!» За ними все остальные, включая торговцев и карманных воришек.

Корабль императора под гром приветствий прошел по каналам и спустился к морю. Рейд, обычно казавшийся огромным, словно сжался, заполненный кораблями, собранными в эскадры и флотилии. Когда флагманский корабль достиг открытого моря, на его мачте блеснул три раза голубой огонь. Свидетели этого незабываемого зрелища увидели, как четыреста парусов одновременно взмыли на мачтах, наполнились ветром, и эскадры легко легли на свой курс. За боевыми кораблями потянулись и вспомогательные суда, на которых разместились войска резерва, лошади, колесницы и осадные машины.

— Теперь, — сказал кто-то, — в Посейдонисе не осталось ни одного корабля.

И это были единственные разумные слова за все утро.

В полдень, как и было намечено, рейд оказался совершенно пустым. Набережные обезлюдели. Толпа исчезла. Только рабы продолжали носить ящики с фруктами, брусья или тюки с тканями в портовые склады. Зловещая тишина опустилась на город.

— Именно с этого момента события приняли странный поворот, — сказал Ош, — вынужден признаться, я перестал что-либо понимать, хотя до сих пор все мне было ясно.

— Тебе так казалось!

— Все становится противоречивым, нелогичным. Император тебя опасается, но позволяет стать любовником своей дочери. Более того, он назначает тебя капитаном дворцовой стражи. Допустим, это могло быть мимолетной милостью в момент эйфории, но ведь он слишком осмотрителен для того, чтобы не взять тебя в поход, а он оставляет тебя в Посейдонисе, во дворце!

— Если бы он был такой осмотрительный, то не покидал бы Посейдонис в погоне за военной удачей. Если империя шатается, не время гоняться за славой, оставляя править страной женщину, к тому же влюбленную в бывшего врага. Но именно потому, что все это расходится со здравым смыслом, мне это кажется логичным и очень ясным.

— Почему?

— Совершенно очевидно, что в последние недели император охвачен каким-то безумием, правда, временами сознание его проясняется. И не удивительно, что эта политика без веры и совести принесла столько бед его народу, его семье и ему самому.

— То же самое говорил и принц Доримас.

— Он убил принца в приступе ярости. Подчас эта ярость превращается в кровожадность. Она пожирает его мозг. Она растет в нем, как опухоль, пока не становится невыносимой. Тогда она взрывается преступлениями: подземельями, ядами, змеями, всеми пытками и мучениями, которые может выдумать его больное воображение. Как будто разгневанные боги нарочно позволяют ему совершать все эти преступления, пресыщаться ими, чтобы тем справедливее было последующее наказание.

— Какое наказание, Гальдар? Чего ему бояться?

— И это говоришь ты?

— Да, я. Выслушай меня и не сердись. Хотя мы едва не погибли, я приветствовал это восстание, во мне жила надежда. Когда я увидел, как разлагается Атлантида, узнал этот город, где кумовство, мздоимство, беззаконие, крайняя жестокость стали обычными явлениями, я подумал, что возмездие не заставит себя ждать. Эта бесстыдная роскошь, эта военная мощь не уменьшили мою надежду, напротив, они питали ее. Я говорил себе, что в этом горьком мире существует некая высшая справедливость, что это буйство богатства и удовольствий обернется упадком. Но после того как увидел с этой террасы отправление флота, я, к своему прискорбию, понял, что ошибся.

— Почему?

— Дорогой Гальдар, я был военачальником и моряком. Уверяю тебя: никто не сможет победить подобную силу. Нод непобедим. Его победа не вызывает у меня ни малейшего сомнения.

— Мне кажется, тот чудесный дар, которым ты раньше владел, уменьшился.

— Он появился у меня, когда я страдал! Не смейся, прошу. Здесь, друг мой, комфорт и сама атмосфера развращают меня. Я запутался в своих собственных мыслях. Не знаю, за какую ухватиться... Но ты, Гальдар, что с тобой стало? Где наши планы?

— Они дремлют, я тебе уже об этом говорил.

— Ты удовлетворился ролью второстепенного офицера, слуги в перьях! Ходить за принцессой! Показывать ей оружие! Вот твоя судьба! Мне горько видеть тебя так низко павшим.

— Но ведь ничего нельзя предпринять!

— Иногда я утешаю себя, думая, что ты ведешь свою игру, что втайне от всех следуешь великой идее, преодолеваешь одно за другим препятствия на пути к конечному триумфу.

— Мне не надо утешать себя ничем и никем, даже недостижимой идеей.

— Неужели ты счастлив? Ты купаешься в удовольствиях? Каждую ночь ты теряешь частицу себя. Скоро ты станешь только телом, распираемым желаниями.

— Нод не единственный, кто сходит с ума.

— Пойми же, я страдаю!.. Оттого, что не могу восхищаться тобой, как прежде! После того, как я увидел смерть несчастного принца, я спрашиваю себя: а не был ли он более велик, чем ты? Не его ли я хотел бы видеть своим сыном? Ты этого от меня хотел?

— Нет, конечно. Я иногда сам себя не узнаю. Я чувствую, что моя душа отделяется от меня. Я делаю какие-то жесты, произношу какие-то слова, но без усилий, как в пустоте. И эта пустота меня не пугает. Может, это воля богов? Может, они хотят, чтобы я стал совершенно безвольным? Я не знаю. Я — как водоросль, которую волна оторвала от скалы и тащит по течению.

— И я, Гальдар, я тоже сейчас не знаю, есть ли на тебе печать божья, как я раньше считал, или ты принадлежишь безликой толпе? Но я не могу уйти от тебя, отказаться от твоей дружбы. Эта иссушающая атмосфера губит нас! Наши глаза слепнут и уши гложут...

Ты что, жалеешь о галерной скамье? Там мы хотя бы были самими собой.

В конце каждого дня Гальдар приходил к Доре. Он приходил секретным коридором, специально построенным по приказу верховного жреца. Дора его ждала в белой комнате, сбросив свои пышные царские одежды. Днем она неукоснительно выполняла свои обязанности: давала аудиенции и обеды союзным государям или их послам, подписывала послания и императорские указы. Вечером вела себя, как счастливая жена, нежная и радостно возбужденная, встречающая своего мужа и хозяина. Она говорила и говорила без умолку обо всех мельчайших событиях. О беседах, которые она вела, о решениях, которые приняла, о сомнениях, которые испытывала, о нерешенных проблемах, словом, обо всех веселых или печальных происшествиях, случившихся за день. Гальдар слушал ее рассеянno.

— Тебе скучно? — говорила она. — Странно, что такой человек, как ты, не интересуется государственными делами! Может быть, ты не хочешь себя скомпрометировать? Но дел так много, и они так велики — дела мировой империи! Любимый мой, где ты? Я хотела бы знать твое мнение...

Но он только обнимал ее, носил на руках, укачивал, нашептывал слова, которым любовь учит своих избранников. И каждый раз суровая, гордая коронованная правительница, словно воск на солнце, отдавалась ему душой и телом с пылом, который он умело и тонко в ней пробуждал.

Часто по ночам она внезапно просыпалась. Ее обступали беспокойные, тревожные мысли: о флоте, от которого не было вестей, о войне, исход которой был неясен, о комете, о которой астрономы докладывали, что она неудержимо приближается. У нее перед глазами вновь появлялось мертвое тело принца Доримаса, о смерти которого еще не было объявлено. Она размышляла и о мерах предосторожности, предпринятых императором против Гальдара.

И тогда она брала Гальдара за руку. Гладила его грудь и говорила про себя: «Нет, нет, отец, ты не отнимешь его у меня. Ты его не убьешь! Я сумею избежать твоих ловушек. Ты считаешь, что и издалека сможешь достать его. Но я около Гальдара, берегу его. Зверь! Коварный и жестокий зверь! Ты убил своего больного сына, а меня ты любишь потому, что считаешь такой же испорченной, как и ты сам. Ошибаешься! У меня есть этот человек. Он — моя чистота, мое прощение... Дорогой мне человек, я не хочу, чтобы он умер. Не хочу!»

Когда Дора открыла свои опасения Эноху, тот сказал:

— Император принял меры предосторожности не только против Гальдара, благородная принцесса. По моим сведениям, накануне отъезда он передал начальнику стражи подробные инструкции в нескольких запечатанных пакетах. К сожалению, несмотря на щедрые подношения, писари его личной канцелярии отказались сообщить мне их содержание. Можно предположить, что документы способны помешать нам осуществлять наши планы и даже быть опасными в сложившихся обстоятельствах.

— Что же ты предлагаешь?

— Как правительница ты могла бы, наверное, заставить генерала — а он из молодых,

да ранних, я знал его еще простым солдатом! — отдать их тебе. Но, возможно, император предусмотрел и этот случай. Мое мнение — мы должны действовать осторожно.

— Я тоже так думаю.

— Дашь ли ты мне разрешение осуществить наш план?

На следующий день произошел «несчастный» случай. Когда генерал, который был фанатиком порядка, проверял посты, один молодой стражник в служебном рвении проткнул его копьем якобы потому, что не услышал пароль достаточно быстро. Этим «новобранцем» был один из людей Эноха. Комната генерала немедленно была обыскана, и в ней найдены три пакета, скрепленные печатью Нода.

На первом было написано: «Открыть, если исчезнет принцесса». Он содержал приказ: «Предать Гальдара смерти тайно и как можно быстрее. Передать правление страной верховному жрецу».

Второй, с надписью «Открыть, если будет объявлено о моей смерти», предписывал: «Предать Гальдара смерти, прежде чем принцесса предпримет что-нибудь для его спасения, чтобы он не разделил с ней власть».

И третий, на котором было написано «Открыть, если моя смерть будет несомненной», содержал приказ: «Кроме Гальдара, предать смерти старого Эноха, чтобы он меня не пережил. Но с ним не спешите, пусть помучается!»

Все три пакета были сожжены, а чтобы объяснить их исчезновение, была инсценирована обычная кража, за что были жестоко наказаны многие рабы.

У старого Эноха имелись и другие причины для беспокойства. Он получал каждый день сообщения от астрономов. Их донесения и предположения становились все более тревожными. Страшные предсказания начали сбываться. Комета явно направлялась к Земле. По самым оптимистическим прогнозам, она могла бы задеть Луну. Но и тогда природные катаклизмы были бы столь велики, что невозможно предугадать их последствия. Ученые предлагали собрать флот, способный эвакуировать всех жителей Посейдониса. Кроме того, они настаивали на проведении всенародных молебнов, чтобы смягчить гнев богов.

Энох считал своим долгом предупредить принцессу, но смягчил сообщение доброй порцией иронии. Он, великий жрец империи, не мог всерьез принимать такие умопомрачительные прогнозы! Из-за чего боги могли бы так разгневаться? Разве что из-за загадочной смерти принца, но и та отвечала интересам государства. А Посейдонис за своими тремя поясами металлических укреплений разве не способен выдержать удары моря?

Мало того, нет никаких доказательств, что эти так называемые ученые не были подкуплены врагами императора. Чувствуя свой конец, они не остановятся ни перед какими жертвами, чтобы устроить диверсию, поднять волнения в народе. Коварство пеласгов давало свои ядовитые плоды в былые времена. Следовательно, не следует ли запретить этим ученым ослам орать во всю глотку? Одно из двух: или эта комета существует, тогда нет никакого смысла раньше времени тревожить народ, или это политические происки, военная хитрость врагов, и ее надо задавить в зародыше.

— Можно верить в эту комету? — спросила Дора Гальдара. — Что ты об этом думаешь?

Гальдар постарался ее успокоить. Он сделал это спокойно и даже с напускным равнодушием, хотя в действительности холодный страх просочился и в его душу.

В ту же ночь он, который всегда спал безмятежно, как дерево зимой, увидел сон. Девушка, появившаяся из прибоя, пела песню, смысл которой медленно доходил до него:

«Наступает ночь, и остров в море, его дворцы, влюбленные, герои и гордецы, радости и печали — надежда! Сама надежда! — скроются под холодной водой, окажутся в царстве медуз и водорослей, среди пустых раковин...»

Он вновь увидел красные холодные руки, впалые щеки, взгляд печальных глаз! Эта песня, возникшая во сне, вызвала видение, которое внезапно появилось в темной части его сознания и там закрепилось. Он проснулся в холодном поту, ища Дору. Она, так же как и он, несмотря на расстояние, разделявшее их, испытала то же чувство: ей страстно хотелось

убедиться, что ее любимый жив. Так два противника при кораблекрушении хватаются вместе за одну доску, помогая друг другу. И, быть может, этим спасением для них была безнадежная любовь, которой угрожала опасность. Рано или поздно император вернется в Посейдонис. Тогда для продолжения династии Доре будет найден супруг, а если она будет еще любить Гальдара, от него просто избавятся...

Вокруг дворца жизнь продолжала свой неизменный круговорот. В один и тот же час разноплеменная толпа заполняла улицы и набережные. Всюду гремела музыка и звенел смех. Мальчишки-разносчики сновали со своими лотками. Бродячие артисты показывали сцены о страданиях поверженных врагов. У торговцев появился новый прибыльный товар: они продавали подзорные трубы для наблюдения за кометой. Некоторые замечали у нее хвост, как у скачущего галопом коня. Другим она представлялась змеей. Повсюду возникали жаркие споры. Никто, несмотря на пессимистические прогнозы, не верил в серьезность угрозы. Все заранее предчувствовали, какое получат удовольствие от небывалого зрелища, когда комета столкнется с Луной, и желали только одного: чтобы в тот момент небо было чистое, а Луна ясная и полная.

Поэты и сочинители песен использовали сюжеты с кометой в своих произведениях. Они приветствовали гостью из космоса, несущую с неба дружеское послание жителям Атлантиды. Они вспоминали миф, по которому их предки сами прибыли на Землю на летающих кораблях, изображения которых сохранились на фронтонах самых древних зданий. Ювелиры изготавливали украшения в виде маленьких комет из бирюзы и бриллиантов. Среди модниц туника в виде кометы произвела фурор! Парикмахеры тоже не отставали. Короче, комета была в моде. Сумасшедшие утверждали, что она была населена людьми с двумя головами, прозрачными телами и руками, похожими на клещи. Приверженцев мистики, правда, было немного, но почти все старики замечали над морем какие-то странные шары. Они говорили: «История повторяется! Новая раса появится среди нас. Время пришло! Молодежь уже никого и ничто не уважает». Кое-кто принялся молиться, но подальше от людских глаз. Энох решил не начинать публичных искупительных молебнов, о которых просили ученые. Их настойчивость казалась ему то нелепой, то наводила на мысль о предательстве. Увеселительные дома, таверны были, как обычно, переполнены. Девушки там по-прежнему исполняли свои эротические танцы, а на аренах, усыпанных цветами, бойцы лишали жизни друг друга.

Население Посейдониса в основном оставалось на месте. Армия состояла почти полностью из наемников, искателей приключений из колоний, с соседних островов или из самых бедных кварталов города. Старинный закон Атлантиды, по которому каждый квартал должен был поставить в армию отряд кавалерии, колесницы и пехотинцев, давно устарел. Горожане оплачивали золотом стоимость солдат и необходимого снаряжения. Только самые бедные районы не могли откупиться. За золото в Атлантиде можно было купить все: доблесть и благородство, опасности и саму смерть. Были и добровольцы, те, кого капризы закона о наследовании сделали солдатами, или те, кто решил на военном поприще разбогатеть. Были и профессиональные солдаты, кожа которых задубела на всех ветрах, обгорела на солнце и покрылась боевыми шрамами, которыми они гордились. Для них война казалась единственным стоящим занятием. С первыми звуками трубы они взяли оружие и собрали ранцы. Что касается офицеров, сопровождавших Нода в походе, это была их служба, им не на что было жаловаться.

В редком доме сожалели об отсутствующих. Немногие женщины испытывали чувство беспокойства и тоску ожидания. Молодежь продолжала бродить плотными толпами по улицам и площадям. И каждый вечер Желание — тайный бог Посейдона — овладевало огромным городом.

Текли беззаботные дни. О войне говорили намного меньше, чем о «космической страннице», настолько неизбежной казалась беда. Только судовладельцы жалели о своих кораблях, реквизированных императором и отправившихся с ним в поход.

— Но, — рассуждали они цинично, — некоторая задержка в делах будет компенсирована в результате новых завоеваний. Мы получим прибыль от продажи награбленного добра, не говоря уж о дани и контрибуциях, наложенных на побежденные народы.

Однако ветер по вечерам стал свежеть. Лето кончалось. Приближалось время Равноденствия с его тучами, дождями и штормами.

9

Три дня и три ночи, не переставая ни на час, свирепствовал ураган необыкновенной силы. Волны были столь высоки и имели такой напор, что сломали решетку ворот порта и так повредили одну из сторожевых башен, что ее обитателей пришлось спешно эвакуировать. За этот отрезок времени ни солнце, ни звезды, ни таинственная комета не были видны. Ученые, тревога которых достигла крайней степени, начали в последний раз свои вычисления. Они отправили делегацию к Эноху, а затем к принцессе, взывая с дрожью в голосе о необходимости начать немедленно всенародные молебны и церемонии, проводимые обычно перед лицом больших несчастий. Черные тучи, похожие на панически бегущую армию или на потерявшие мачты корабли, проносились над городом, гонимые ледяным воющим ветром. Они разбивались, наткнувшись на вершины гор, и их осколки разлетались по всему горизонту. Внезапные ливни сменялись градом, более твердым, чем зерна пшеницы. Правитель Верхних Земель сообщал, что из кратеров тысячи лет спавших вулканов вырываются столбы дыма, что вокруг столицы забили гейзеры кипящей воды.

Правитель Южных Земель докладывал, что в море появился новый остров, рифы скрылись под водой и в прибрежных скалах возникли медленно увеличивающиеся трещины. Посол Атлантиды при дворе царя Материка сообщал, что уровень моря понемногу опускается, новый строящийся порт оказался без воды, а дома и монументы качаются от подземных толчков. Он отмечал также, что вулканы извергаются, непрерывно выбрасывая столбы дыма, раскаленные камни и фонтаны кипящей воды.

На четвертый день беспокойное море, хотя ветер и стих, начало выбрасывать на берег обломки кораблей. Жители побережья вытаскивали их на песок и сообщали об этом береговой службе, командир которой составлял рапорт. То были куски мачт, обшивки, фрагменты скульптур и носовых фигур свежепозолоченных и хорошо знакомых. Так стало известно, что галера первого адмирала, самая лучшая на флоте после галеры Нода, потерпела крушение. Затем часовыми были замечены корабли, получившие тяжелые разрушения, некоторые шли, накренившись. Дора, применяя правило своего отца, приказала быстро их вытащить, чтобы спрятать от любопытных глаз. Экипажи доставили во дворец, им было запрещено его покидать. Дора сама осмотрела корабли и расспросила моряков. Волны разбили палубы, снесли кормовые надстройки, сломали и унесли весла, многие гребцы утонули или были смыты за борт.

— Но основная часть флота не пострадала? Император продолжает свой путь? — допытывалась Дора.

— Мы не знаем, благородная принцесса. Мы видели, как погибали многие из наших. Иногда волны бросали наши корабли один на другой, и разбитые корпуса уходили на дно. Многие накренились под напором ветра, зачерпывали воду бортами и шли на дно раньше, чем успевали начать ее откачивать. Что же до грузовых кораблей, то их крутило с порванными парусами, и, лишенные управления, они пропадали десятками!

— За сорок лет в море я видел штормы, — сказал капитан, — но никогда не встречал урагана такой силы! Обычно, по знакам на небе или когда чайки начинают низко летать и испускать протяжные крики, мы узнавали о приближении урагана и успевали подготовиться. Но в этот раз он на нас свалился внезапно, посередине ночи. Море дымилось. Молнии сверкали везде. Вот так все и произошло, благородная принцесса...

Прошло еще два дня. Посты наблюдателей были удвоены. На восток отправили несколько кораблей на разведку и, если удастся, для оказания помощи терпящим бедствие. Волны продолжали выбрасывать на берег обломки. Встревоженные судовладельцы направили к принцессе делегацию, чтобы узнать о положении дел. Дора попыталась их успокоить, но им не нужно было быть слишком проникательными, чтобы в кажущемся оптимизме принцессы не разглядеть ее крайнюю обеспокоенность.

Наконец появилась одна неповрежденная галера. Ее спешно отвели к подземному арсеналу. Дора прервала прием, чтобы встретить капитана. Он передал письмо от Нода:

«Боги, которые были до сих пор к нам благосклонны, навлекли на нас тяжелейший ураган, который застал врасплох наши эскадры в момент, когда они перестраивались в ночной порядок. Шквальный ветер, огромные волны и пожары от ударов молний причинили нам урон, сравнимый с потерями в крупном сражении: пятьдесят боевых галер можно считать погибшими или негодными к дальнейшему походу, исчезли сто грузовых кораблей. Но это не помешает мне продолжить выполнение намеченных планов! Как только погода улучшится, после необходимого ремонта эскадры снова лягут на курс к Ливийскому проливу. Пусть боги, удовлетворив свою жажду крови, избавят нас в дальнейшем от своего несвоевременного гнева! Я прошу тебя обратить особое внимание на то, чтобы работы на строящихся галерах были ускорены. Пообещай двойное вознаграждение корабелям и не скупись на вино. Напиши правителям, чтобы они поторопились с набором рекрутов и успокой народ. Сообщи всем, что ураган не причинил нам серьезных потерь благодаря мастерству наших капитанов и кормчих».

И своей рукой он приписал:

«Наши старые капитаны приписывают комете вину за ураган. Они предполагают, что это предвестник более серьезных катастроф, и говорят чуть ли не о конце света. Самые невероятные слухи переходят с одного борта на другой. Надо немедленно их пресечь! В своем ответном послании, которое ты передашь с капитаном, отправленном мною, проясни это. Наши ученые должны объяснить тебе все очень подробно и обстоятельно, но постарайся отделить истину от их фантазий. Говорят, что накануне этой несчастной ночи видели огненные корабли, рассыпающие искры. Подобные вымыслы вместе со слухами о конце света деморализуют боевой дух армии. Твой ответ должен позволить мне восстановить положение. Дело крайней срочности. Однако не волнуйся о своем императоре и его спутниках. Большие дела встречаются на своем пути непредвиденные препятствия, как если бы сама природа пыталась помешать великим людям в их деяниях. Но она, природа, забывает, что испытания только закаляют их и придают им силы. Не беспокойся: Форенос может считать дни до своей смерти».

Дора вызвала Гальдара и показала ему послание, сказав:

- Ты один можешь дать мне совет.
- А великий жрец?
- Если бы на моем месте был отец, он бы обошелся без него.
- Не у меня ли он попросил бы совета?
- Сейчас не до шуток.

Гальдар медленно дважды перечитал письмо. Затем сказал:

— Зачем ему мешать? Если ты напишешь, что земля повсюду покрывается трещинами и из нее бьют фонтаны кипящей воды, что просыпаются вулканы, он вернется в Посейдонис. Но сможет ли он что-нибудь изменить?..

Его устами говорил тот, другой, незнакомец, сидевший внутри него, вдохновляя его или помыкая им, который, как думал Гальдар, покинул его уже несколько недель назад:

— ...Пусть занимается своими делами. Напиши ему только, что происходят не совсем обычные вещи, но не выходящие за рамки природных явлений.

— Но это неправда!

— Из-за того что из моря появился новый остров или из какого-то порта ушла вода, ты помещаешь ему исполнить его мечту?

— Я боюсь тебя, его, всего!

— Чему быть, того не миновать! Эта надпись была выбита над моей дверью еще тогда, когда у меня был свой дом.

— Оставь свои обиды!

— Я тебе сказал, что думал. Тебе решать.

— Увы!

— Правитель не имеет права на жалобы и колебания. Сегодня вечером ты сможешь поплакаться.

— Почему сегодня вечером?

— Потому что опять станешь женщиной.

Наступило затишье, временная передышка. Деревья потеряли свои листья, а умные люди — последние иллюзии. Но сколько их было? Можно пересчитать на пальцах одной руки! Ясной ночью комета стала видна невооруженным глазом. Хотя она мало выросла в размерах. Казалось, она неподвижно висит на небе. Ученые молчали. Может быть, они отказались от попыток убедить власти, а скорее, посчитали невозможным предпринять какие-нибудь меры. Торговля подозрными трубами пошла на убыль. Толпа увлеклась гладиатором, который каждый вечер в рекордное время расправлялся со своими противниками, будь то ливийский каннибал или хищный зверь. Сообщение о смерти принца Доримаса, задержанное по распоряжению императора, вызвало незначительные пересуды. Церемония погребения прошла почти незамеченной, правда, и провели ее почти тайно. Присутствовавший на ней Ош заявил:

— Это неважно! Он только теперь начнет действовать. Герои продолжают свою службу в другом мире. Они становятся грозными, только перешагнув порог своей земной славы.

Никто не принял эти слова всерьез. Кто-то даже хихикнул. Только Дора не смогла сдержаться и разрыдалась. Энох и придворные отнесли это проявление слабости на счет усталости и скорбной церемонии. Жрецы, бормоча молитвы, погасили одну за другой высокие восковые свечи, и рабы замуровали склеп.

В последующие дни Дора получала от правителей земель и колоний все более тревожные сообщения. Уровень моря в одних местах опускался, в других — поднимался, просыпались новые вулканы, в небе появлялись необъяснимые знаки, поднимая панику среди населения.

Только недоверчивый Посейдонис не поддавался тревоге. Он горел всеми своими огнями, вибрировал от музыки, купался в роскоши, устраивал оргии и полночные празднества. Но и по этому городу ползли слухи, что весталки Великого Храма предсказали смерть бога-императора в наказание за его преступления и его святотатство, а также приближение страшной катастрофы. Потом они отказались от своих пророчеств, публично признались в их лживости и опасном характере. Лишь самые проницательные наблюдатели заметили здесь следы вмешательства Эноха. Однако под покровом тайны, насколько это было возможно, самые богатые горожане покупали корабли и готовились к бегству.

Вторая быстроходная галера пришла с посланием от императора:

«Нод своей дочери, с приветом и любовью!

Едва мы прошли пролив, отделяющий Иберию от Ливии, как встретили вражеский флот, вероятно, вышедший нам навстречу. Мы легко его разбили. Мы потеряли в бою лишь тридцать боевых единиц, но их тендеры сожгли около ста наших грузовых кораблей.

Продолжая путь, мы подвергались атакам, в основном по ночам, небольших пиратских групп. Дойдя до вражеского берега, мы начали высадку десанта, военные корабли охраняли с моря гражданские суда. Как мы ни торопились, ночь опустилась еще до окончания операции. И тогда противник снова применил тактику, использованную им против несчастного Доримаса. Форенос и его союзники во главе огромного флота окружили нас со всех сторон. Мы мужественно сражались, и твой отец сам подвергался огромной опасности. Наконец благодаря нашей храбрости нам удалось прорвать в одном месте кольцо огня и металла и вырваться на простор. Дочь моя, к рассвету у меня осталось только около сотни галер, из которых четверть была повреждена. Я оказался отрезанным от Моей наземной армии, которая, я надеюсь, успела закончить высадку. Не будем отчаиваться! Скоро мы будем готовы начать контратаку, чтобы соединиться с нашей кавалерией и пехотой. Форенос будет есть песок уже сегодня вечером или в ближайшие дни.

Сообщи народу, что в результате большого сражения, где мы еще раз доказали свое господство на море, наши войска вторглись на территорию врага и приступили к ее захвату. А это так и есть! Но позаботься о том, чтобы эскадра с подкреплениями не задержалась. Я посылаю тебе подробную карту для ее командира. Ты должна понять, моя благородная дочь, что эти корабли нам нужны для того, чтобы отправить в Посейдонис рабов и сокровища, которые попадут к нам в руки».

Это была последняя весточка, которую Дора получила от него. Никто никогда не узнает, что с ним случилось, где и когда он умер. Дрожащей рукой она протянула Гальдару это свидетельство гордыни и безумия своего отца. Прочитав, он сказал:

— Не посылай корабли, они нам теперь нужнее, чем ему.

10

Только когда Луна внезапно потеряла свой блеск и, потускнев, превратилась в грязно-серый диск, ужас заполнил души и сердца жителей Посейдониса.

Ночное небо было усыпано звездами. На нем не было ни малейшего облачка, которым можно было бы объяснить перемену, происшедшую со спутницей Земли. Мирная картина звездного, чистого неба странно контрастировала с разбушевавшимся морем. Хотя время штормов периода Равноденствия уже прошло, приливы сохранили свою максимальную амплитуду и даже, казалось, увеличили ее. Временами — иногда около берегов, иногда в открытом море — внезапно вставала стена воды. Она обрушивалась на береговые укрепления Посейдониса, сторожевые башни, заливала рейд. Хотя и потускневшая, Луна была видна. Бледное сияние отделяло ее от мрака: ночи. Маленькая, мертвая планета, она летела в пространстве среди звезд, ставших, казалось, ближе, и самые крупные из них украсились огненным венчиком. «Гостья из космоса» медленно и неумолимо чертила свой след. Сначала это был раскаленный уголек. Теперь она была похожа на пылающее яйцо и тащила за собой длинный хвост оранжевого цвета с голубой оболочкой. От ночи к ночи ее скорость все увеличивалась, а ее все более сияющая голова как бы искала в темноте Землю. Некоторые говорили, что Высшее Существо направляет ее движение. Страх, который она вызывала, еще не охватил всех. Многие ее бранили, однако речь людей была неуверенной и голоса заметно дрожали. Только сильные духом и те, кого порок поразили уже глубоко, осмеливались шутить. Но глупости, которыми они обменивались, и бездумный смех обнаруживали, что и в них сидел страх:

— С концом света вас, друзья! Если ты встретишь комету, поцелуй ее за меня!

Много было таких, кто, чтобы забыть о страхе, наполнявшем каждую пору их тела, бросался в безудержные удовольствия. Пьяницы напивались до того, что переставали отличать день от ночи. Игральные дома и таверны не пустели. Люди надевали самые дорогие

наряды и самые лучшие драгоценности, чтобы успеть ими попользоваться, боясь «проснуться мертвыми», если комета упадет на город. Воры собирали богатый урожай и мечтали купить себе какой-нибудь почтенный пост, чтобы войти в число уважаемых горожан. Страсти человеческие перешли все границы, особенно любовь.

Когда на площадях некоторые предсказатели-любители, взобравшись на ящики или камни, попытались обратиться к прохожим, они были немедленно арестованы и брошены в имперскую тюрьму. Во дворце продолжали распространять оптимистические сообщения, подписанные принцессой, великим жрецом и главным ученым: о наземных и морских победах Нода, о комете, состоянии моря и тому подобное. Богачи и сановники тайком покидали город и переезжали на загородные виллы, готовясь к худшему.

Стало известно, что самая почитаемая из Дев храма Посейдона покончила жизнь самоубийством. Она бросилась в канал с террасы храма, чтобы своей жертвой усмирить гнев богов.

Солдаты, стоявшие в карауле на сторожевых башнях внешнего пояса укреплений, рассказывали, что слышали горестные человеческие голоса, прорывавшиеся сквозь рев моря.

Один офицер, обходя посты, встретил будто бы призрак принца Доримаса, уже тронутый разложением, и клубки червей свешивались через дыры его голубой туники. Призрак загробным голосом повторял:

— Молитесь! Молитесь! Иначе погибнете! Еще есть время. Молитесь! Молитесь...

Офицер был арестован. Солдаты отправлены на дальние посты в горы. Что касается самой почитаемой из Дев Посейдониса, то она была проклята и ее труп выброшен на дорогу. Энох объявил публично о ее предательстве истинной веры и той божественной миссии, для которой она была предназначена. Остальные Девы были обманом выманены из храма и препровождены в тюрьму. Повсюду была усилена полиция, и власти на местах получили строгий приказ обезвреживать «паникеров и вражеских агентов». Но эти меры были бесполезны. Они не мешали ни комете, ни росту паники в городе.

Главный ученый попросил аудиенции у принцессы, хотя ему было предложено вести себя спокойнее и не надоедать своей бесполезной настойчивостью. Гальдар по собственной инициативе провел его в покои принцессы. Как только он появился, Дора мгновенно стала похожа на своего отца, когда его охватывал гнев.

— Ты что, хочешь умереть? — сказала она, глядя с презрением на старого, сгорбленного человека.

— Выслушай его, — сказал Гальдар, — я тебя прошу. У него сообщение чрезвычайной важности.

— Пусть его арестуют!

— Тогда пусть арестуют и меня!

Ее руки сжались на подлокотниках трона. Глаза сверкали из-под поднятых бровей.

— Я не хочу его слушать!

— Говори! — приказал Гальдар.

— Я скажу, — заговорил старик, — я уже не боюсь смерти. Пусть только мне позволят выбрать яд.

— Нет, — простонала Дора, — довольно смертей, довольно крови!

— Благородная принцесса, траектория кометы оказалась отличной от той, что мы предполагали. Она изменилась. Теперь ясно, что комета заденет нашу планету или даже столкнется с ней...

Глаза Доры наполнились ужасом.

— ...Она достигнет Земли через три дня, в первые часы ночи. Я не могу сказать точнее, поскольку ее скорость также изменяется. В звездном пространстве есть силы, о которых мы не знаем, и, кроме того, действует воля богов.

— Воля богов?

— То, что они совершили, они могут и изменить. Мир — это постоянно строящееся здание, и если населяющие его существа противятся божественной воле...

— Замолчи.

— Я не знаю, что станет с нами. Но наши архивы говорят о том, что море и суша периодически меняются местами.

— Что это значит?

— ...что земля, — ответил Гальдар, — может скрыться под водой, а на месте морей и океанов будут расти деревья, что горы станут безднами, а пропасти коснутся облаков... как в известной тебе песне.

— Я не могу дать тебе совет вывозить людей. Я не знаю, в каком именно месте разразится катастрофа и в какой форме, какая часть Земли останется нетронутой. Но, я тебя уверяю, мы должны рассчитывать на худшее.

— Вывезти всех невозможно. Кроме того, у нас нет для этого достаточного количества кораблей.

— Я тоже так думаю. Однако, благородная принцесса, ты могла бы попробовать спасти лучших. Я хочу сказать, небольшую группу людей — каждый из них блестящий специалист, — способную возродить новое государство, с новой столицей, и обучить тех, кто выживет, наукам и искусствам. Это должны быть жрецы, юристы, военные, но прежде всего инженеры и архитекторы.

— И не забыть твоих ученых?

— Самые молодые и самые способные из нас уже в безопасности. Я сам сообщил им о приближении кометы и отправил из предосторожности в разные концы Земли. Все, что наш народ накопил за много веков, не погибнет, если, конечно, повсюду жизнь на Земле не исчезнет в один момент!

Голос Доры зазвенел:

— Ты сделал это без предварительного разрешения!

— Кто бы мне поверил? Те, кто уехал, отбыли на торговых судах с обычными научными заданиями.

— А почему ты остался?

— Я слишком стар, мой мозг не сможет быть полезен, как раньше. Но ты, благородная принцесса, подумай о своем спасении. Это также цель моего визита.

— Что бы ни случилось, я останусь в Посейдонисе. Мое место здесь и нигде больше. А теперь уходи.

И когда он, хромя, направился к выходу, добавила:

— Я тебя предупреждаю, ты и твои ученые будут находиться под наблюдением.

— Это излишняя предосторожность. Мои ученые говорят только с моего разрешения, кроме того, уже слишком поздно бить тревогу. У нас есть занятие. Мы проводим дни и ночи в обсерватории. Солнце тоже имеет необычный вид.

— Солнце?

— Оно становится красным к полудню, и сумерки длятся слишком долго.

— Не собирается ли и оно изменить свой путь?

Ирония и отчаяние смешивались в этом вопросе.

— Нет, принцесса, этого не может быть. Солнце очень большая звезда. Это пыль и испарения окутывают Землю и придают Солнцу необычный цвет.

— Я думаю, это дельные предложения, сказал Гальдар, — но, к сожалению, ты не сможешь ими воспользоваться.

— Почему?

— Я не знаю, откуда, но придворные все знают. Ты можешь быть уверена — они потребуют быть первыми из спасающихся. Но что они будут делать на новом месте? Без придворных церемоний и интриг на что они способны? От инженеров и архитекторов было бы больше пользы. Отправь их на одном или двух кораблях.

— Ты веришь в катастрофу?

— Да. Ты останешься в Посейдонисе?

— Разве у меня есть выбор? Я должна быть до последнего момента во главе моего

народа. Что бы сделал отец на моем месте?

— Он бы приготовил свой самый крепкий корабль.

— Я понимаю! Ты боишься, ты тоже... Ты свободен, Гальдар. Я разрешаю тебе сесть на корабль вместе с беглецами, независимо от твоей пользы, ты спасаешь свое бесконечно дорогое существо. У них не хватает гребцов: тебе место обеспечено.

— Ты напрасно себя мучаешь.

— Что же мне делать с трусом, если есть реальная опасность? А если ее нет, почему я должна поддаваться общей панике? Это не для меня. В любом случае, я не могу держать возле себя человека, низость которого очевидна... Ты сможешь так жить?

— Может быть.

— Ты такой же, как и другие, даже хуже, чем другие. Они не претендуют на величие, согласны быть теми, кто они на самом деле есть: безвольными, честлюбивыми, слабыми и ищущими наслаждений. А ты, ты скрывал свою низость под личиной героя. Ты прятал пустоту своих мыслей под таинственностью. Ты ничтожество. Убирайся! Оставь меня! Мой отец в критические моменты своего правления всегда оставался один. Он говорил: «Моя сила — в одиночестве». Его слова казались мне непонятными. Сегодня я поняла их горький смысл.

— И где твой отец теперь?

— Его призрака еще никто не видел.

— Ты в это веришь?

— Один Доримас явился в своем рубище... «Молитесь, молитесь!» — а что еще мы можем делать? По приказу Эноха количество религиозных церемоний было удвоено. Публичные моления проходят почти во всех кварталах. Я лично заказала монументальную статую Посейдона, которая будет установлена при входе на рейд. Рука бога будет держать факел, который послужит маяком кораблям. Этого недостаточно? Тогда где наши непростительные прегрешения, в чем они? Ты улыбаешься. Ты даешь пройти грозе. Это похоже на тебя. Пусть тигрица истратит свою ярость, а затем она снова станет нежной и податливой. Но на этот раз ты ошибаешься! Между нами все кончено. Я освободилась от мифа о твоем величии. Я не хочу больше твоих ласк. Ты просто слабый человек, которого несла волна невероятной удачи. И вот ее нет. Остался только ты сам: а это очень мало, меньше, чем ничего.

Она закрыла лицо руками. Гальдар почти грубо схватил ее за руки:

— В тебе гуляет волнение. Ты только женщина, как и твой сиятельный отец, могильщик империи, — только человек. Плачь же. Освободи себя от слез. Они тебя душат. Вернись же к себе! Империя, тонкости дипломатии не играют больше никакой роли. Родилась другая правда. Пойми, если можешь. Ваши молитвы, покаяния, статуи богов — все бесполезно! Они не смягчат гнева богов. Преступление атлантов не имеет прощения.

— Ты безумен!

— Непростительно получить великий дар знаний и не использовать его по назначению. Иметь возможность обеспечить счастье народов и превратить мир в муравейник! Таков Посейдонис, что бы ты ни говорила. Единственная ваша забота — удовлетворять свои материальные потребности. Иметь возможность освободить человечество от нищеты, болезней, обучить и поднять отстающие народы до высот развитых цивилизаций — и вместо этого насыщать тело, что гораздо легче, чем давать пищу разуму и сердцу. Это преступление, достойное всех кар небесных. Мир — вечная заря. Погрузить человека во мрак вечных сумерек, держать его там в эгоизме, презрении, лени души — это преступление. Горе тому, кто не дает подняться человеку! Горе тому, кто убивает братскую любовь, двигатель всей жизни, секрет всяческого сколько-нибудь длительного движения. Ты богатый и могущественный человек, вокруг тебя бесконечный и живой мир. Ты прислушиваешься к звукам собственного желудка, а вне тебя звучит песня будущего...

Кто-то другой говорил голосом Гальдара с силой и убежденностью, нашедший убежище в его теле.

— ...отказаться от своего предназначения, когда ты выбран для его выполнения, значит, приговорить себя. А что делали атланты? Они отказывались в течение нескольких поколений. Теперь чаша переполнилась. Погрязшие в удовольствиях, пресытившиеся золотом и изысканными блюдами, видевшие в своем существовании предел желаний, они зачерствели, они смешали планы Создателя. И не важно, примешь ты или нет подсказанные тебе решения. Знай, что история будет начинаться вновь в другом месте, в другое время, пока человек не найдет любовь, которая царила при рождении звезд, поскольку он и сам есть звезда, хотя и не ведает об этом. Ты только мгновение, Дора, мельчайшее звено в этой бесконечной цепи, но и своя собственная тюрьма. Если Атлантида исчезнет, что останется с точки зрения вечности от принцессы этой погибшей империи? Но в мире останется женщина по имени Дора.

— Твой гуманизм более жесток, чем мой деспотизм.

— Сбрось старую кожу с души, как ты это делаешь с изношенной туникой...

Никогда Дора не любила его так, как в эту ночь. Незадолго до рассвета их разбудил грохот разбушевавшегося моря. Дора прижалась к своему возлюбленному.

— Чего ты боишься? — говорил он, целуя волосы любимой. — Разве мы не вместе?

Она обняла его еще крепче:

— Да, мы вместе! Не покидай меня никогда! Ты мне обещаешь?

Они верили, что их судьбы нерасторжимо связаны. И Дора осмелилась произнести слова, немыслимые в устах дочери императора:

— Катастрофа нарушила все наши дела. В случае, если мой отец не вернется, мы с тобой будем править вместе. Если он вернется, я убегу с тобой, куда захочешь, даже если мы станем самыми бедными среди нищих.

Гальдар поцеловал ее ресницы.

— Оставь богам право принимать решения.

Под сокрушительными ударами ветра стены дворца временами гудели, как гонг.

11

Целый день без отдыха пронзительно завывал ветер. Вздвигив на своем пути море, положив на землю деревья и пронесаясь над полями, он разбивался о горную цепь и издавал дикий вопль, усиленный и размноженный эхом, которому вторили душераздирающие стоны океана.

Это не был ни один из тех сильных осенних ветров периода Равноденствия, ни ледяной бриз, налетавший с севера, ни несущий тучи песка и насекомых, наполненный миазмами ураган с ливийской стороны, обжигающее дыхание которого высушивало листья, заставляло сморщиваться плоды и засыпало источники. Это было все вместе взятое и ни на что не похожее. Он постоянно менял направление, то обрушивался с гор на равнины, то, врываясь со стороны моря, бросался на штурм горных вершин, то закручивался в гигантское, чудовищное колесо, в центре которого светила бледная, тусклая звезда.

Так же непоследовательны были и морские волны. Они не перекатывались, а вздыбливались одна против другой, сталкивались и разбивались с грохотом прорванной плотины или горного водопада. Пена покрывала море. Множество птиц разбилось о стены крепостных укреплений, о купола храмов и крыши домов. Совы нашли укрытие на постах, разбросанных по горным дорогам, переваливаясь, они бродили среди сидевших на земле солдат — на этой высоте никто не мог устоять на ногах.

Сообщения из провинций, привезенные посыльными, использующими систему почтовых станций или переданные с помощью оптических сигналов, собирались на столе у Эноха. Они были почти похожи друг на друга в том, что касалось серьезности положения:

«Правитель южных областей приветствует сиятельную принцессу!
Высокоблагородная мать народов, пусть благословит тебя Посейдон!

Докладываю тебе, что подземные боги зажгли три новых вулкана, извержение которых выгнало из горных деревень их обитателей. Множество островов появляется из океана, чтобы почти тотчас же скрыться под водой. Шторм разрушил портовые сооружения и разбил много кораблей, стоявших у причалов. До сих пор я не могу приступить к восстановлению разрушенного и молюсь только о том, чтобы разбушевавшаяся стихия пощадила наших братьев в других провинциях и тебя, чье благополучие есть самое ценное для всех нас».

От правителя центральных областей:

«Да помогут тебе боги, успокоят и укажут правильный путь твоему праведному сердцу! Все вулканы моей страны, спавшие тысячи лет, проснулись и начали извергаться, заливая лавой горные поселения, покрывая города, в том числе и город твоего покорного слуги, толстым слоем черного отвратительного пепла. В дополнение ко всем нашим несчастьям начались землетрясения. Земля покрывается трещинами под ногами к ужасу спасающихся жителей. В некоторых местах трещины так велики, что в них может провалиться повозка вместе с упряжкой. Потоки ледяной, кипящей или соленой воды заливают поля, парки и сады, бегут прямо по улицам и площадям городов. Добровольцы с высокогорных постов сообщают, что земля повсюду вздувается и, не выдерживая давления подземного огня, прорывается, выбрасывая столбы пламени и дыма. Горные озера, лишённые своих скалистых берегов, обрушиваются в долину, унося дома, людей и животных. Несмотря на эти бедствия и панику населения, в провинции царит порядок благодаря усилиям гарнизона. Позже тебе будут представлены предложения о необходимой помощи для восстановления порушенного хозяйства. А пока подождём, пусть боги освободятся от гнева, направленного на нас. Разум может только надеяться на скорый конец наших несчастий. Однако я должен доложить тебе о бегстве многих принцев царского дома, тем более прискорбном, что в народе говорят, будто они сбежали в Посейдонис, нетронутый разбушевавшейся стихией. Я надеюсь, что ты, мудрая принцесса, сделаешь выводы из недостойного поведения этих людей...»

«Правитель западных островов кланяется в ноги августейшей и божественной принцессе, повелительнице империи. Довожу до твоего сведения, что вулканические острова, количество которых сосчитать невозможно, появляются и исчезают непрестанно в океане, выбрасывая в воздух столбы дыма, огня и пепла, вызывая в окрестностях появление жутких разрушительных волн. Ураганы, обрушившиеся на склоны холмов, вызывают потоки воды, которые смывают дома, уносят стада и пастухов. Местные жители ищут спасения в городах. Твой покорный слуга использует все возможности для оказания необходимой помощи. Кроме того, я тебе сообщаю о затоплении семи островов и многих портов. Невозможно оценить величину наших потерь. Но разрушения, которые мы претерпели, позволяют предположить, что нас ждет полный упадок и голод в ближайшем будущем. Мы нуждаемся в денежной и материальной помощи, а также в строительных рабочих и военных подкреплениях. По мере того, как уровень океана поднимается, мне становится все труднее сдерживать панику. Пожары от ударов молний или от поджогов преступников бушуют в моем городе, угрожая правительственному дворцу. Уже, кажется, невозможно противодействовать бандам грабителей, действующим в провинции. Они грабят одинокие усадьбы и их обитателей, дерзают нападать на небольшие города, пользуясь пособничеством низших сословий, в том числе и рабов. Да услышат твои благословенные уши мольбы самых преданных из твоих слуг...»

Многие из гонцов прибывали в Посейдонис ранеными, с большим опозданием из-за невероятных приключений в пути. Информация, которую они привозили, уже устаревала. Не

было вестей из самых отдаленных провинций или тех, что подверглись наибольшему разрушению. Со времени Равноденствия не поступали сообщения от вице-короля Большой Земли и других заморских колоний. Опасность была повсюду, угроза — постоянной. Империя атлантов распадалась, соскальзывая час за часом во мрак небытия. Однако ее народ, ее приближенные, сам Энох, великий жрец, несмотря на всю свою проницательность, имели весьма слабое представление о действительности. Ужасная перспектива, которая открывалась перед ними, не погасила еще тем не менее ни их слепую надежду, ни порочные страсти. Хотя Энох предписал наконец проведение публичных молебнов, храмы едва были заполнены наполовину. Но дворец, где собирались судовладельцы и торговцы для обсуждения своих дел и заключения сделок, и нотариальные конторы никогда до этого не видели подобного ажиотажа. Распродавались запасы товаров, покупались мифические грузы, обменивалось имущество, все действовало без тени сомнения: одни, поверив в катастрофу, старались превратить все в золото, другие, пользуясь всеобщей неразберихой, радовались внезапному повороту фортуны. Мелкие коммерсанты подражали крупным дельцам. Сыновья использовали все свое лицемерное красноречие, добываясь от умирающих стариков завещаний в свою пользу Любовник, ради обладания предметом своей страсти, не отказывался ни от какого вероломства и коварства. Толпа, всегда неуверенная и пассивная, испытывала сильнейшие колебания: от безнадежного отчаяния до глупого оптимизма, от смирения до бунта. Ее настроение могло изменить одно слово, ложный слух, пущенный в таверне, но выданный за официальное сообщение.

Лучше информированные, чем простой народ, придворные, вельможи и цари, оставшиеся волей судьбы в Посейдонисе, осаждали принцессу. Каждый старался доказать свои несуществующие права, напомнить о своих иллюзорных заслугах, о не подтвержденной ни словами, ни делами преданности, древности рода и всевозможных талантах. Чтобы занять место на одном из кораблей, стоящих в подземном арсенале, они легко жертвовали своим прошлым, именем, титулами и родственниками. Их бесстыдные предложения и очевидная трусость вызывали отвращение Гальдара. У него появилось желание отрезать эти лживые языки, выколоть эти змеиные глаза, отделить от тела эти головы с искаженными от ужаса чертами.

Он стоял перед ними огромный и черный, в своем увенчанном плюмажем шлеме и кричал:

— Ничтожества! Вы утверждаете, что преданны принцессе, а выставляете напоказ свою низость. На кораблях нет ни одного места, кроме как на скамье для гребцов.

Почти все согласны были грести. Некоторые упали на колени и били себя в грудь, умолая:

— Надень на нас цепи. Мы будем неутомимы!

Никто из них не осмелился сказать: «Ты сам ничтожество! Ты мстишь за свои двадцать лет галер! Это день твоего триумфа! Пользуйся им пока, но не забывай, что ты несешь на плече трезубец позора и завтра можешь вернуться к своей профессии. Принцесса, разве твой отец позволил бы, чтобы этот раб командовал, стоя перед троном? Очнись от своего болезненного сна, в который тебя поверг этот недостойный человек. В тебе течет кровь божественного повелителя империи. А он только сын мятежника, выросший в хлеву, и ничего более. Сними с него эту униформу, которой он из-за твоей снисходительности прикрывает свою гнусность. Сейчас не время для капризов. Будущее Атлантиды находится в твоих руках».

Но среди них не было людей с мужественным сердцем. То, что билось под их красивыми одеждами и украшениями из бирюзы и золота, было лишь комком мягких и дрожащих мускулов. Слова лести и признательности, которые еще недавно произносили их губы, точно отражали состояние душ, выхолащенных роскошью, грязных от порока людей, ничтожных и бесполезных, но еще опасных и готовых, если угроза жизни отдалится, ужалить, как змея.

Старый Энох был человеком другой закалки, несмотря на свою любезность и

угодливость. Если он среди всеобщей паники сохранял странное спокойствие, то не своему духовному состоянию был этим обязан. Его вера происходила от страха, даже от суеверий. Религиозное чувство, освещавшее его бедную юность, ослаблялось по мере того, как его разум привыкал к необходимости служить и властям и богам. Поэтому он не мог поверить в гибель Посейдониса. Сообщения, которые он получал, не смогли подорвать его скептицизм. Да, извергаются вулканы, хлещут фонтаны ледяной и кипящей воды, по земле ползут трещины, уровень океана поднимается, гигантские волны разрушают плотины, крепости, дома, потоки лавы заливают плодородные долины и продолжаются землетрясения. Все это — эффекты, вызванные кометой. Но рассерженная природа не тронет Посейдонис, царь-город Атлантиды и всего мира!

Посейдонис был защищен тремя линиями крепостных укреплений, упроченных оловом и медью. Даже допуская худшее, а худшее уже наступило, вне всякого сомнения, дворец и храмы, расположенные на высоком центральном холме, должны были остаться нетронутыми и в том случае, если окажутся затопленными каналы и улицы столицы. Суэта придворных, их мольбы, страх, унижения, которым их подвергал Гальдар, вызывали в жреце не возмущение, а некий дребезжащий смех, который можно было приписать старческому маразму. В действительности любезный старец, почтенный глава жрецов Атлантиды, лелеял удивительную идею. Его сердце свободно от беспокойства, наоборот, он благодарил бога Посейдона за счастье, которое наконец ему выпало. Император был далеко, и положение его было безнадежно. Об этом жрец узнал от своих шпионов, они прочитывали раньше принцессы послания, ей предназначенные. Возможно, Нод был уже мертв и его распухшее тело покоилось под толщей воды или его уже съели подводные хищники. Придворные пребывали в растерянности. Принцесса — только женщина, к тому же слушающая советы бывшего раба. Пока что она играла в императрицу, возглавляющую свой народ в час испытаний. Но Энох знал, что Гальдар, которого торопил его друг Ош, не имел ни малейшего желания оставаться в Посейдонисе. Достаточно было одного решающего события, чтобы этот прекрасный героизм превратился в панический страх.

Это событие произошло в тот же вечер. Едва наступили сумерки и еще не успели зажечься звезды, появилась комета. Размеры ее потрясали. За ней тащился огромный хвост, усеянный голубыми искрами. Казалось, что ее голова, окруженная пылающей короной, искала среди чудовищных волн и липкой пены, покрывавших пространство океана, темный континент Атлантиды и спрятавшийся за тройным кольцом укреплений еще вчера сказочный город. Она двигалась в космической тишине, равнодушная к волнениям, которые были вызваны ее приближением, эта сияющая змея, дракон с огненными челюстями! Она падала на эти огни, упрямо сверкавшие внизу, хотя и дрожавшие под ударами волн, поднимавшихся выше крепостных стен.

Чуть позднее наблюдатели, находившиеся на самой высокой террасе дворца, там, где Нод строил когда-то свои порочные планы, выполняя приказ великого жреца, отправили к нему гонца. Когда Энох узнал, о чем идет речь, на его бледном, напудренном лице появился румянец. Слезающиеся глаза заблестели. Тонкие, бледные губы собрались в улыбку, высокочтимый старый демон не смог сдержать охватившего его чувства удовлетворения. Он хлопнул в ладони, выпрямил спину, поправил митру на голове и направился за молодым офицером, который задавал себе вопрос: не повредился ли умом этот старец? Он не понимал, что Энох хотел сам убедиться во всем, он не доверял сообщениям. Его мутные, казавшиеся почти мертвыми глаза никогда его не обманывали. Волнение, которое он испытывал, и нетерпение проверить слова часовых были так велики, что он равнял свои шаги по шагам молодого человека. Немного запыхавшись, он забрасывал его вопросами. Несколько раз слышался его дребезжащий смех. Они остановились.

— Молодой человек, — сказал Энох, — за свою службу ты будешь вознагражден. Я обещаю тебе блестящее будущее. Знай, что существует счастливый случай. Сегодня ты встретил свой под видом великого жреца. Заметь, что ты будешь не одинок. Под давлением обстоятельств малодушные теряют все, что у них было, а отважные приобретают все. Я

всегда любил потрясения: они придают действительности необычайный вкус и не дают уснуть чувствам. Мои слова тебя удивляют? Но это потому, что у тебя еще не столько опыта, чтобы почувствовать их соль.

Они продолжили подъем. Едва они появились на террасе, как молодой человек вынужден был схватить старика, иначе ветер унес бы его, как пушинку. Он дул с такой силой, так напирал на здание, что, казалось, оно дрожало. Можно было подумать, что тысячи его тщательно подогнанных блоков сталкивались и терлись друг о друга под своим металлическим покрытием. Но не это занимало Эноха. Не очевидная опасность, не особенность этого урагана, мощное дыхание которого, как ни странно, не гнало по небу ни единого облака, а, похоже, только увеличивало яркость звезд. Не это сверкающее чудовище, хвост которого закрывал многие созвездия. Нет! То, на что он смотрел с непонятным восхищением, было огненной короной, венчавшей вершины гор, окружающих Посейдонис и тремя потоками ярко-красной лавы спускавшихся в «самую богатую долину мира» и к столице Атлантиды. Он смотрел на огненную сеть, покрывавшую склоны трех вершин, на раскаленные камни, вылетающие из кратеров и падающие в каналы, на сельские дома, плодородные поля и вековые деревья. Его лисьи уши с наслаждением прислушивались к подземному гулу, который вторил вою ветра, этому глубинному голосу, вызывающему к неисчислимой мощи неба и моря. Порыв ветра отбросил его к стене. Поддерживаемый молодым офицером, он медленно двинулся к черной дыре в начале лестницы. Когда они были в безопасности, офицер спросил:

— Великий жрец, ты ранен?

— Немного ушибся.

— Тебе больно?

— Разве у меня есть на это время? Возвращайся к своим людям и немедленно докладывай мне обо всех изменениях обстановки. От этого зависит твое будущее.

Но, когда он пришел к принцессе и попросил немедленной аудиенции, черная стража молча преградила ему дорогу.

12

На рассвете подстрекаемые Энохом придворные бросились в покои принцессы. Охрана была смята, многие солдаты убиты или ранены. С грохотом распахнулась дверь. Мгновенно ярость и ужас нападавших сменились отупением. Их испуганные глаза перебежали с молчащей женщины в белом на мужчину, стоявшего рядом с ней, в латах и шлеме с перьями, с мечом в руке.

— Говорите, — сказала она, — хотя ваше поведение неслыханно...

Толпа попятилась, жалкая, притихшая.

— ...Ну, что? Ты, которого мой отец считал красноречивым... или ты, придворный летописец...

— Великая принцесса, толпы собрались у восточных ворот, требуя убежища. Извержения вулканов выгнали их из своих домов. Потоки лавы опустошили долину Посейдониса... Посмотри, благородная принцесса, горы раскалились.

— Они красные, — закивали другие.

— Катастрофа неминуема. Позволь нам покинуть дворец.

— Поспешим, принцесса!

— Надо спасти твою бесценную жизнь!

— И особенно ваши, — заметила Дора.

— Подумай, еще несколько часов — и твоя полиция не сможет удержать порядок. Бунтовщики окружают дворец и не дадут нам уйти...

— Это может произойти, принцесса!

— Канал суживается у ворот. Мятежники могут сговориться с солдатами, овладеть сторожевыми башнями и захватить корабли...

— Понятно, — сказала принцесса, — значит, я должна отдать приказ о немедленном бегстве?

— Твои покорные слуги умоляют тебя уйти вместе с ними!

— В море, конечно, опасно, но не так, как на суше. Прислушайся! Удар грома кажется шепотом по сравнению с этим.

— Принцесса, никто не упрекнет тебя, что ты покинула столицу. Ты укроешься только на несколько дней.

— Под крылом у урагана?

— Наши корабли лучшие в мире. Конечно, риск огромен, но он меньше, чем среди разъяренного народа около извергающегося вулкана. Прислушайся!

— Да, прислушайся!

— Замолчите!

— Земля дрожит. Скала, на которой мы находимся, может обрушиться в канал, увлекая с собой дворец и храмы. Пришло время действовать.

Гальдар вложил меч в ножны. Он скрестил по своему обыкновению руки на груди и сказал Доре:

— Пусть корабли уходят! Дай приказ. Они освободят нас от своего присутствия...

Дора молчала.

Он сделал шаг вперед.

— Вы слышали? Приказ отдан. Уходите.

Он снова был повелителем. Снова стал самим собой, царем. Все послушно, с низко опущенными головами молча вышли. Дора ничего не сказала. Она чувствовала себя побежденной, подчиненной, как и другие. И так же, не выдержав этого взгляда, она отвернулась.

— Почему? — спросила она. — Ты действительно хочешь, чтобы они ушли? Зачем такое великодушие?

— Ош — непревзойденный мореход. Он не забыл своего искусства. Для империи полезней поставить его во главе эскадры, чем снова посадить на гребную скамью галеры.

— Я его знаю, он твой друг. Однако ты меня отговорил посылать эскадру на помощь отцу!

— Да, хотя тогда ураган еще не достиг такой силы. Корабли могли бы еще с ним справиться, но не теперь. Они слишком хрупки и тяжелы в управлении.

— Получается, что, отдавая приказ, ты отправил этих бедных людей на смерть?

— Это не бедные люди. Всем своим благополучием они обязаны рабам.

Наступила тишина. Дора дрожала.

— А мы? — простила она. — Что мы будем делать? Ты и я. Мы пропали. Мы теперь пленники этого дворца.

— У нас есть шанс. На деньги, которые ты мне дала, Ош подготовил корабль, способный, по его словам, выдержать борьбу с бушующим морем. Он нашел уединенную бухту, где корабль с экипажем и запасом продуктов ждет твоего решения.

— Я повторяю — мое место здесь. Но ты свободен и можешь отправляться на свой корабль.

— Хочешь меня оскорбить? Ты мстишь мне за то, что уступила мне? Я буду там, где ты. Я подчиняюсь любому твоему решению.

Он открыл окно. Комнату наполнили шум разъяренного океана и красный отблеск раскаленной земли. Гальдар обнял Дору. Они долго смотрели на открывшуюся перед ними апокалиптическую картину дорог, забитых повозками, всадниками и пешими людьми, спасающимися от огненных языков лавы. Комета продолжала увеличиваться в размерах.

— Ты думаешь, что нам уже не на что надеяться? — спросила Дора.

— Я думаю, что завтра мы уже не сможем контролировать положение в городе.

Как он и предполагал, корабли были захвачены матросами, рабами и обитателями домов, стоявших по берегам центрального канала. Как только суда были замечены,

возбужденные люди бросились в башни, охраняющие ворота канала, и к лодкам у берега. Огромные корабли, набитые пассажирами, медленно двигались один за другим по узкому каналу. Они были мгновенно взяты на abordаж и переполнены обезумевшей толпой. Некоторые суда загорелись, другие уткнулись в берег в боковых каналах. Те, что дошли до открытого моря, были разбиты о крепостные стены волнами. Не прошло и часа, как «цвет империи» был вычеркнут из числа живых. Солдаты оказывали лишь слабое сопротивление. Полицейские не вмешивались и даже, возможно, помогали мятежникам.

Энох немедленно получил сведения об этом «прискорбном» инциденте. От него не укрылась ни одна малейшая подробность. Казалось, наоборот, он получал удовольствие, настаивая на самых ужасающих деталях смерти того или иного вчера еще благородного гражданина, а сегодня — трупа, плавающего среди обломков и апельсиновых корок.

— Благородная принцесса, ты должна понять, что мы не можем больше сдерживать толпы, пришедшие в город с равнины. Их бедственное положение и страшные рассказы скоро окончательно сведут всех с ума. Тогда все бросятся ко дворцу. Перед нами встанут две угрозы: одна со стороны стихии, другая — от распоясавшейся черни. Подумай о своей собственной жизни, вот теперь главная забота!

— Не осталось ни одного корабля! Арсенал пуст!

— Я хорошо осведомлен об инициативе Оша, гиперборея. Более того, предвидя худшее и считая себя ответственным за твою жизнь перед божественным императором, твоим отцом, я ему облегчил работу. Речь не идет о бегстве от ответственности, но о том, чтобы исключить напрасный риск. Твой долг сейчас — подумать о будущем. Стихии — как люди, они перебесятся, выплеснут свой гнев и снова заснут на века.

— Если я уеду, все пропадет. Кто будет править вместо меня?

— Верховный жрец, — сказал Энох, — и никто не скажет ни слова против этого.

И осторожно добавил:

— Старик, стоящий на краю могилы, не может быть серьезным соперником. Его жизнь — бремя, которое он поспешит сбросить. От чистого сердца, прослужив столько лет верой и правдой твоему отцу, он предлагает тебе остатки своих сил. Власть, которую ты мне могла бы передать, была бы временной и недолгой. Я подготовил указ. Когда опасность минует, ты тайно возвратишься в Посейдонис, и старый Энох уступит тебе место, которое он имел бы честь занимать несколько дней.

Дора прочитала указ, обмакнула перо в чернила и... бросила его на землю. Эноха это мало расстроило, он привык сносить гнев своих хозяев.

— Ты не веришь предсказаниям! — сказала она. — Ты не веришь в гибель Атлантиды и Посейдониса!

— Нет, принцесса. Конечно, нет!

— Тогда почему ты хочешь, чтобы я оставила тебе свое место?

— Только потому, что я могу ошибаться. Может, мною владеет чрезмерный оптимизм. Если мне позволено рисковать своей жизнью, то ты не имеешь права подвергать...

— Подпиши! — сказал вдруг Гальдар. — Это не так важно. Если дворец развалится, он погребет великого жреца, если нет, ты легко вернешь себе власть.

— Вот, — воскликнул Энох. — Единственно разумные слова! Кроме того, господин, я полностью согласен с тобой. Я доверяю мастерству твоего друга, и мне нисколько не жаль, что этот придворный сброд нашел свой конец. Подумайте! В настоящий момент нет больше ни одного царя, ни министра, ни генерала! Мы можем начать все сначала, Их некомпетентность ослабляла империю, их претензии мешали императору, даже сам Нод обязан был уважать их права.

Пока Дора перечитывала и подписывала указ, он говорил:

— Однажды — я надеюсь, что этот день близок, — мы вместе посмеемся над этими событиями. Они позволят нам провести реформы, о которых никто не осмеливался даже подумать, но которые были необходимы. Предначертания богов закрыты для простых смертных. Может, это благо?

— Может быть, — сказал Гальдар. — Только я тебя предупреждаю, что принцесса выйдет из дворца ночью, в час, ею самой выбранный, и с надежной охраной.

В Посейдонисе еще можно было найти людей, которые мало встревожились происходящим в природе. Они выходили на порог дома, нюхали воздух того раннего утра, пахнувший дымом и раскаленным железом, рассматривали комету, шли к ближайшей крепостной стене и выглядывали из бойницы на море, кипящая поверхность которого была покрыта пеной, затем возвращались к своим домашним. Не изменяя привычкам, они открывали лавки или мастерские, удивляясь, что их рабочие или служащие не пришли на работу и посетители были редки.

— В конце концов, — рассуждали они, — это не первый ураган над Атлантидой.

— Когда я был молодым, однажды ночью в августе, гроза так разволновала море, что утонуло пятьдесят человек.

— А я, сосед, сам читал в истории Атлантиды об извержениях вулканов. Автор писал, что наша земля частью состоит из застывшей лавы и пепла, откуда и ее плодородие. Если вулканы начали извержение, то, значит, рано или поздно они прекратят его, такова природа вещей.

— Я с тобой согласен. Конечно, будут разрушения. Говорят, что в провинциях землетрясения такие сильные, что опрокидывают храмы и самые высокие дома.

— Вот новость! Мой отец пережил три землетрясения с интервалом в два года, последнее такое сильное, что наша улица превратилась в развалины. Однако это не помешало ему дожить до ста лет.

— И ты идешь по его следам!

— Я стараюсь. Очень приятно жить в Посейдонисе.

— С ума сошли те, кто сеет панику, начиная с самого верха. Принцессе надо было открутить головы этим предсказателям несчастий. Что они знают наверняка, эти жрецы и ученые, я тебя спрашиваю?

— Ученые оправдывают свое содержание. Они нам стоят довольно дорого. А жрецы вообще хорошо устроились. Подумай, страх смерти увеличивает подношения. Кто ими пользуется? В храмы приходят даже неверующие и слабые умом. Кому это нужно? Нашим дорогим заступникам в митрах.

— Ты богохульствуешь, сосед. К счастью, мы с тобой не конкуренты...

— Я богохульствую, я, который точнее всех выполняет все церемонии?

— Потому, что поставщик двора.

— А ты — Великого Храма.

— Дорогой мой, это торговля.

— Поэтому глупо восставать против власти.

— А также против природы.

— Надо уметь переждать, приспособиться.

— Выигрывают всегда выжившие.

— Их защищает Посейдон. Потому что он любит послушных.

— Вот это мудрые слова! Выжить легко, это дело скромности. Герои всегда умирают преждевременно. Ты заметил?

— Да будет земля им пухом. Мы, остальные, если ситуация обострится, запираем двери и окна и спускаемся в погреб. Он у нас крепкий, вырубленный в цельной скале.

— И там, кум, мы ждем конца заварухи.

— У нас там продуктов, вина, свечей в изобилии. Чего еще надо?

— Мы там отдыхаем.

— А разве мы не заслужили? Я, например, сорок семь лет, три месяца и двадцать один день непрерывно работал, за исключением праздников!

— Мы и сейчас работаем по полдня!

— Это у нас такая привычка.

— Совесть наша чиста. Вот главное для счастья!

В другом месте люди собирались вокруг крестьян, согнанных со своих мест извержениями вулканов. Они толкали перед собой тележки с вещами; постельными принадлежностями, амфорами, корзинами с провизией, кухонной утварью, инструментом, а также с больными и детьми. Они со слезами рассказывали историю своего бегства. Многие спрашивали дорогу к храму, чтобы там укрыться под защитой богов. В толпе плакали, смеялись, тряслись от страха, слушая эти рассказы. Постоянно повторяли:

— Это конец света! На этот раз это конец! Мы все погибнем!

— Это конец света! — возвещали импровизированные ораторы, предсказатели всех мастей, часто пособники карманных воров и других жуликов. — Жители Посейдониса, пора уже платить долги за свое беззаконие и грехи своих предков, за умерших или еще живущих. Вы насмехались над богом, не посещали храмы. Дела и удовольствия отнимали все ваши силы и таланты. Молодежь спешила потерять свою чистоту. Старики цеплялись за почести, вместо того, чтобы с ними расстаться и приготовиться к смерти. Не осталось девственниц, кроме как в Великом Храме или в раннем детстве. Вы считаете добродетель постыдной болезнью, а роскошь принимаете за добродетель. Главная профессия в Посейдонисе не кузнец, не плотник, а сводник и сутенер. Придворные сами, не колеблясь, отдают своих дочерей и жен за еще одну привилегию или какую-нибудь глупую медаль. Нод хотел продать свою дочь царю пеласгов! Разврат стал в ваших глазах лишь мелкой шалостью, он наказывается только вашими улыбками. Вы отливаете в золоте своих богов, и это свидетельство вашего бескрайнего тщеславия. Но зло, как и добро, имеет свои пределы. Разгневанные боги отвернулись от этого народа. Они позволили силам неба и моря, демонам, которые были до сих пор пленниками подземелий, явиться на землю. Вы погибнете в огне и воде, нечестивые атланты! Огонь сожжет вас вместе с вашими богатствами, а вода смоем ваш пепел!..

Полиция уже не вмешивалась.

После полудня один из языков лавы достиг восточной стены крепости. Фанатики с воздетыми к небу руками, взывая к милосердию богов, бросались в пекло. Их почерневшие и скорченные тела исчезали в огне. Другие осыпали богов проклятиями:

— Будь ты проклят, Посейдон! Ты ничто, мнимый бог! Старый позолоченный негодяй! Гори ты вместе с нами!

Они вырывались из рук державших их людей:

— Пустите меня, глупцы! Сегодня или завтра, все равно все погибнет! По крайней мере, я сам выберу свою смерть.

Но это были исключения. Большинство, собравшееся в общественном парке, на ипподроме, стоявшее тесной толпой на террасах, смотрело с ужасом на появляющуюся комету, красные столбы дыма, вырывающиеся из кратеров, раскаленную сеть трещин на земле, которая приближалась к Посейдонису и берегу моря. Взгляды в отчаянии перебегали с неба на море, с моря на горы, всюду встречая устрашающую картину разрушения. А некоторые люди воспользовались всеобщим оцепенением и стали грабить и убивать, не встречая сопротивления, с неистовством, удвоенным страхом. Другие собирались в увеселительных домах и растрчивали свои силы, чтобы «умереть в удовольствии». Вино лилось рекой. Женщины не успевали одеваться и переходили от одного к другому. Злоба, накопленная старыми обидами и ссорами, выплеснулась наружу: убивали, насиловали прямо на улицах. Пытали богатых, чтобы добраться до их сокровищ. Любовники вскрывали вены или делили кубок с ядом и соединяли губы в последнем поцелуе. Музыканты играли на эстраде для самих себя, чтобы оглохнуть от шума, поскольку их никто не слушал. Кто среди этих смятенных душ обратился бы к философии или поэзии за напрасным, но возвышающим утешением?

Огромное солнце, ярко-красная поверхность которого была покрыта темными пятнами, появилось над океаном. Но вместо того, чтобы погаснуть и скрыться за горизонтом, оно окуталось вдруг дымкой, светящейся и искрящейся всеми цветами радуги. Это было

северное сияние, вызванное близостью кометы. Этот феномен поразил оцепеневшие толпы. Ужас победил все другие чувства: страх, ярость, ненависть, жадность, похоть и скептицизм. Безумие охватило город. Одновременно в нескольких кварталах начались пожары. Раздуваемый ураганом, огонь принял катастрофические размеры. Фасады горящих домов целиком падали на толпу, метавшуюся по улицам.

Никто не заметил, как небольшой корабль вышел из арсенала, прошел канал и растворился в темноте. Как немного позднее повозка, запряженная тройкой лошадей, пересекла мост, миновала крепостные укрепления и понеслась из города по единственной еще уцелевшей дороге. Но скоро единственный мост, соединявший дворец с городом, обрушился в канал, и ворота арсенала закрылись.

Никто не заметил, как принцесса в сопровождении Гальдара и нескольких солдат охраны покинула свою столицу.

Горы раскалывались, как спелые гранаты, и раскаленные внутренности земли выбрасывались через сотни жерл ослепляющим каскадом кипящего золота и сверкающих рубинов. А над ними стояла туча рыжевато-пепельная. Земля ходила ходуном. Тщательно подогнанные каменные блоки набережной отваливались и исчезали в черной воде. Трещины пересекали улицы. Дома рушились в одно мгновение. Казалось, чудовищный кулак молотил по созданиям рук человеческих, превращая в пыль непробиваемые стены.

А во дворце старый Энох, облеченный всей полнотой власти временный правитель империи, не обращая внимания на катастрофу, поспешил занять место на троне. С этого ничтожного возвышения он смотрел в зал, где только три солдата охраны упрямо несли караул. Но его это не беспокоило. Он достиг своей мечты. Он был вознагражден за свои муки. Настал день его славы, такой долгожданной, ночь его триумфа. Ураган вознес его на трон владыки Атлантиды и империи!

13

Он мечтал не служить богу, представителем которого он себя именовал, а взгромоздить свои старые кости на место Нода, опереть свой ревматический позвоночник на спинку трона, изображавшего солнце с человеческим лицом, сжать своими узловатыми пальцами оскаленные морды львов его подлокотников! Сколько раз, беседуя с императором, выслушивая разглагольствования этого коронованного дикаря, он, терпеливый, мудрый, внимательный, мечтал, как сам займет этот трон и станет править империей! Все его детство и нищую юность его посещал один странный сон: он был в конце своей жизни увенчан знаками императорской власти. И вот сон стал реальностью!

Послы и придворные не появятся в этом зале. Нод забрал с собой корону и скипетр, они уже, наверное, лежат на морском дне. Взрывы вулканов и вой океана заменяли шум двора и изысканную музыку. И все же Энох реализовал свою невероятную мечту. Он заново переживал свой путь наверх, вспоминал победы, вырванные у фортуны, которая долго была против него, свои интриги, которые заставляли противников врасплох, настолько они были быстры и неожиданны. Вспоминал, как завоевывал расположение Нода. Какую сеть он сплел вокруг этого опасного насекомого! Как умел он его связать, свести на нет его намерения, испытывая кровожадную радость паука, наблюдавшего за своей запутавшейся жертвой! Его острый, проницательный ум говорил ему о неотвратимости падения Нода. Император упустил все свои шансы. Шаг за шагом в него вселялся демон, разрушая его способность рассуждать и принимать разумные решения. Великий жрец научился защищаться от этого демона, от его злобы, лицемерных улыбок и приветливых речей, в которых ядовитое жало было облитое медом. Из двух зол Нод всегда выбирал худшее, тем самым приближая свой конец, делая его неизбежным. Однако несколько раз в нем просыпалось интуитивное знание, разумное ядро, с которым рождается каждое существо. Тогда он видел пропасть, которую вырыла его собственная непоследовательность, и страх сжимал его горло. Но эти прояснения

длились недолго. Зловещий и изобретательный демон быстро подбрасывал ему утешающие мысли. И путь к пропасти продолжался после короткой остановки.

У Доры не было сил что-нибудь изменить. Ее влияние было иллюзорным. Кроме того, у нее был срой демон — этот Гальдар, которого надо было поддерживать, ласкать, этот малозначительный персонаж, слишком долго занимавший место на дне общества, чтобы претендовать на важную роль, за исключением комедии, да и то второразрядной.

Так недавний бедняк, начавший свой жизненный путь последним жрецом в маленьком провинциальном храме, поднялся на императорский трон владыки Атлантиды! Шаг за шагом, со стонами, принимая оскорбления, выслушивая насмешки, раздавая поклоны, он преодолел ступени к вершине власти.

«Да, ты теперь властелин, — произносил его внутренний голос, — но что ты получил реального, безумный старик, и сколько времени это продлится?

Не сегодня — завтра принцесса Дора и ее глупый Гальдар покинут мир живых. Ни один корабль не устоит против этой стихии. И этот будет перемолот челюстями океана и превратится в бесформенные обломки. Она тоже, тоже идет к своему концу! Как Доримас! Как Нод! Как генералы, придворные, цари, вся эта дворцовая свора...

Ты свое собственное безумие приписал Ноду. Тебя считали мудрым, а ты оказался сумасшедшим. „Старый козел, старый шут!“ — говорил тебе Нод! Так вот, старый козел, комедия кончилась!»

Она продолжается.

А если действительно, как предсказывали ученые, Атлантида погибнет?

Энох умрет смертью, которую выбрал. Неважно, что жизнь будет укорочена, если она была наполнена до краев!

«А если придется давать отчет о своих интригах, вероломстве, каждодневном предательстве?»

«Это было необходимо, я ни о чем не жалею, — ответил внутреннему голосу Энох. — Когда воцарится спокойствие, прекратятся извержения и утихнет море, у Атлантиды не будет другого правителя, кроме меня. Я построю храм в честь Посейдона, еще выше, еще богаче, чем строили мои предшественники! Для этого я введу специальный налог».

«А если бог ждет от тебя другого, не этой груды камней и металла?»

«Он нуждается в храме для выполнения своих замыслов. Властелин не подчиняется общим законам. Поступая так с Нодом, в конце концов, я служил Посейдону».

«Ты служил сам себе! Несчастный, пойми наконец, что твои интриги обратились против тебя! Отравляя Нода, ты сам заразился своим собственным ядом. Нод ушел на безумную войну с верой в сердце. Он и остался с этой верой в великую Атлантиду. В твоём же высушенном сердце нет и намека на величие».

«Но я надеюсь, не имея никаких надежд!»

«Источник твоей храбрости — суетность и жадность».

«Что, если я попробовал бы убежать, как Дора? Где бы я был? В еще более опасном месте».

«Тогда сиди на куче золота, прижавшись напудренной щекой к изумрудам! Отправляйся в покои Нода. Там осталась его расшитая золотом одежда. Надень ее. Укрась себя драгоценностями, которые носили первые цари Атлантиды. Иди до конца в своем безумии! Ты не можешь оставаться в этом рубище верховного жреца и в своем колпаке! Покажись во всем своем великолепии, фальшивый император, маска царя, божья обезьяна...»

«Я достаточно тебя наслушался».

«Ты не можешь отречься от своего детства!»

«Я предпочитаю свою старость».

«Рабочие в порту, последний раб стоят больше, чем ты».

«Я повелеваю всеми».

«Твоего царства больше не существует».

Корабль был захвачен водоворотом. Тот нес его прямо на риф и выпустил перед самым столкновением. Только форштевень задел за скалу, и оторвало носовую фигуру. У входа на рейд, где встречаются внутреннее море и открытый океан, поднялась стена воды. Когда они увидели эту темную, блестящую массу воды, поднимающуюся из пены, изгибающуюся над мачтами, падающую на корабль, то закрыли лицо руками. И тотчас мощный поток подхватил корабль, как щепку, и понес в океан. Ветер засвистел в обрывках, что остались от парусов, и линия рифов стала удаляться. Они были спасены!

Промокшие до костей, ослепленные потоками дождя и града, в темноте наступающих сумерек, они прижались друг к другу и не видели вокруг больше ничего, кроме волн. Они не могли даже сосчитать, сколько их осталось. Они знали только, что море забрало многих. Они не испытывали никаких чувств. Удары волн, дрожание палубы, потоки ледяной воды, струящейся по их спинам и лицам, не оставляли места для мыслей. Ош, который привязал себя у руля и пытался управлять кораблем, действовал автоматически, в полусознании. Но его израненные, помертвевшие руки передавали веслу необходимые движения. Его глаза, обожженные пеной, различали иногда фигуры Гальдара и Доры, прильнувшие друг к другу. Эта картина согревала его онемевшую душу, придавала ему силы. Его рассеченные губы повторяли:

— Не идти поперек волны... Не поперек...

Ветер дул в нужном направлении. Упираясь в лохмотья парусов и полуразрушенный корпус, он тащил корабль в сторону от опасной зоны, в бурные и беспокойные воды, но подальше от рифов.

Вдали продолжал подниматься к небу столб красного дыма. Вверху он медленно расширялся и придавал несущим тучам, похожим на стадо диких быков, ужасающий вид. Местами, когда они проходили мимо кометы, их пронизывал рыжий проблеск.

Позднее небо стало еще темнее. Звезды, появлявшиеся в разрывах туч, исчезли. Даже море не было больше видно. Это мрачное, черное, непрозрачное состояние атмосферы продолжалось несколько часов. Но вдруг заблестели первые лучи света. В зените открылась сияющая бездна. Розовые молнии падали в океан, а по мачте и бортам корабля побежали искры. Матросы и пассажиры, Ош, несмотря на весь свой опыт морехода, Гальдар, невзирая на свой неистребимый оптимизм, приготовились умереть. Мокрые пальцы Доры сплелись с пальцами ее любимого. Он почувствовал дрожащие губы на своей щеке. Прямо над ними, на головокружительной высоте, пылал огненный глаз, вокруг которого закручивались обтрепанные тучи.

Потом глаз закрылся. Неистовый ветер понес бурю в сторону Атлантиды. На борту все, кто еще был в силах думать, вспоминали о своих грехах, и их слезы смешивались с потоками дождя. Другие испытывали покорность быков, привязанных у ворот бойни. Время от времени с их губ срывался неясный стон, похожий на мычание, в котором выражался весь ужас происходящего, вся боль бессилия. Они также почувствовали, что жизнь возвращается в свои права. И корабль свистом такелажа и скрипом бортов и палубы, казалось, рассказывал по-своему об ужасной судьбе быть перевернутым волной и отправиться в темноту морских глубин.

Наступил рассвет или то, что было вместо него. Лучи солнца едва пробивали плотное покрывало из пепла, которое стояло в воздухе и постоянно увеличивалось из-за продолжающихся извержений. Сквозь эту сумрачную пелену проступала огненная линия. Огонь был над горами, огонь стоял над городом. Всюду, куда ни посмотри, бушевал огонь. Временами земля начинала дрожать, дрожь переходила в судороги и судороги заканчивались припадком, потрясением.

Свет факелов колебался, занавески поднимались, как будто их дергала невидимая рука. Плитки отлетали на крышах, балюстрадах, террасах, слетало и металлическое покрытие с куполов храмов. Последние деревья падали, вырванные с корнем. Рушились стены. Потоки

дождя не могли потушить пожары, казалось, наоборот, только увеличивали ярость огня.

Произошел такой сильный толчок, что Энох наконец забеспокоился. Он спал в постели императора. Жрец вскочил и торопливо оделся. Перед дверью не было никого из солдат охраны. Коридор простирался нескончаемый и пустой, заполненный только разбитыми статуями.

— Как же я не услышал? Уснул как дурак. А что лучше я мог придумать? Выспаться, набраться сил... Сон — лекарство в старости, секрет моего долголетия, моей работоспособности и моих успехов... Но где же охрана? Ветер, что ли, их унес?

Раздался было неуверенный дребезжащий смех. Затрещали плиты. Резко, сама по себе, распахнулась дверь. «Нет, нет, этот дворец не так просто построен. Толщина его стен не имеет себе равных, разве только у египетских пирамид... А! Ты пытаешься шутить! Пытаешься обмануть себя, чтобы отогнать страх, который проник в тебя! Прислушайся к своему сердцу! Слушай! Оно дрожит, оно тоже...»

— Стража, где вы? Ко мне, собаки!

Одного солдата он нашел в тронном зале, растерянного, испуганного.

— Где остальные?.. Остальные?..

Солдат показал пальцем вниз, в сторону подземных апартаментов. Ветер развеивал перья в его шлеме. Но сам он остался безучастным. Энох, согнувшись и защищая от ветра лицо, подполз к окну и посмотрел вниз. Он почувствовал дыхание одновременно ледяного и обжигающего воздуха. Перед ним лежал в руинах и огне город. Над растерзанным дворцовым парком проносились рваные тучи. Красная полоса прорезала темное небо. Он почувствовал тяжелый, острый запах кузницы. Его сердце забилося, ему стало тесно в груди. В любой момент шквал мог размазать по плитам его хрупкие кости, раздавить, как насекомое. Но любопытство, более сильное, чем страх, заставило его остаться на месте. Он не мог оторвать свои слезящиеся глаза от картины агонизирующего города, от толп людей, скучившихся на крепостных стенах и берегах каналов...

Ему показалось, что среди рева урагана он слышит крик. Он удвоил внимание. Тучи птиц поднялись над Посейдонисом и закружили над домами. В бойницах внешней крепостной стены показалась фосфоресцирующая тонкая линия. И вдруг из каждой бойницы ударил фонтан зеленой воды. Они соединились в широкий водопад и обрушились со стены вниз, смывая людей и дома. Море вторгалось в Посейдонис! Оно затопляло «вечный» город, столицу мира, шедевр зодчих Атлантиды! Пенные потоки закипели у крепостной стены второго кольца укреплений.

Энох колебался, но недолго. Какое средство спасения, какую лазейку мог подсказать ему его изобретательный мозг? Согнувшись и прихрамывая, он направился к трону Нода. На нем он решил дожидаться смерти, если ему суждено было умереть!

Единственный солдат отдал ему честь, как будто все было в порядке.

14

Море поглотило Посейдонис! Его поля и холмы, даже дворец Нода, находившийся на высокой скале, скрылись под водой. Под низким, темно-рыжего цвета, беспрестанно рассекаемым молниями небом продолжали подниматься зеленые воды океана. Волны несли трупы людей, животных и всевозможные обломки. Вулканы продолжали извергать из земных недр огнедышащие реки лавы. Быстро тающий на вершинах гор снег грязными потоками обрушивался вниз. Из низко летящих туч в море обрушивались тонны воды и града. Спасаясь от огня и ярости волн, маленькие группы людей брели по горным тропинкам, карабкались по обрывистым скалам.

Они были полураздеты, имели жалкий и несчастный вид. Кто-то нес на спине свою жену, кто — больного старика или раненого друга. Другие тащили в руках узлы, кухонную утварь, соломенный тюфяк или корзину с едой. Прошла, волоча ногу, старуха со скамейкой на голове и хлебом, завернутым в полотенце. У всех был один и тот же отсутствующий

взгляд и посеревшая кожа мертвецов. Их рты были открыты в крике, который не мог вырваться или теряться в хаосе звуков. Может быть, достигнув дна человеческого отчаяния, они не чувствовали больше ни жара подземной печи, открывшейся у них под ногами, ни ледяного дыхания ветра, ни голода, истощавшего их силы. Они брели наугад, молчаливые, подавленные ужасом, локоть к локтю, плечо к плечу. Иногда, все вместе, одновременно, они поворачивали головы, чтобы оценить уровень воды, расстояние до пенной полосы прибоя, который их преследовал. Людей сопровождали собаки, и, когда очередная скала срывалась с основания и обрушивалась вниз по склону, те выли от смертельного страха.

Звери, спасшиеся от потопа, тоже искали спасения в горах. Стада быков и коз, вырвавшиеся из долины, превратившейся в озеро, спешили подняться по тропам, тропинкам и разбитым дорогам, влекомые инстинктом. Все это кусалось, бодалось, яростно било копытами, но матери вели за собой своих малышей, защищая их, несмотря на опасность.

Дикие животные смешались с домашними. Волчица с острыми клыками шла рядом с круторогой и легкой ланью, олень с развесистыми рогами — с бараном, мускусная крыса и барсук — рядом с лисицей, а длинноухий заяц со своим врагом — змеей. И вся эта живая масса в иступлении шла, прыгала, ползла, качая телами, мокрыми от пота и воды. Невероятный шум стоял над ними: ржание, блеянье, тьяканье, душераздирающий визг и стук копыт. Когда какое-нибудь стадо оказывалось на краю обрыва, животные не могли остановиться, и тогда воющая масса рогатых голов, цепляющихся за воздух лап и вставшей дыбом шерсти падала в океан, пенная граница которого продолжала неумолимо подниматься.

Львы, леопарды и горные пантеры из императорского парка бежали среди слонов с задранными хоботами. Возбужденные ударами молний, вырвавшись из своих клеток, они опустошали стада животных и группы людей. Обезумевшие лошади носились кругами по лугам и бросались в воду, ища спасения. Они плыли с развевающимися гривами, высоко подняв морды с раздувающимися ноздрями, похожие на скакунов, несущих колесницу Посейдона, и погибали в многочисленных водоворотах. Тучи птиц летали над этим адом из кипящей воды, огнедышащей лавы и раскалывающихся камней. Каждый шквал их разбивал, рассыпал, но они снова возобновляли свой полет. Многие сталкивались со скалами, красными от крови, другие, сложив крылья, падали на голые ветки последних деревьев. Они валялись, умирающие, под ногами у людей. В пещерах собирались покинутые и отчаявшиеся. Они сидели без сил и надежды в сумрачной тени и безразличным взглядом наблюдали, как подбирается к их ногам мутная вода. А рядом львица с львенком в зубах легла, обессиленная, на скалу, и из ее разорванного бока стекала на камни алая кровь. Почти везде смелость и самоотверженность зверей могли бы вызвать стыд у людей, если бы они испытывали еще какие-нибудь чувства. А впрочем, это было уже не важно. Ничто не было важно для людей и животных, ожидали ли они покорно смерти или продолжали бороться за свою жизнь. Горы взорвались всеми своими кратерами, они осели и рассыпались, земля раскололась, и в эти бреши ринулись воды океана!

На уносимом волнами и ветром корабле Гальдара, несмотря на расстояние и смертельную усталость, слышали крик раненой природы. Люди ясно увидели, как столб огня взметнулся к пепельному своду неба, горы взорвались одна за другой, над горизонтом повисла красная завеса, осветила зубья волн, медленно потускнела и погасла.

Затем вокруг них осталась только гудящая темнота, прорезаемая вспышками молний. Бурный поток понес утлое суденышко — волна, разбегавшаяся с огромной скоростью от места катастрофы. Ее гигантские челюсти схватили хрупкое создание рук человека. Корабль бросился в пропасть, полностью скрылся под водой, чудом вынырнул и, полузатопленный, остался на плаву. Едва не задохнувшиеся, они снова продолжали свое безумное плавание. Они плыли сквозь пену на восток. Навстречу какой судьбе?

Бесконечная ночь! Она была страшнее, чем смерть! Продрогшие, голодные, полуживые

от пережитого ужаса, они не были способны ни на какое действие, ни на малейшее движение даже для спасения своей жизни! Вода плескалась у их ног, а они даже не думали ее вычерпывать. Никто не отдал команду вычерпать воду. Они забыли, что такое черпак, для чего он служит, как им пользоваться. Они больше не понимали, зачем они находятся на этом корабле, они потеряли всякую надежду, были только сваленными в кучу полумертвыми телами. Но кто может представить картины, пронсящие в мозгу человека в момент крайней опасности? В выживших забвение стирает их, оставляя только воспоминание о воспоминании, иначе у кого бы хватило мужества снова и снова отправляться в опасные путешествия? Боги наделили человека этой счастливой способностью отключать сознание, в то время как чувства и тело думают, принимают решение и борются по-своему, отдельно от разума.

Какой смутный инстинкт толкнул Гальдара заменить своего товарища у руля? Оша — привести в порядок снасти, чтобы ветер наполнил парус? Что привело Дору туда, что когда-то именовалось каютой?

Нескончаемая ночь! Без Луны, звезд, ока, казалось, никогда не кончится, как если бы Земля сошла со своего пути вокруг Солнца и была приговорена к вечному путешествию в темноте Вселенной!

Однако прошло время и наступил рассвет. Над просторами бесконечного океана царил мертвенно-бледный и колеблющийся свет. Высокие горы Атлантиды больше не заслоняли горизонт. Еще недавно мощные эскадры атлантов исчезли, как сон. И не было в этом бескрайнем, волнующемся пространстве ничего, кроме облаков, которые летели низко и быстро, почти касаясь пенных гребней. И черного, на три четверти затопленного корабля.

Часть третья

1

На борту их оставалось всего трое. Искалеченный бурей, почерневший корабль едва держался на плаву, но все еще сопротивлялся натиску волн...

В свое время это судно было предназначено для увеселительных прогулок, а потому для его сооружения были использованы лучшие сорта дерева, а количество шпангоутов было удвоено. Он был прочен, строен, а своей устойчивостью и легкостью напоминал Ошу корабли, которые строили в его суровой северной стране; за это он и выбрал его когда-то. Ош переделал корабль целиком, снизу доверху. Балясины вдоль бортовой обшивки были укреплены толстыми досками. Кормовая надстройка была уменьшена в размерах и освобождена от тяжелых замысловатых скульптур. Палубу укрепили и надежно законопатили. Трюм заполнили запасными частями и пробковыми кубами. Сундуки, служившие сиденьями, прикрепили особенно прочно, и Ош лично проследил за тем, чтобы они были заполнены лишь наполовину: он безжалостно выбросил все, что, с его точки зрения, было лишним, даже вещи, принадлежавшие Доре. Посреди палубы было сооружено нечто вроде кабины с треугольной крышей, там можно было укрыться и отдохнуть.

Итак, их оставалось только двенадцать: Гальдар, Ош, Дора, шесть чернокожих охранников и три матроса. Остальные погибли под острыми, как нож, деревянными обломками или были смыты за борт разбушевавшимися волнами. Иногда даже те, кто мог бы спастись, отчаивались и позволяли пучине поглотить себя.

Несмотря на все предосторожности, красавец корабль был похож на израненного в страшной битве воина. Крыша каюты была распорота по всей длине. Кормовой щит и большая часть сундуков были унесены волнами. Обшивка треснула. Носовая скульптура была рассечена наискось. Повсюду валялись деревянные брусья. Пробитая во многих местах палуба была усеяна обломками весел. Через многочисленные трещины и пробоины в трюм

подтекала вода и бурлила в нем черноватой жижей.

А ветер все не утихал, без устали вспахивая море вдоль и поперек. Молнии то и дело перечеркивали тяжелые облака. Ливень хлестал с прежней силой и яростью. И все же по каким-то неуловимым признакам чувствовалось, что самое страшное уже миновало. До конца бури было еще очень далеко, она могла продлиться не один день, то ослабевая, то усиливаясь вновь. Но все чаще и чаще наступали затишья — ураган, казалось, переводил дыхание.

Продержаться. Мало кто из них осмелился бы произнести вслух это слово, тонким лучиком надежды проникшее в их души. Они лишь следили за тем, что делали Гальдар и его напарник, и взгляды их из-под изъеденных солью век были лишены всякой выразительности.

К полудню начали переходить от одного к другому остатки провизии, хотя и пропитанные морской водой, но сдобренные очень крепким вином из бурдюка козлиной кожи. И тогда сквозь яростный свист ветра людям послышалось:

— Подкрепимся! А потом за починку!

Они ошеломленно переглянулись, прислушиваясь к этим словам с недоверием, а голос, наконец-то нормальный человеческий голос, срывавшийся на крик, продолжал призывать их:

— Чинить! Подкрепляться!

Эти слова принесли им какое-то странное облегчение. Они возвращали им разум, жизнь с ее нуждами, заботами, целями.

— Вычерпывай воду! — надрывался голос.

И они ценой невероятных усилий расправили скованные страхом, холодом и страданиями члены, поднялись, неверными шагами направились к щитам, закрывавшим проход в трюм, и начали отодвигать их.

Общее оживление не коснулось лишь Доры. Она неподвижно лежала в каюте на наваленных в беспорядке досках, голова ее покоилась на обломке мачты. Глаза походили на два темных провала. Тяжелые пряди волос беспомощно ниспадали на плечи. Лицо было мертвенно бледным. Напрасно Ош и вслед за ним Гальдар пытались заставить ее хоть что-нибудь съесть. Она отказывалась от всего, только чуть пригубила вино.

— Жить! — кричал Гальдар. — Жить!

Она только покачивала головой в знак покорности судьбе. Ведь Атлантида исчезла, и жизнь была ей теперь ни к чему, да и как можно было в этом аду жить? Огненная пелена вставала перед ее затравленным взглядом. Нестерпимая боль впивалась в хрупкое тело и заставляла его корчиться в конвульсиях. Ее разум помутился. Все мысли, все утраченные надежды растворялись в прекрасном небытии, заслонявшем от нее страшную действительность. А потом она возвращалась в реальный мир и видела склоненные над ней лица Оша и Гальдара. Кто они? Что им нужно от нее? Зачем они держат в руках эти молотки и черпаки? Что они говорят?.. Был когда-то город с Золотыми воротами, с дворцом, хранившим сокровища, накопленные пятьюдесятью поколениями королей, с белоснежной комнатой с белыми коврами и занавесями, в которой стояло ложе, инкрустированное перламутром и украшенное изображениями сирены и... кого-то еще... Беседующей с ней богини, с руками, полными разных плодов... А еще там был козел, увенчанный чем-то белым, у него были полусгнившие редкие зубы. Где он теперь? Прах его растворился в океане, смешался с грязью. Его скелет белеет среди разрушенных колонн, а вокруг лишь рыбы да моллюски. Да и все, жившие в том дворце, нынче своею умащенной благовониями плотью кормят обитателей морских глубин... Креветки, наверное, предпочитают глаза! А потом они обглодают губы, они ведь такие нежные и удивительно сладкие... Интересно, сохраняют ли губы вкус поцелуев?.. Раньше были наслаждения, любовь, неизъяснимый и такой желанный трепет, ко всему этому стремились, этого жаждали... Так много любовников было у принцессы, столь еще юной, что порой ее принимали за девочку-подростка... Что это была за принцесса?.. Был еще император с курчавыми волосами, толстогубый, громогласный... Чувственный и жестокий деспот... В нем сильно ощущалось мужское начало. Он любил забираться на самую высокую террасу и брал с собой

того самого козла. Там, наверху, император мог побыть простым смертным... Что случилось с ним?.. Корабли на море, синий плащ, вышитый трезубцами, венец Посейдона... Потом произошло что-то роковое и отвратительное... Но все еще было на месте, и на смену ночному кошмару должен был прийти день! И вновь из темноты вставала огненная завеса, она заслоняла горизонт, потом гасла и исчезала. И все снова погружалось во мрак... И мрак этот был бесконечен...

А корабль продолжал свой путь, скользя по темно-зеленой воде, словно под каменным сводом плотно пригнанных друг к другу облаков; точь-в-точь Дантова лодка с картины Делакруа. Его парус был залатан Ошем, обшивка и каюта кое-как починена, носовая фигура потеряла челюсть и гриву, и все же ее золотистый контур, выбеленный морской солью, рассекал волны.

На борту налаживалось некое подобие жизни. День и ночь надо было вычерпывать воду, готовить горячую пищу, следить за обстановкой. Ош и Гальдар сменяли друг друга у штурвала, по очереди управляли командой. Те, кто в данный момент не дежурил, спали на полу каюты. Ош предусмотрел все: еды было вдоволь, хотя морская вода слегка подпортила ее. Один день сменял другой, и скитальцы вновь обретали какую-то уверенность, скорбь уступала место радости, но люди не спешили выдавать ее, словно боясь прогневить богов излишним оптимизмом, звучавшим, как вызов судьбе, только-только начавшей разжимать свои цепкие объятия.

Дора все еще пребывала в забытии, погруженная в молчание. А если она все же соглашалась подняться, сделать несколько шагов по палубе и присесть на лавку, то Гальдар сразу же посылал кого-нибудь проследить, чтобы отчаяние не толкнуло ее на безрассудный поступок. Она отвергала все его попытки развеселить ее или поговорить с ней. Даже приблизиться к ней он не мог. Еще недавно она с нетерпением ждала ласки его рук, а потом благодарно целовала их, теперь же эти руки внушали ей ужас. И он сказал сам себе, что, наверное, лишь тело ее продолжало жить, а душа погибла вместе с Атлантидой, ушла вместе с ней под воду, была унесена в океанские глубины...

Однажды один из охранников спросил его: «Господин, ты действительно думаешь, что мы последние из атлантов?» При этих словах она залилась слезами, рот ее искривился, придав ее личику выражение несказанного страдания, а тело, бьющееся в судорогах, опрокинулось на свернутые в моток тросы.

— Господин, мы действительно последние оставшиеся в живых после гибели великой империи? Если это так, то куда мы держим путь? Ведь если Океан покрыл всю сушу, то куда же причалить?

Против этих настойчивых вопросов тоже надо было бороться! Ведь ответить на них можно было только смехотворными обещаниями и безрадостной ложью, их призрачная сладость исчезала при соприкосновении с горькой правдой. Общее наваждение овладело всеми, и часто дозорным чудились вдали то несуществующий остров, то приближающаяся призрачная эскадра.

А суши все не было, и непогода продолжалась, хотя случались иногда и просветы. Дни и ночи монотонно сменяли друг друга под непрестанные ливни и грозы. Тщетно пытался Ош понять по звездам, куда и как они плывут; комета исчезла, удалилась от планеты, но привела звезды в полный беспорядок; во всяком случае, видны они были под непривычным углом. Да и прояснения были так коротки! Луна, показавшись на миг, моментально затягивалась темным покрывалом туч; мерцающие звезды скрывались из вида.

Часто Гальдар спрашивал сам себя, откуда у них взялись силы для столь яростного сопротивления стихии? Он почти завидовал Доре и ее покорности судьбе. Когда его спрашивали: «Господин, скоро ли мы приплывем?» — он не пытался никого обнадеживать, предпочитая горькую правду сладкой лжи. Бывали моменты, когда он чувствовал в себе удивительную силу воли, но измученное тело уже не повиновалось разуму, и этот разлад огорчал его, прежде незнакомого с печалью, несмотря на перенесенные лишения и годы каторги. Теперь ему хотелось только уснуть и больше не просыпаться. Он смотрел на Дору,

распростертую на корабельных снастях, и удивлялся тому, как глубоко она волновала его когда-то и как долго удерживала его возле себя. Он был почти рад тому, что, помутившись рассудком, она перестала проявлять к нему навязчивую нежность, так тяготившую его. Это освобождение сделало его счастливым. Он говорил себе: «Только в этом заключается любовь!», не понимая, что этим облегчением он обязан не самому себе, а обычной физической усталости. Она же была причиной того сарказма, с которым он отныне восстанавливал в памяти цепь событий, приведших его на борт этого корабля, и все усилия, затраченные на то, чтобы остаться в живых.

Однажды вечером он отказался сменить Оша у штурвала, оттолкнул протянутую ему дежурным кашеваром плошку с едой и растянулся тут же на палубе под проливным дождем. Ош приказал перенести его в каюту. Его хотели напоить вином. Когда его приподняли, то при свете сигнальных огней стало видно, что его туника залита кровью. Его поспешно раздели, и кто-то сказал:

— Он покончил с собой!

На самом деле лишь открылись от воздействия соленой морской воды старые раны. Кровоточащие рубцы покрывали всю его спину, приобретшую мраморную расцветку от бесчисленных синяков и шелушащейся кожи. Сколько часов провел он на веслах, грудью встречая кинжальные удары ветра! Ош был не в лучшем состоянии, но, считая себя более крепким и выносливым, не позволял себе расслабляться.

Тем временем поднялась Дора. Бросив взгляд на исполосованные плечи Гальдара, она заметила лиловое клеймо в форме трезубца и указала на него пальцем. Она узнала и этот знак, и нанесенные ударами плашмя перекрещивающиеся раны... Каторжник!.. Доримас!.. Дважды Доримаса спасал каторжник... Его освободили от цепей... Против воли императора... Раб-любовник!

— Гальдар! — вскрикнула она. — О! Ты ли это? Ты ли?

Она касалась пальцами с грязными и обломанными ногтями этой влажной кожи, сморщенной в местах ранений, а ее побледневшие губы невнятно шептали что-то, похожее на жалобы, грустные и сладостные одновременно.

— Гальдар, не спи так... Я не хочу, чтобы ты спал! Мы же вместе...

Он пришел в себя лишь на следующий день; его разбудили радостные крики, несшиеся снаружи. Вставая, он поморщился от боли: туника присохла к его спине. Дора взяла его за руку. Он в растерянности смотрел на нее: она улыбалась!

— Иди! — сказала она.

Он вышел на палубу, прислонился к треугольному фронту каюты. У него дрожали колени. Вокруг него люди в остроконечных капюшонах безудержно хохотали, двое из них даже приплясывали, взявшись за руки, только его напарник стоял у штурвала.

— Смотри! — крикнул Ош. — На востоке!

Древний Океан дремал, как в старые добрые времена. Он выглядел умиротворенным. Лишь белые барашки волн пенились на его необъятной поверхности. В прорехи между облаками то там, то тут проглядывало солнце. И тогда он увидел. Он увидел! Охваченный волнением, он вцепился изъязвленными и гноящимися руками в борт. Огромная мерцающая радуга охватывала Океан от края до края.

— Дора! — позвал он. — Дора! Наконец-то! Мы спасены!

Выглянуло солнце. Оно медленно распускалось, как огромный, покачивающийся цветок кувшинки. Его лучи заплясали по зеленой воде, по потускневшему золоту скульптуры на носу корабля, осветили крышу каюты, разлохмаченные обломки палубы и двенадцать поднятых к светилу лиц.

— О Солнце, — говорил Ош, — прекрасное Солнце, владыка мира, наконец-то ты снова явило нам свой лик, божественное Солнце!

Но радость их была недолгой. Тревога вновь охватила их души:

— К чему это все, если нет суши!

— Смелее, друзья!

— Ты с самого начала повторяешь это. А что на самом деле? Кругом все море и море, ни островка, ни рифа, пристать некуда...

— Солнце вышло. Оно простило нас. Оно наш друг.

— Но где же земля?

— Чем ныть, лучше посмотри. Наклонись. Что ты видишь?

— Плавающие бревна, сгнившие ветки...

Человек расхохотался пронзительным истерическим смехом:

— И утопленники, совершенно зеленые... Утопленники... утопленники... Все мертво!

Вчетвером они помешали безумцу прыгнуть в воду, быстро связав его. Потом столпились вокруг неподвижного Гальдара. Ноздри его раздувались, как у скаковой лошади, а взгляд был неподвижно устремлен в какую-то точку на небе.

— Она приближается, приближается к нам!

Тесно прижавшись к нему, Дора спросила:

— Что ты видишь?.. Гальдар, я с тобой, отвечай!

С серых облаков слетела к ним птица. У нее были изогнутые и остроконечные крылья. Она порхнула над кораблем; затем спустилась прямо к нему, села на крышу каюты. Птица была белой. Она несла в клюве веточку с зеленым листком.

— Откуда ей взяться, как не с суши? — произнес Гальдар. — С суши, сохранившей зелень, а значит, не тронутой Океаном; суши, находящейся неподалеку, иначе у птицы не хватило бы сил.

Ош оставил штурвал, приблизился к птице и сказал:

— Это голубка, вернее, горлица, если я правильно помню; во всяком случае, она несет с собой мир и прощение. Завтра наша нога ступит на твердую землю. Я просто уверен в этом.

2

Берег состоял из острых, пестрых скал. Они, казалось, были искромсаны сабельными ударами. Приливы еще не укрыли их ковром водорослей, прибой не обкатал в гальку отбитые от них камни, не прогрыз в их теле полости, не создал в них свои архитектурные формы. Но на прямоугольные лбы прибрежных скал уже ниспадали пряди травы.

Ош повел корабль вдоль незнакомого берега в поисках подходящего для пристани места. Он знал, что малейший удар о подводный камень, простое соприкосновение киля с отмелью будет стоить жизни этой израненной скорлупке.

Он чувствовал, как дышит под его ногами его героический корабль, который он сам выбрал, обустроил, провел сквозь такой ураган, какого еще никогда не поднимал древний Океан. Ош физически ощущал трепет его живых тканей, игру его мышц, его жгучее желание удержаться на плаву!

Его натренированный слух улавливал самый тихий треск, распознавал его причину, значение, серьезность предполагаемой поломки. Он и сам во время этого памятного плавания превратился в корабль, обретя вновь свое чувство моря, былую ловкость, дерзость, обуздываемую осмотрительностью, — то самое качество, которое создавало ему репутацию отличного капитана, пока его не захватили в плен атланты. Даже во время своей молодости и славы он не мечтал о подобном подвиге: ему и в самом удивительном сне не могла присниться победа над такими трудностями!

Но в его простодушном сердце жила уверенность, что удачу принес не его опыт мореплавателя, а присутствие Гальдара. Он смиренно убеждал себя, что если бы Гальдар погиб в море, то утонул бы и корабль. Он верил в это всей душой. Несмотря ни на что, он считал Гальдара не лишенным титула наследником Верхних Земель, не наделенным необузданной смелостью гребцом, тем более не рабом, сбросившим ярмо неволи, но неспособным освободиться от чар Доры; он был о нем иного мнения. Иного! Для него он

был необходимым звеном цепи, которая не должна была разорваться, потому что так решили боги. Он считал, что даже самый ничтожный человек несет в себе частицу божественного огня. В Гальдаре же, по его мнению, эта искра полыхала особенно ярко. Он мог притворяться простым смертным, придавать своему телу большее значение, чем своей душе, поддаваться обычным искушениям, но пасть он не мог. В любой ситуации он продолжал быть тем, чем он был по велению богов. Ни продажность придворных, ни наслаждения, которые дарил ему Дора, ни этот период беспамятства, когда он, казалось, был подвластен только чувствам, не смогли заставить его опуститься, и сердце его было чуждо разврата. Кроме того, небесный владыка сделал его сильным, ниспослав на него такие испытания. Всем этим и объяснялась твердая уверенность Оша в удачном исходе их путешествия.

Кроны деревьев бросали круглые тени на травы. Из-за скал появились чайки. Они окружили корабль, крича и хлопая крыльями. Они оценили его, обмерили со всех сторон и, наконец, удовлетворив свое любопытство, всей стаей опустились на него. Присутствие людей нисколько не пугало их, некоторые из них даже садились путешественникам на плечи. Всё: носовая скульптура, крыша каюты, корма, сундуки, якорная цепь, мачта, рея — было покрыто белой шевелящейся массой, среди которой мелькали черные капюшоны. Корабль превратился в белое соцветие. Таким, празднично украшенным, его и увидело выбравшееся из-за туч солнце...

Так он плыл до бухты, указанной ему богами; эта бухта образовалась из недавно затопленной, тихой, извилистой долины. Те, кто заметил корабль с высоты горных пастбищ, решили, что плывет он из дальних северных стран и потому покрыт льдом. На всякий случай они протрубили в бычьи рога сигнал тревоги. Мужчины и женщины из прибрежной деревни собрались вокруг бородатого человека. Но Гальдар и его товарищи смотрели не на них, а на густые ветви деревьев, сливающиеся в темную плотную массу, из которой, прорезая небо, торчали во все стороны верхние побеги.

— Какое сейчас время года? — недоумевали путешественники. — Сколько недель мы плавали?

— Когда мы покинули Посейдонис, было самое начало осени.

— А здесь зима.

— На деревьях ни листика!

— А ведь птица несла в клюве зеленый листок.

— Это был листок самшита.

— Или он был из небесных садов! Там ведь не бывает ни зимы, ни осени!

— Я не вижу здесь ни одного апельсинового дерева.

— И кедров нет.

— Ни единого драконова дерева⁶. Как же они бальзамируют своих мертвецов?

— А кто забальзамирует наших? Океан уничтожил их дважды; они уже никогда не оживут.

— Хорошо, что у них есть лошади и коровы, — сказал повар. — В мясе нехватки у нас не будет.

— Я еще вижу стадо розовых свиней. Уж не надеялся вновь увидеть что-нибудь подобное...

— А в этом лесу должно водиться много дичи, ловушек наставим. Я всегда любил охоту.

Лишь потом они обратили внимание на бревенчатые фасады, на соломенные крыши, из-под которых курился желтоватый дымок. Население деревни сгрудилось вокруг бородатого вождя и воинов. Наступила многозначительная тишина. Был слышен лишь плеск воды о борта. Открывшаяся их взорам картина внушала одновременно и опасения, и радость.

⁶ *Dracena draco*, эндемик Канарских островов, смолой этого дерева бальзамировали умерших.

Жители деревни совсем не походили на атлантов; они были всего лишь варварами. Какой-то прием они им окажут?

— Спустить паруса! — скомандовал Ош.

Он подумал: «Это не мореплаватели, это обитатели суши; у них и пристани-то приличной нет».

— Застегни доспехи, — посоветовала Дора, — я помогу тебе. И пусть телохранители не забудут взять оружие и окружают нас. Нужно сразу показать им свою силу!

— Но ведь у нас мирные намерения!

— Ты хочешь вновь стать рабом и чтобы я стала рабыней?

Он понял, что королевский нрав вернулся к ней, что она выздоровела. И, надевая кольчугу из порыжевшего металла, он любовался этим хрупким существом, которое через все испытания пронесло такую волю к власти.

— Надень шлем, — сказала она. — Он принадлежал моему отцу. Это все, что мне от него осталось. Я дарю его тебе... Ах, Гальдар! Так ты мне гораздо больше нравишься. Ты стал самим собой. Будь уверенней, пожалуйста.

— Я никогда не отчаивался, кроме одного дня.

— Перед нами открывается новая жизнь, она будет лучше прежней, ведь ничто не будет разделять нас.

Он спрашивал сам себя, говорит ли она искренно или только притворяется; действительно ли из этой очаровательной, непостижимой головки уже выветрились все воспоминания о катастрофе; сможет ли она на самом деле приспособиться к этой «новой жизни», о которой она мечтала, к жизни, сулящей, скорее всего, бедность и прозаические, унижительные для нее домашние хлопоты?

Варвары без тени удивления наблюдали за тем, как высадился на берег чужеземец в золотом шлеме и черных доспехах, украшенных на груди изображением солнца с человеческим лицом и двух морских коньков по бокам; за сопровождавшей его женщиной в голубой тунике, расшитой трезубцами, за людьми с забралами из перьев. Ош и три матроса остались на корабле. Вождь сделал шаг по направлению к ним. Его рогатый шлем был отделан мехом, скрывающим лицо. Резким голосом он произнес:

— Добро пожаловать. Кто вы? Откуда вы плывете?

Он говорил на смеси языка атлантов и еще какого-то диалекта.

— Вы плывете из утонувшего города? — снова спросил он.

— Да, после нескольких недель шторма.

— На этом большом судне? Оно смогло пересечь разгневанный Океан?

— Да, господин.

— Почему ты называешь его господином? — прошептала Дора, но Гальдар не ответил ей.

— А большой город действительно затонул?

— Боюсь, что да.

Дора ущипнула его за руку.

— А это кто такая?

— Наследная принцесса Атлантиды, — выпрямившись, ответила она.

— Наследная?

— Если хочешь, царица Атлантиды.

— А что, атланты повиновались женщине?

— А перед этим — моему отцу, императору, — сказала Дора.

— Ноду?

— Да.

— Говорят, что он погиб в одном из южных морей, куда повел свой флот.

— Кто говорит это?

— Путешественники, бывающие в наших местах, купцы и другие, знающие это с

чужих слов. Все это было до шторма. Входите же в мой дом. Вы мои гости.

Деревня состояла из сотни круглых хижин с коническими крышами.

— Нам очень повезло, — объяснял вождь. — На этом холме мы находим множество деревьев, когда-то обугленных огнем из земных глубин. Поэтому холод нам не страшен.

Его жилище почти не отличалось от других, разве что оно было чуть просторнее, а вход в него украшен плитами, отделанными грубой резьбой. К дверному косяку были прибиты три черепа.

— Те, кого я победил в бою один на один. Достойные люди. Я еще расскажу тебе о них, времени у нас много.

Внутри было темно, как в пещере, хотя горели смоляные свечи и горел очаг, освещавший помещение неверными бликами. Пол был вымощен плоскими камнями. Из мебели были только сундуки, стол, окруженный деревянными чурбаками, и нечто вроде трона с украшенной ракушками спинкой: бородатый властелин уселся на него с важностью, которая при других обстоятельствах показалась бы комичной.

— Садитесь! — сказал он, сопровождая свои слова жестом монарха, приглашающего приближенных на пир для избранных.

— ...Итак, ты сопровождаешь царицу своей страны, и твоя смелость спасла ее от морских волн?

— Не только моя.

— И вы потерпели кораблекрушение, ведь море всегда сильнее человека. Знаешь, я тоже был царем, но теперь мое царство уменьшилось до размеров этой деревни.

— Твой город поглотило море?

— Нет, царица, раз уж я должен так тебя величать. Люди из твоего народа сначала забрали его у меня и поселились там сами. Давно это было.

— Что это был за город? — спросила Дора.

— Здесь женщины уступают слово мужчинам. Они прислуживают им. Мои дочери моют посуду и пекут хлеб; а в ваших краях они могли бы быть царицами. Ты привыкнешь. Не надейся снова найти свою Атлантиду, она на дне морском. В эту ночь вода поглотила и другие земли и города. Послушай-ка ты, молчун, — за это ты мне и нравишься! — послушай-ка: за одну ночь море сожрало сто селений в этой местности. Все, что оставалось мне от моего бывшего царства. Все исчезло под зелеными потоками: дома, люди, леса, порты, крепости. Все! Такова была воля богов. Периодически они отмывают землю от скопившегося на ней человеческого жира.

— Но они сохраняют жизнь избранным.

— Возможно. Некоторые цари выжили, как и я. Их кони оказались резвее морской пены. Со мной по соседству живет один из них: он был в милости у атлантов, бывал на большом острове, подписывал договор о взаимопомощи, его зовут Граллон. А я — Орик. Граллон живет в лесу, который никому не принадлежит: считается, что в нем водятся белые духи и демоны, но днем там безопасно, и, если захочешь, я отведу тебя к нему. Если только ты не решишь остаться в моей деревне. Я возьму тебя в солдаты, если ты умеешь сражаться, а она станет твоей женой.

Дора попыталась возразить, но он прервал ее:

— Молчи! У тебя нет ни пяди земли, которая принадлежала бы тебе, значит, ты больше не царица, а обыкновенная женщина! А тебе, — обратился он к Гальдару, — если примешь мое предложение, я позволю сохранить оружие в память о твоей стране. Я дам вам соломы и леса для строительства домов. Вы получите топливо и съестные припасы на зиму. Что скажешь?

— Благодарю тебя за гостеприимство. Но, господин Орик, со мной мои товарищи.

— Мне подходят и солдаты в перьях. Раньше у меня была армия. Твои соотечественники лишили меня ее. Моих солдат продали, заковали в цепи... Как ты поблбднел!

— Устал с дороги!

— Подкрепимся-ка как следует!

Он хлопнул в ладоши. Появились его дочери со светлыми косами, одетые в скромные туники землистого цвета. Они принесли кувшины, корзины. Одна из них раздула огонь. Поцеловав отцовскую руку, они выскользнули из комнаты.

— Я и твоих моряков возьму. Они смогут вести нас к берегу напрямик, это позволит нам не тратить время на дорогу в обход. Они будут ловить рыбу. Я уже так давно не ел рыбы! Мои земледельцы и пастухи простого крючка не могут соорудить. До урагана здесь в долине тек ручеек, в котором жили змеи и лягушки. Теперь на его месте — озеро, соединенное с морем! Видишь, достойный чужестранец, все налаживается. Но я слишком много говорю. Твоя очередь! Расскажи по порядку, что с вами случилось, и попробуй этого напитка: он прочистит тебе горло. Ну, не чудесен ли он?

Гальдару больше хотелось бы напиться обычной воды.

Когда они с Дорой остались одни в хижине, предназначенной Ориком для них, то задули свечи и улеглись на нары, устланные папоротником; они не осмеливались ни поговорить, ни обнять друг друга. Сначала Гальдар предложил ей устроиться на ночь вместе с остальными в соседней хижине или с теми, кто стерег корабль. Дора прильнула к его груди, как тогда, в Посейдонисе, когда они встретились в их белой комнате. Но этот порыв не имел продолжения. И теперь Гальдар безотчетно боялся дотронуться до нее, и, чтобы отстраниться от нее как можно дальше, он совсем прижался к перегородке. Плохо пригнанные бревна усугубляли боль от ран. Эта жгучая боль в то же время приносила ему какое-то облегчение: она была ему послана в наказание неизвестно за что, скорее всего, за то, что он оказался здесь. Но он все же надеялся, что Дора, пролившая столько слез, скоро утешится. Он думал, что немного взаимной ласки поможет ей совсем успокоиться, и с нетерпением ждал ее первого вздоха. Тогда он с любовью положит руку ей под голову, спрячет это вымокшее от слез личико у себя на плече. Он найдет для нее слова утешения, отыщет повод к радости: еще вчера, на борту корабля, они и не надеялись, что встретят бухту, а сегодня они отдыхали в этой хижине. Все еще могло измениться за один день, удача, так долго скрывавшая от них свой лик, еще может повернуться к ним лицом. Можно быть уверенным лишь в одном: на этих жалких холмах уже не восстановить дворец императоров страны атлантов. Значит, придется приспособить для жилья эти деревянные дома, и чем быстрее, тем лучше. Вот, что он собирался сказать. Он наклонился над маленьким личиком, казавшимся в черной массе папоротников серым пятном с двумя темными провалами глаз.

— Дора, — прошептал он.

Он уже не мог больше ждать. Но вместо вздоха из плотно сжатых губ вырвался и хлестнул его резкий вопрос:

— Ты доволен собой?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты славно потрудился! Поздравляю. Подумать только, я имела глупость подарить тебе этот шлем.

— Возьми его назад.

— Этот варвар предлагает тебе место, и ты с радостью соглашаешься.

— У меня не было выбора.

— Ты должен был слушать меня и с самого начала разговора поставить этого человека на колени, чтобы он тебе руки целовал.

— Нас убили бы!

— Откуда ты знаешь? Вместо этого ты снисходительно все это выслушиваешь, принимаешь всерьез этого царька, выгнанного со своих земель, какого-то главаря банды, жалкого, нелепого...

— Но щедрого и человеческого!

— Это все твоя рабская сущность, ухватки каторжника, охочего до подачек, зарабатывающего двойную порцию похлебки.

— Потихе.

— С каких это пор ты командуешь?

— С тех пор, как мы уплыли из Посейдониса, или ты забыла? И не кричи так.

— Почему?

— Нас могут подслушивать.

— Ты еще и трус, ты же трус, иначе ты бы поставил этого дикаря на место; так нет же, ты спокойно слушаешь, как он меня оскорбляет, тебя это забавляет!.. Ты что, мечтаешь о нужде и рабстве? Так знай же, что из меня ты никогда не сделаешь служанку! Я не буду жарить тебе мясо. Я не стану разжигать твой очаг. Я не хочу подавать тебе кувшины и блюда, как дочери Орика!

— Я и не прошу тебя об этом.

— Я Дора, дочь Нода, наследная принцесса Атлантиды, империи...

— Которой, увы, больше не существует...

— Не все наши колонии поглотило море. В путь, немедленно!

— Корабль не в состоянии держаться на воде. Чтобы восстановить его, понадобится не один месяц. А в империи повсюду готовились мятежи, ты разве не знаешь? Колонии больше не хотят вам повиноваться. Даже если они существуют, там уже давно перебиты губернаторы, начальники гарнизонов, богатые купцы, восставшие не упустили бы такую возможность.

Молчание. И затем:

— Ты действительно хочешь, чтобы я была с тобой? Хочешь? Тогда не дай случившемуся зайти слишком далеко. Воспользуйся тем, что этот дурак доверяет тебе. Незадолго до восхода солнца собери своих людей, захвати стражу врасплох и перережь этому старому дурню горло.

— Нет! Ты уже будешь вождем. Им придется покориться. Да и потом, кто знает, хороший ли Орик хозяин и любят ли его.

— Я не хочу злоупотреблять его доверием. Я не переступлю через предложенную мне дружбу.

— И ты еще воображаешь себя военачальником, хозяином Верхних Земель! Тебе надо было стать священником, жить в воздержании, умерщвлять свою плоть, помогать твоим любимым беднякам. Тебя бы считали святым. Но ты здесь, Гальдар. Мы лежим нога к ноге, и ты ждешь, что я доставлю тебе удовольствие, а я тебе в нем отказываю! И запомни: пока ты не станешь хозяином этой деревни, я твоей не буду.

Он был оглушен. У него шумело в голове. Он уже не различал бледного пятна на ложе из папоротника.

— После этой деревни тебе захочется получить еще одну, а потом и всю страну.

— Возможно.

— Но, Дора, разве не может быть другой жизни? Жизни, состоящей из маленьких, но ежедневных радостей? Ты ведь так хотела этого там, в Посейдонисе, когда на тебя давили царские почести.

— А теперь я здесь, и всё, чего мне хочется, это чтобы у меня были внимательные и расторопные слуги, двор, пусть состоящий из варваров, кровать, а не собачья подстилка, и дворец, пусть хоть из бревен! Молчишь?

— Благодарю тебя. Ты мне раскрыла свою истинную сущность, все остальное — ложь, даже этот детский голосок, которым ты иногда говоришь со мной.

— Замолчи!

— Эти ужасные лишения, эта кара богов, смерть, ходившая под боком, — все это тебя ничему не научило, не затронуло твоей сути. Ты пугаешь меня своей жесткостью... Не волнуйся, завтра я попрошу Орика отвести нас к этому королю Граллону, любезному атлантам, и пусть будет что будет.

Он долго лежал в темноте с открытыми глазами, слушал крики птиц, снова и снова переживая свалившееся на него горе. Он думал, что Дора уже уснула, но вдруг он почувствовал ее губы на своих губах и прикосновение ее рук, робко ласкавших его.

— Прости, — всхлипнула она. — Я прошу тебя. Я была жестока и несправедлива. Но я знала, что ты все поймешь... Если хочешь... я буду твоей.

— Нет.

И он повернулся лицом к перегородке.

3

На фоне розового неба переплетающиеся колючие ветви казались черными. Скопление острых, как копыя, веток. Как наконечники стрел, выстроившиеся в ряд. Солнце с трудом пробивалось сквозь эту толщу, в которой выделялась лишь дерзкая кучка дубов. Дубы уходили корнями величиной с человека глубоко в мшистую, губчатую почву. Их ветви, обсыпанные вороньими гнездами и пучками омелы, сердито топорщились над изгибами и дуплами стволов и над их складчатой корой. Их узловатая кора, ветви, похожие на скрюченные конечности, открытые раны, в которых копошились рыжие муравьи, дупла, населенные осами или белками, — все это таило некую напряженность; эта ложная неподвижность, обманчивый покой, казалось, были ошкетинены тысячами трепещущих усиков и скрывали необъяснимую угрозу. Эти деревья были не просто скоплением увлажненных смолой клеток, пучком волокон, объединенных многовековым сосуществованием и молчаливыми тайными поединками; они жили своей жизнью. Осень оголила их, превратила в скелеты, ни одно дуновение ветерка не шевелило их ветви, но в них ощущалось чье-то назойливое присутствие. Как будто некое враждебное волшебное существо скрывалось в их кронах. Люди, жившие на опушке этого леса, уверяли, что в безлунные ночи деревья ходят и разговаривают. Еще они рассказывали, что над кронами деревьев часто можно было видеть оскаленную морду гигантского зверя, а в некоторых местах водились летучие мыши с загнутыми клювами и крыльями длиннее, чем у орла, птицы-вампиры, ящерица, которая, стоя на задних лапах, была выше дома, морской змей, таскавший баранов с пастбищ и не боявшийся нападать даже на быков, отбившихся от стада. Никто не осмеливался зайти в этот лес слишком далеко, а те, кто все же рискнул сделать это, не вернулись назад.

Здесь царь Граллон и нашел себе убежище. В самых дебрях «леса на ходулях» он построил крепость для себя и тех своих придворных, кому удалось спастись. Ему повезло больше, чем Орику, в его владения входила просторная, плодородная равнина и несколько деревень, плативших дань.

Зал, в котором он принял Дору и Гальдара, можно было бы даже назвать изысканным, во всяком случае, он был не такого плебейского вида, как логово бородатого вождя, а обставлен с оттенком воинственности. Его украшали связанные в пучки пики и щиты, расписанные яркими красками. Кружки были отлиты из олова, а не вылеплены из грубой глины. В деревянных подсвечниках горело шесть больших свечей. К столу подавали не мерзкое пойло из меда, разбавленного водой, как у Орика, а настоящее вино. Граллон носил тунику из шелковистой материи, а не из потертой шерсти. Его пояс был сделан из золота, а не из облупившейся кожи, кое-как залатанной пенькой. Его широкий лоб был охвачен обручем из эмалированного металла. Редкая борода была тщательно расчесана. Цвет его глаз напоминал лесные незабудки.

— Ну нет, — рычал он, — не верю и не желаю верить. Ненавижу вранье. А ваш рассказ так и сочится ложью. Вы нагло обманываете меня.

— К чему нам тебя обманывать, Граллон?

Волосы обрамляли его лицо, как светлая львиная грива, а приятного тембра голос звучал весомо и значительно.

— Откуда мне знать? Мой вам совет, чужестранцы: пока вы у меня в гостях, ничего плохого с вами случиться не может, но не слишком задерживайтесь, уходите скорей из моих владений, иначе вас ждут здесь большие неприятности.

— Царь Граллон, в нашем рассказе все чистая правда.

— Океан никого не щадит, и для принцев он тоже не делает исключений. Как же выстояло ваше несчастное суденышко? Стихия должна была сожрать, разломать его, как щепку. Или вы тени из царства мертвых? Ну, отвечайте, может, вы действительно тени?

— Я повторяю тебе, что я Дора, дочь божественного императора Нода и волей отца наследная принцесса Атлантиды.

— Ни один император не может быть божественным, девочка. И ни один царь! Я знаю, что ты лжешь, ведь я знал твоего отца; он был слишком умен, чтобы лишать богов их собственных титулов.

— Если ты знал моего отца, неужели ты не помнишь Дору? Когда ты был в Посейдонисе?

— Десять лет тому назад. Во время роскошных празднеств, после которых мы возобновили наш союзный договор.

— Ну, спроси меня что-нибудь о Посейдонисе, о дворце! Можешь спросить об особенностях той или иной залы...

— Ты могла быть прислужницей или даже наложницей.

От нанесенного оскорбления она поledenела, но совладала с собой:

— Тогда спроси меня, о чем говорилось в договоре, который ты подписал. Я могу по памяти перечислить выгоды, которые он тебе сулил и уступки, на которые ты пошел; сказать, сколько кораблей, людей и повозок ты обязывался поставлять нам ежегодно, какую дань ты должен был платить и в какие сроки.

— Ну, хорошо! Говори...

Но, выслушав ее, он пришел в необъяснимую ярость и вскричал:

— Пускай ты Дора, наследная принцесса погибшей Атлантиды, но это ничего не меняет: убирайся отсюда сейчас же, или я позову стражу! И не возражай, ты оскорбляешь меня одним своим присутствием.

— Но ведь ты сам говорил, что был другом моего отца!

— Я им и остаюсь, а ты поди прочь. Тебе этого не понять.

— Извинись по крайней мере.

— Извиняться? Ты такая же, как она! Клубок змей, супруга дьявола! Закрой рот, твое дыхание зловонно! Ты несешь несчастье! Новые несчастья! А я уже начал забывать. Вон!

— Забывать?

— Не тебя! Другую! Но, увы! Вы все одинаковы!

Неожиданно он успокоился, несколько раз вздохнул и закрыл глаза, как будто ему было нестерпимо трудно видеть перед собой Дору. Его веки были коричневыми и морщинистыми, как у льва. По его лицу текли крупные слезы.

— Я обретал покой! После стольких неудачных лет я наслаждался долгожданным спокойствием! Я жил в дружбе со зверями и не боялся сумерек. И вот появляешься ты, демон в женском обличье. Чего ты хочешь?

— Убежища.

— Клянусь тебе, я не имею права предоставить тебе его. Не гневайся. Я еще не оправился от своего горя. Оно терзает меня, как вороны падаль... Да будет тебе известно, что царь Граллон не всегда был таким, как сейчас! Он правил городом Ис, давным-давно построенным атлантами. И еще у него была дочь по имени Дайю. Но ни город, ни Дайю не повиновались Граллону, поскольку у них был иной повелитель...

Так вот, что погружало его в думы, заставляя разговаривать с самим собой даже в присутствии гостей, самому бередить и без того мучившую его рану:

— Дайю была дочерью порока, но я обожал ее. Было что-то ненормальное в том, как я любил эту свою ошибку! Она была мне живым упреком. Ходили слухи, что она была плодом моей любви к дочери морского царя и родилась во время моего путешествия в Южные моря. На самом деле ее мать была из народа атлантов. Я думал, что я по своей воле похитил ее из Посейдониса, на самом же деле она чем-то приворожила меня. Бесово отродье с глазами спрута. Есть ли где-нибудь еще такие же глаза, одновременно нежные и жестокие? Она была

настолько развратна от природы, что одно лишь воспоминание о ней до сих пор приводит меня в содрогание... Будучи королевой Иса, она переодевалась служанкой, выходила по ночам из дворца и шаталась по тавернам. Я так любил ее, что прощал ей эту недостойную слабость. Страшно даже вспоминать это время!.. Однажды утром она не вернулась. Я узнал, что она сбежала с матросами. Она оставила мне Дайю. Но и Дайю недолго хранила прелесть девичьей чистоты: да что там, она была лишена ее уже с детства. И она тоже стала менять любовников, тоже таскалась по тавернам и отдавалась матросам. И она, бесово отродье, тоже умела вымаливать у меня прощение...

Неожиданно Гальдар бросил на Дору взгляд, полный мучительной боли, а Граллон тем временем продолжал разматывать нить своего повествования, и глаза его были полузакрыты:

— Трудно описать словами мое отчаяние, когда я осознал, что она, как и ее мать, была одержима силами тьмы и что ее власть была больше моей! Постепенно город Ис стал меняться и вскоре превратился в средоточие праздности и сладострастия, трудолюбие уступило место поиску наслаждений. Даже стража забросила свою службу, часовые сбегали со своих постов в таверны. А тем временем увеличилось число дурных предзнаменований. И чем больше наши души увязали в пороке, тем выше поднималось море за защитными плотинами... Страшно было предвидеть это и не иметь возможности предупредить об опасности!..

И наступила та страшная ночь, когда Океан разрушил ограждения и смысл богатые дома, а у меня хватило времени лишь на то, чтобы вскочить на коня, за мной следовали мои придворные, мудрецы, немногие из оставшихся верных мне людей. Позади себя на круп своего коня я посадил Дайю. Ее руки обхватили меня за пояс! Ее белоснежные руки! Вода доходила нам до ступней. Пена захлестывала наших скакунов. И вдруг сквозь шум грозы я услышал голос: «Царь Граллон, избавься от своего греха, или ты умрешь!» Я не мог этого сделать. Меня хлестали по щекам ее волосы, еще надушенные и теплые, несмотря на ледяной ветер! Когда-то, зарывшись в такие же волосы ее матери, я засыпал, как волк в своей норе, прячась от собственного лицемерия и трусости! Это были волшебные волосы, я уверен! Женские волосы опасны! Они таят в себе неведомые чары... Кое-кто кричал мне: «Брось ее! Сжался, Граллон!» Пена уже доходила нам до коленей. Волны уносили наших лошадей, которые ржали и бились от страха. «Избавься! — все громче и громче повторял голос. — Избавься от своего греха!» Но белые руки крепко держались за меня. «Брось! Брось!» — кричали все. Вода окружала нас со всех сторон. «Брось! Брось ее, безумец, у тебя за спиной сидит твоя погибель!» Я обернулся и увидел, что на нас надвигается огромный вал. Только тогда разомкнул я живой пояс, охватывавший меня... Вот этими руками, которые вы видите перед собой, я сорвал Дайю с лошади и столкнул ее в холодную воду. Потом нас подхватила волна, но тут мы почувствовали ногами сушу. Волосы Дайю все еще развевались вдалеке. Я видел их сквозь пену. И я видел, как ее рот кривился в крике! А потом мы попали в эти края, и с тех пор я поселился в этом лесу... Город Ис покоится на дне моря со всеми своими дворцами и башнями. Говорят, что по ночам над морем слышатся разудалая музыка и хохот, в котором слышится боль... Это Дайю отплясывает со своими любовниками... А шум, звучащий над морем, — это стоны их сладострастных душ: им жаль утраченных наслаждений!.. Но о чем жалею я в этом дремучем лесу? Что оплакиваю? Часто и с моих губ срывается шепот; это память о моей молодости, не желающая умирать...

Вдруг его глаза налились кровью:

— Дайю, ее мать и ты — это все одна и та же женщина, одна и та же безжалостная порода! Вы пожираете людей, города, царства! Добродетель вам ненавистна! Вы живете, задыхаясь от хохота! Хозяин ждет вас! Царь тьмы, повелитель змей, чудищ и гадов... Я видел его в нашем лесу... У него голова величиной с гору, и гадюки выползают у него изо рта; они падают на деревья и обвивают их ветви... Вот твой хозяин, наследная принцесса! Его и проси о помощи, ведь это его рук дело. Он тебе не откажет. Ты усердно любила его. Пусть тебе посочувствует он, а не несчастный Граллон, его жертва...

Он угрожающе сжал кулаки:

— У бедного царя Граллона нет другого оружия против порока... Видишь эти пальцы? Они схватили бесовку за горло и за руки. Она канула в море, но она смеялась над смертью... смеялась!..

Дора не выдержала, она встала и воскликнула:

— Старый шут! Неверный союзник! Я освобождаю тебя от своего присутствия.

— Да воздастся тебе за это. Пойми, это сходство невыносимо!

— Фигляр! Скряга! Уж я тебе это попомню, не сомневайся!..

Но, выйдя из деревянного дворца и оказавшись в темном лесу, наполненном фырканием зверей, треском коры и хлопанием невидимых крыльев, она сказала:

— Ко всем прочим несчастьям, боги поразили правителей безумием. Граллон — сумасшедший. Да и Орик со своими патриархальными устоями не лучше. А я еще безумней остальных, потому что верю в невозможное... Как Граллон не забыл о водяной стене, так и я не забыла об огненной. А ты, Гальдар?

— Мне нечего было терять, кроме собственной жизни, а она, как я заметил, немногого стоит.

— Не говори так. Разве тебе не жаль нашей белой комнаты, ночных садов? О, Гальдар, как близки тогда были звезды! Как мирно плескалась морская вода!.. Ты думаешь, Атлантида погибла безвозвратно?

— Так же безвозвратно, как человек, унесенный смертью.

— Граллон был нашей последней надеждой.

— Может, и не последней.

— Что с нами станет?

— Ты же знаешь, ты сама это сказала: судьба может когда-нибудь стать к нам благосклонней. Надо лишь покориться, приспособиться...

В ответ он услышал лишь рыдания и несколько раз повторенное:

— Не смогу... Не смогу...

И снова ее затрясло, как тогда, на корабле. Но она смогла взять себя в руки, ведь за ней пристально следили дикари в рогатых шлемах.

4

Размалывать пшеничные зерна двумя тяжелыми круглыми жерновами, месить тесто, печь хлеб, разжигать огонь, стирать, мыть посуду, чинить изношенную одежду, прясть шерсть, рожать детей, воспитывать их, обслуживать и чтить деспота-мужа, терпеть его грубость, изображать радость по случаю его возвращения — такова была доля деревенских женщин. А жены пастухов и земледельцев должны были еще и помогать в сельскохозяйственных работах. Большинство из них, родившихся в убогих хижинах, понятия не имели о том, что творится за пределами леса. Они знали лишь эту долину, недавно превращенную в озеро, да эти соломенные крыши. Мыло, которое они сами делали, омолаживало волосы, и даже древние старухи щеголяли роскошными шевелюрами. Одежды и украшения Доры вызывали у них детский восторг. Они, никогда не видевшие ничего подобного, осторожно дотрагивались до этих драгоценностей, не веря своим глазам. В результате произошло несколько семейных сцен. Мужчины пожаловались Орику. Тот потребовал, чтобы «жена» Гальдара одевалась отныне, «как все остальные», и прислал ей тканую тунику, крашенную и сшитую его дочерьми, с приказом надеть ее немедленно.

И снова Дора начала упрашивать Гальдара уехать. Но куда? Зима обещала быть суровой. Корабль протекал: Ош вытащил его на берег и пытался починить, но работа совсем не продвигалась.

— Можно было бы купить лошадей и двинуться вглубь страны, рассуждал Гальдар. — Но что мы там найдем? Тех же варваров, даже еще хуже, они ведь языка-то нашего знать не будут.

За неимением лучшего решения, они решили дожидаться весны.

Сперва Дора была покладистой; она согласилась готовить пищу. Гальдар был этому так счастлив, что с трудом скрывал свою радость. Но вскоре ей наскучило это занятие, и она вновь стала молчаливой, отказывалась вставать с постели или часами сидела, скорчившись у очага, неподвижно и затравленно глядя на горящие угли. Тогда Гальдар стал тайком сам подметать хижину, жарить заработанные куски мяса и рыбу, выловленную в озере Ошем и его матросами. Но Дора часто отказывалась даже пробовать эту вульгарную пищу, и Гальдар снова уходил нести службу при Орике, который сохранил к нему дружеское отношение, хотя к нему примешивалась доля язвительности.

— Если твоя жена в печали, есть одно лекарство. Сделай ей ребенка. Начнет с ним нянчиться, и хорошее настроение вернется к ней. Заметь, в деревне две трети женщин круглы, что твои кобылки. Или, может, странник, ты плохой жеребец?

Очень мягко и осторожно Гальдар передал эти слова Доре.

— Ребенок от тебя?! — вскричала она.

— Он, конечно же, будет похож на тебя.

— Ребенок от тебя?!

Она расхохоталась, и смех ее походил на смех ее отца.

— Ну, конечно, наследница империи атлантов не может родить от раба, от каторжника! Я ведь гожусь лишь для удовольствий, не так ли?

— Ты подумал о том, что ждет этого несчастного? Если будет девочка, то она станет служанкой одного из этих дикарей! Мальчик — одним из охранников Орика или свинопасом... Нет, Гальдар. Раз уж все потеряно безвозвратно, то пусть мой род на мне и закончится. Уже недолго осталось. Меня убивает этот климат... И тогда ты освободишься и женишься на одной из этих рыжух и будешь плодить детей, сколько угодно.

— Дора! Я здесь лишь затем, чтобы защищать тебя.

— Потому что ты приспосабливаешься к этому существованию, к этой норе! Но вдохни этот запах земли, жнивья, запущенных животных! Мужчины и женщины паршивеют в этой грязи. А этот диалект! Через год и мы на нем заговорим, забыв прекрасный язык Посейдониса.

— Может, это к лучшему.

— Нет, это будет означать наше бесповоротное падение, а я не признаю этого. Лучше умереть!

Внезапно голос ее смягчился, зазвучал тише.

— Возможно, скоро я отдам тебе приказ. Обещай исполнить его во что бы то ни стало.

— Я догадываюсь, что это за приказ.

— Исполни его, я прошу тебя об этом, как о милости, в память о нашей любви.

— Поскольку она для тебя тоже уже ничего не значит?

— Поскольку ты последний, кто признает меня принцессой, прислушивается к моим словам и повинуется мне... Когда я прикажу вонзить мне нож вот сюда, одним ударом, во время сна, чтобы я не мучилась...

— Тебя признают и другие: Ош, охранники. Если б ты имела хоть каплю терпения и веры в судьбу!

— Тогда не удивляйся, если я сделаю это сама. Я знаю, куда нужно ударить: сюда, между ребер, под грудь, и я умру с ненавистью к тебе.

— У тебя не хватит ни сил, ни смелости это сделать.

— Так ты меня еще и презираешь? Считаешь слабой женщиной?

— Я видел, как кончали с собой каторжники, но они не выдерживали лишений, они уже испили до дна чашу страданий: нам же до этого далеко!

— Тебе — может быть! По сравнению с твоей скамьей гребца эта хижина просто дворец. Но в Атлантиде даже у самого бедного рыбака был свой каменный дом.

— Только не у моих людей из Верхних Земель! Они-то жили в пещерах. И, кроме солдат твоего отца, сборщиков налогов и работорговцев, к ним никто не приезжал. И они возблагодарили бы небо, окажись здесь.

Так шли месяцы. Дождь, снег, гололед, пустые споры, обманчивые примирения, недоброе молчание! Гальдар продолжал жарить мясо и рыбу, тайком ходил к колодцу, просил какую-нибудь сговорчивую соседку постирать белье, стараясь не потерять при этом своего лица. Но Орика трудно было провести. Он говорил:

— Ты не умеешь взяться за дело. Если ты хочешь вправить ей мозги, если только на самом деле хочешь, наломай ей разочек бока и увидишь, как быстро она вернется в свою бабью шкуру! Ты ее слишком много слушаешь: женщина всегда ошибается, запомни это, сынок!

Когда он смеялся, его кустистая борода топорщилась, как свиная щетина. Казалось, дыхание, вырывающееся из его клокочущей глотки, способно было сорвать с деревьев редкие, трепещущие зеленые листики. Гальдар скромно вторил ему. Ничто не выводило его из меланхолии, этого омута, в котором смешивались потерянные надежды, едкая горечь и тревога о завтрашнем дне. Он чувствовал презрительное к себе отношение, которое тщетно пытались скрыть его новые товарищи, и не только воины, но и земледельцы и скотоводы. Что же до черных охранников, то кто мог догадаться, о чем они думали? Только рядом с Ошем, верным другом, чувствовал он облегчение. Он никогда ему не жаловался, но тот догадывался, как мучил его эгоизм Доры, понимал, что их союз распадается, если он вообще когда-нибудь существовал. Однажды Гальдар спросил:

— Ош, как ты думаешь, что такое любовь?

— Это самое прекрасное и самое ужасное одновременно, это самый надежный способ стать и счастливым, и несчастным. Она, как море, приветлива и коварна, спасительна и губительна. Я знал людей, умерших от нее.

— Ты любил когда-нибудь?

— Я все еще влюблен. Взгляни на мою возлюбленную. (Он показал на серую воду.) Все остальное меня мало волнует. Один месяц стоянки на берегу, и я начинаю тосковать и в конце концов снова ухожу в море. Море! Я знаю, что однажды я стану его жертвой, но какое это имеет значение? Лучшей судьбы нечего и желать.

— Что ты имеешь в виду?

— Бывает любовь, способная исковеркать любую великую судьбу. Иногда герой перестает быть героем только потому, что, рискуя жизнью, рискует потерять и ласки любимой женщины.

— Ты намекаешь на меня?

— Не сердись, Гальдар. Ты другое дело. С тех пор, как мы вернулись в Посейдонис, ты уже исторг из себя любовный яд, эту сукровицу, которая чуть не отравила тебя.

— Чуть не отравила меня?

— Да, но будь уверен, этому временному затишью скоро придет конец. Что-то должно произойти. Не вечно же тебе нести вахту у дверей Орика.

— Ты говоришь то же самое, что и Дора.

— Но цель у меня другая.

— Неужели мое нынешнее положение хуже, чем тогда в Посейдонисе или на нашей скамье гребцов?

— Дверь Орика — это такая же неволя, как и покои Доры. А вот на борту галеры твоя душа жила по-настоящему. У тебя были другие масштабы...

Он положил ему руку на плечо, как он делал это в прежние времена.

— Успокойся, нет ничего постыдного в том, что тебя унижает тот, кто мельче тебя, от этого даже можно получить настоящее удовольствие.

— Я не считаю, что Дора мельче меня!

— По-моему, она и сандалии тебе завязывать недостойна! Пройдет время, и ты еще будешь смеяться над тем, как по доброте душевной возился с ней.

— Как бы мне не пожалеть об этой деревне, где нас ничто больше не разделяло.

— Где вас все разделяло.

— Ты несправедлив.
— Может быть. Но ничто не может избавить тебя от твоего жребия, даже постоянство твоего к ней чувства.
— Прекрати свои проповеди.
— Ну, иди, беги к ней! Не оставляй ее одну, она ведь так тебе дорога... Но не забывай о том, кто все видит! О том, чье имя никто не осмеливается произнести вслух. Он не чета кельтским или атлантским божкам. Они требуют крови, значит, они не боги, а демоны. Религия, не проповедующая братскую любовь, есть обман и мрак. А Он придет, как радость и свет, в момент тяжкого испытания. Он — истинная любовь. Это Он спас корабль, зажег радугу, прислал птицу мира. Ты думаешь, все это произошло ради Доры? Ради любовных утех с нею? Ради прозябания в этой деревне?
— Я стараюсь не задавать себе этих вопросов. По-моему, все было бы прекрасно, если бы...

— Если бы Дора была способна на нежность?
— Она не может так быстро забыть о своем прошлом.
Берега вокруг корабля побелели от снега, вода обкатывала льдинки. Белыми были холмы и соломенные крыши. Все укрыл чистый, мерцающий снег, искрящийся под бледными солнечными лучами. Только деревья и кустарники сгустками яркой рыжины расцвечивали это белое царство. По низкому небу тяжело летали вороны. Да и сам корабль, стоящий посреди этих молчаливых холмов, окруженный бело-рыжей тишиной, был похож на большую птицу, черную с золотом, окоченевшую от холода, с круто загнутой шеей и сложенными крыльями.

5

Наконец наступила весна, пригрело солнышко, появилась зеленоватая листва, пробилась нежная травка, дни понемногу, несмело становились яснее, хотя иногда и клубились еще туманы. Начали ворковать и петь птицы. Наступала весна, в чьи обещания мы разучились верить, чьим чарам мы больше не поддаемся, чья нежность уже не врачует мятущиеся сердца. После долгих месяцев серости голова идет кругом от этого внезапного возрождения, от этой жизни, кипящей, трепещущей на суше и на воде! Природа пробуждается от долгого зимнего сна, от своего длительного молчания! Можно замереть, расстегнув наконец ворот, и вдохнуть это счастье! Птицы начинают летать резвее, а рыбы быстрее плавать... Что же принесла весна беженцам из Посейдониса? Двойное было у них ощущение: к Орику прибыли два всадника.

Их прислал Граллон своему вассалу. Им было поручено как можно быстрее встретиться с принцессой Дорой, дочерью Нода, наследницей Атлантиды. Это были богато одетые чужеземцы, надменные обитатели Юга.

— ...Досточтимая принцесса, чародеи Тартесса, нашей столицы, провозгласили, что ты жива и невредима, нашла убежище на кельтских берегах. Десятерым вельможам было поручено незамедлительно отыскать тебя, мы одни из них. Вчера нас принимал наш давний союзник царь Граллон. Хвала Посейдону, величайшему из богов, это действительно ты!

Они опустились на колени. Дора поднялась со своего папоротникового ложа, поправила волосы. Ее черты преобразились. Она достала из шкатулки свой нагрудник из бирюзы и золота, надела его и в один момент вновь стала царственно-безразличной и значительной.

Гальдар почувствовал, как его веки обожгло огнем. Каждая частичка его существа пришла в волнение, ощущая приближение решающего момента.

— Досточтимая принцесса, — продолжал один из атлантов, — император Нод мертв, и флот его погиб. Но в тот же день стихия уничтожила и флот Фореноса-пеласга. Тартесс, твой город в Иберии, не пострадал. Его мощь не была поколеблена, и отныне у него нет соперников. Мы сохранили верность тебе. Наш губернатор послал гонцов во все

сохранившиеся земли: в Ливию, страну кельтов и гипербореев, чтобы отыскать Доримаса или его славную сестру Дору.

— Доримас умер еще до катастрофы.

— Какая удача, что мы видим тебя, и нашей радости нет предела! Согласна ли ты последовать за нами? В нашем распоряжении великолепные лошади, постели, повозки, золото, многочисленные сопровождающие, которых временно разместил у себя этот царь-дикарь, по нашему мнению, явно теряющий разум: он называл тебя то Дайю, то Дорой.

— Я никогда не была в Тартессе.

— Он был построен по схеме Посейдониса с круговыми укреплениями. Расположен на берегу широкой и глубокой реки. Ее долина плодородна, она окружена высокими горами. Город процветает благодаря торговле золотом, оловом, пряностями и жемчугом с Востока...

— Его губернатор, наш господин, — продолжал второй атлант, — враждует с некоторыми местными богатыми семействами, желающими завладеть властью. Твой приезд положит конец этим распрям и предотвратит распад Иберии.

— Ему тридцать лет...

— Тридцать лет, — повторила она с улыбкой, впервые осветившей ее лицо с тех пор, как она прибыла в эту деревню.

— Его дворец станет твоим дворцом. Ты будешь желанной и почетной гостьей. Нет никакого сомнения в том, что Тартесс и подчиненные ему земли сразу же признают тебя императрицей. Власть нашего губернатора померкнет перед твоим могуществом; он мечтает лишь о чести облобызать твои ноги.

— Как и мы все!

— В свободное время он музицирует и пишет фрески.

— Ему нет равных, — добавил второй, — в управлении на арене колесницей, запряженной восьмеркой лошадей! Никто, даже самые известные колесничие Иберии, не могут тягаться с ним на скачках.

— Но только ты, свет очей наших, только присутствие твоей августейшей персоны может укрепить его власть. Он говорил: «Гром небесный, морские силы могут уничтожить целые народы и царства, но не августейшее семейство. Если вы найдете принца Доримаса, подарите ему этих коней...»

— Я ведь уже сказала, что принц умер.

— ...А если это будет славная принцесса Дора, пусть она соизволит принять от моего имени несколько ничтожных шкатулок с драгоценностями, благовоениями и тканями, недостойными ее. И да заступятся за меня ваши языки перед ее великолепием!..

— Известно ли ему, что случилось с Атлантидой?

— Наши разведывательные суда — в твоей власти, досточтимая принцесса, Тартесс станет повелителем морей, и перед его могуществом померкнет даже воспоминание о Посейдонисе! Итак, наши суда, как я говорил, исследовали место, где раньше находилась Атлантида. Там из воды выступают лишь вершины самых высоких гор, они пусты. Все остальное затоплено водой. Но, повторяю еще раз, сохранился Тартесс и вся Иберия с частью Этрурии.

У того, который говорил больше, были толстые губы, большие глаза и курчавые волосы, как у Нода.

— Каково твое решение, принцесса?

— Да будет Тартесс новой столицей империи атлантов, и да затмит его красота красоту Посейдониса!

— Принцесса, наша царица и повелительница с сегодняшнего прекрасного дня, дары, о которых я говорил тебе, — знак нашей преданности, — находятся во владениях царя Граллона, там же и наши товарищи. Я надеюсь, что при помощи этого властителя-дикаря мы восстановим наши морские пути в края, богатые металлами. Когда ты пожелаешь отправиться в путь?

— Немедленно.

Гальдар слушал, скрестив руки на груди, по своей странной привычке, но не мог унять дрожь.

— Собери чернокожих охранников, — сказала она ему.

— Это не составит труда.

— Что же касается корабля, спасенного по воле Посейдона, — вновь заговорил курчавый, — то я советую тебе уничтожить его, чтобы эти варвары не завладели им и не построили себе такой же.

— Нет! — ответил Гальдар.

— Ну, ладно, пусть он идет к Тартессу морем, — примирительно усмехнувшись, молвил тот.

— Принцесса, твои стражи последуют за тобой, поскольку они принадлежат тебе. Но твой покорный слуга, Ош и трое матросов — свободные люди.

— Ты потерял разум?

— Они просят тебя в награду за добрую и верную службу отдать им этот корабль. Он не имеет никакой ценности, он, как и мы, утомлен странствием.

— Но зачем он вам? Он ведь не на ходу.

— Мы поищем другого пристанища.

— Гальдар!

— Зачем лгать друг другу?

Один из послов прервал его:

— Досточтимая царица, не только этот корабль выстоял во время того ужасного урагана. Многие из твоих сановников и судовладельцев из Посейдониса нашли пристанище в Тартессе со своими семьями и богатствами. Они не перепутали Иберию с этими дикими кельтскими берегами. Правда, у них был отборный экипаж и опытные капитаны.

Гальдар не принял вызова. Он чувствовал себя слишком уставшим. Им овладела безысходная печаль. Минуту спустя — слишком поздно! — Дора прошептала:

— Почему у тебя такое лицо? Ты же знаешь, что ничего не изменилось.

И тут же вслух она сказала:

— Хорошо еще, что нам удалось спасти царские регалии!

Он пожал плечами. И тогда она вспыхнула:

— Тебя оскорбляет, что я счастлива? Счастье так близко, а ты бежишь от него. Тебе хорошо, лишь когда всем плохо?

— Мне хорошо, лишь когда торжествует правда. Выбирай между золотом и мной.

— Поторопись-ка уложить эти сундуки!

— Выбирай!

— Не сходи с ума. Жить с Ориком и этими рогатыми идиотами?!

— Мы отправимся в путь... но в разные стороны. Ты — к славе и любимому образу жизни. Я — в море.

— Как хочешь.

— Дора, если бы ты захотела, если ты захочешь... Но есть этот губернатор, который щиплет лютню, правит скаковыми лошадьми и торгует всем, даже собственной душой, — как истинный атлант! Идеальный супруг для королевы! К тому же ему тридцать лет. Возраст — большая сила!

— Довольно!

Он повернулся к ней спиной и пошел прочь.

— Гальдар! Прими хотя бы немного золота... в знак памяти.

Он не ответил. Он уходил в своих черных доспехах, со склоненной головой. Никто не видел, как катились по его лицу горячие слезы. Сторожам он просто сказал:

— Собирайте свое обмундирование и пожитки. Ваша повелительница вновь обрела царство. Вы поедете с ней.

Они безмолвно повиновались.

Когда Дора со своим эскортом и двумя посланниками покидала деревню, все ее жители

вышли посмотреть на это зрелище. Орик протянул Гальдару лук.

— Убей ее. Так велит закон. Иначе ты потеряешь право носить оружие.

Гальдар указал на корабль:

— Я действительно недостоин жить среди вас: я тоже уйду.

— За ней? Ты пес или мужчина? Куда ты пойдешь?

— Не ведаю.

6

Оша, предпочитавшего море всем земным возлюбленным, охватила странная дрожь, когда корабль, выйдя из затопленной долины, заскользил грудью по лезвиям волн. Ему не помогало даже то, что он столько лет провел гребцом, «пропахивая» море, и столько пережил за эти годы. Он не мог унять беспричинный озноб. А ведь эти волны были лишь мирным дыханием старого Океана! Его хваленая страсть к морю не способствовала душевному равновесию. Вместо радостного ощущения, на которое он настроился («Друзья, наконец-то мы вышли в открытое море; жизнь прекрасна, когда под ногами чувствуешь отличное судно!»), его охватило смутное предчувствие, сковавшее все тело цепями суеверного страха. Странное дело: три его товарища по плаванию ощущали то же самое; тяжелое путешествие не укрепило их; напротив, оно пробило в их душах бреши, через которые в них вошли непреодолимые страхи и подозрения, осмеянные ими самими еще час назад. Они уже спаслись один раз, но у них внезапно возникло такое чувство, будто они снова кидаются в эту пропасть, но теперь уже безвозвратно.

Лишь Гальдар был уверен в себе, во всяком случае, избавлен от этих страхов. Он держал кормовой руль и всматривался в пустые дали.

Ни паруса, ни клочка земли, только морская гладь, поднимающаяся и опускающаяся в бесконечном ритме, оживляемая легким кружевом пены и желто-мраморными вкраплениями ракушек, силой вырванных из густых зарослей себе подобных, тянущихся в самых глубинах Океана. Небо было окрашено цветными полинявшими пятнами, налетающими друг на друга, а сквозь них просвечивал бледный диск истощенного солнца.

Чайки долго и беспорядочно летели за кораблем, провожая, его криками. Но теперь он продолжал свой путь по водной пустыне в гордом одиночестве, плыл черным пятном по этому колышущемуся покрывалу, собирающемуся в складки, и вплоть до ажурной линии горизонта бежали по нему неверные тени. Цветные пятна облаков плыли над ними. Корабль рассекал их светлым отсветом своего паруса. Посреди этой бесконечности он был похож на что-то неуместное и смешное, как какая-то жалкая, никому не интересная, забытая вещь! Тишина, нависшая кругом, была ни с чем не сравнима по своей весомости и угрозе, скрытой в гудящих порывах ветра и шуме разрываемых форштевнем волн.

Гальдар казался счастливым, но он не был счастлив. Слишком сильное унижение пережил он перед отплытием, чтобы так быстро оправиться от него, и без конца вспоминал подробности всего пережитого.

Несмотря на оказанные им услуги и сделанные подарки, он отправился в путь под улюлюканье Орика и его тупых воинов. Улюлюканье перешло в вой, издавая который многие из жителей деревни извивались в насмешливом танце, что вызывало общий хохот. А ветер уже надул паруса, и корабль заскользил по озеру.

Хижина, удалявшаяся от него, — только над ее крышей сейчас не курился дымок, — могла бы стать приютом огромного счастья. В ее бревенчатом полумраке, у сложенного из плоских камней очага, на скромном папоротниковом ложе могла бы свить гнездо «светлокрылая любовь»!..

Каждый глухой удар сердца возвращал Гальдара ко времени, прожитому в деревне: приезд, первая беседа с Ориком, первая ночь в хижине, разочарование Доры, безнадежность, горечь, ненависть, превращенная бедностью в видимость взаимной нежности, богатой

расточаемыми и полученными утхами, безудержной тягой к любовным удовольствиям — признакам притворной любви! Дни, отягощенные враждебными поступками, непростительными словами, язвительной иронией! Каким темным и уродливым становилось любимое лицо тогда!

Почему не последовал он за Дорой! Ведь не все еще было потеряно. Во дворце Тартесса их любовь могла бы возродиться, хотя бы ценой каких-то компромиссов! Разве нельзя идти на компромиссы из-за слабости или жалости к любимому человеку? Нет, этому счастью не суждено было сбыться! Слишком много было губительных, искажающих его воспоминаний! Кроме того, существовал еще этот губернатор, которого Дора собиралась обольстить, принцы и богатые люди Иберии, новый двор с его иерархией и невыносимыми условностями! Снова все ради власти: уловки, уступки. Невозможно было после всех перенесенных лишений, после того, как божественное провидение спасло их от урагана, опять погружаться в эту суету, и, как тогда, в Посейдонисе, украдкой пробираться ночью в покои царицы, вновь утвердившейся в своей власти...

Он вспоминал рассказ царя Граллона, которого Дора высокомерно назвала сумасшедшим, потому как была не в состоянии понять, что воспоминания и угрызения совести рождают потребность в чистоте бытия, ибо бедный человек не всегда утончен в своих чувствах. Все звучали в его ушах страшные слова: «Брось ее! Брось ее! Ты несешь за спиной живое воплощение своего порока!» — так кричали остальные. И он понимал, что и он с момента своего приезда в Посейдонис с принцем Доримасом, в роскоши императорского дворца, в наслаждениях в белой комнате, на корабле, измученном грозой и штормом, и даже когда блеснула радуга и прилетела птица мира, и в отчаянии дней, проведенных в хижине, — повсюду он нес за собой «живое воплощение своего порока». Только имя ему было не Дайю, а Дора. И он тоже избавился от греха, отверг его, как дерево избавляется от сгнившей ветки, и таким образом возрождается к жизни. Но кто знает, не больно ли дереву в этот момент?

Он вцепился в весла руками, покрытыми вздувшимися венами. Корабль, подгоняемый бризом, плыл по безграничному морю.

«Владыка мира, ты, стоящий над остальными богами и чье имя никому не известно, ты, истинный господин, куда ты ведешь меня? Я прошу тебя, избавь мое сердце от впившихся в него шипов. Пойми, я всего лишь человек, не ведающий, куда ведет его Господь, но приемлющий его волю без возмущения...»

И все же понемногу живое пространство Океана привело его в состояние необъяснимой радости. К нему пришла уверенность, что он возвращается на свой путь, но не через тесную калитку, а через победные врата, увенчанные молочно-белыми облаками, а под ногами у него волнующее, таинственное мерцание волн. Радость, охватившая его, граничила с грустью, так велика была ее значительность. Это была радость человека, нашедшего свой путь и не пытающегося уклониться от него.

— Куда ты плывешь, Гальдар? — спрашивали его встревоженные и обеспокоенные матросы.

— Наберитесь терпения.

— Запасы кончаются, а на горизонте ничего не видно, мы устали, у нас нет сил! Что ты ищешь? Атлантида погибла. Признай свою ошибку, и поплыли в другую сторону.

— Посланцы Тартесса утверждали, что горы Атлантиды затоплены и стали островами. Туда мы и плывем.

— Посмотри, небо темнеет, ветер крепчает. Наш корабль не сможет выстоять в бурю. Он, как и мы, устал и износился изнутри и снаружи.

— Это просто наступает вечер. Небо надолго освободилось от гроз. Море тоже благосклонно к нам.

— А наша усталость не в счет? Мы несем службу втроем, а вы с Ошем меняетесь у руля.

— Трех матросов достаточно для одного паруса в такую погоду. Идите есть, я разрешаю вам взять двойную порцию.

7

Так они плыли двадцать дней под одним парусом, а Гальдар с Ошем сменяли друг друга у руля. Они плыли по солнцу и звездам. Невидимый страх стал их постоянным спутником. Носовой фигурой был крылатый гений смерти. У них оставалось всего два бочонка с провизией: один с тухлой водой, другой — с прогорклым салом. Поэтому, когда они заметили вдали стаю птиц, а затем и темные очертания скал, на корабле началось всеобщее ликование. Но по мере приближения к незнакомой земле их воодушевление уступило место отчаянию.

Перед ними уходили в недостижимую высь острые горные уступы, образованные огромными разломами, в которых клочкотала и бурлила вода. Не было ни одного места, куда можно было бы пристать без риска сразу же потерпеть крушение. Белые пенистые буруны вскипали там, где таились под водой рифы. Пришлось лавировать, подыскивая в открытом море удобное для стоянки место, иначе течение сносило корабль к берегу.

Два дня блуждали они вокруг острова, пытаясь причалить. Когда же они наконец высадились, надежда окончательно покинула их. Его населяли лишь птицы: множество птиц, спасшихся от бури, пернатые различных видов, всевозможных размеров, разнообразных расцветок. Появление людей не взволновало их. Разве не они хозяева этой опустошенной земли? Они покрывали плотным слоем все пики. Их клекот заглушал шум волн и далекий, нестройный шум прибоя. Стайка птиц облачком поднялась с мыса, острием вонзившегося в океанский простор. Она опустилась на корабль, стоящий на рейде. Сотни клювов принялись ожесточенно долбить палубу, трепать мотки пеньки.

— Назад, на корабль, — сказал Гальдар. — Этот остров проклят.

— Он прав, — подтвердил Ош, — эти прожорливые твари все порушат. Как мы потом все починим, чем? Скорей!

Но трое матросов отказались следовать за ним:

— Плевать нам на твой корабль, старый морской конек. Он нам осточертел, и ты вместе с ним!

— И Гальдар тоже!

Они смеялись над двумя друзьями, бросившимися в воду и поплывшими к кораблю. Они вопили:

— А у нас будут фрукты и свежее мясо. Жрите сами свое сало и подохните от него. Прощайте и попутного ветра!

Один из них поймал пролетавшую рядом птицу и с яростным криком свернул ей шею. Остальные последовали его примеру, повторяя со смехом:

— Кому надо вкусного свежего мяса?

Ош и Гальдар поднялись на борт. Схватив весла, они начали отгонять птиц, клевавших палубу и цеплявшихся за тросы. Внезапно они услышали душераздирающие вопли, и увидели, что их товарищи отбиваются от сотен хлопающих крыльев и жадных клювов. С вершины горы начали слетаться стервятники.

— Они погибли, — сказал Ош, — нет! Оставайся здесь!

Он вцепился Гальдару в запястье. Трудно было поверить, что после многих лет испытаний в этом старом теле было еще столько сил, что в этих глазах все еще горел огонь, в усталом сердце жила скупой мужская нежность!

— Мы ничего не можем для них сделать. О, боже! Взгляни на это!

Стервятники нападали на более слабых птиц, врезаясь в их массу. Многие птицы поднимались в небо с клочьями окровавленного мяса. Один из матросов, вырвавшись из этого облака перьев, подбежал к обрыву, прыгнул в пустоту, разбился об острые скалы, и его искалеченное тело так и осталось висеть над бегущими волнами. Ош и Гальдар видели, как

черные птицы опустились на его труп и разодрали его, оспаривая друг у друга останки несчастного. На скале белели дочиста обглоданные кости двух других матросов и два выдолбленных черепа. И все это время стервятники пикировали из облаков, с высоты на галдящую тучу мелких птиц. Трое матросов были разорваны в один момент. А в небе уже снова хлопали крылья, и клювы щелкали в поисках новой добычи.

— Подними парус, — сказал Ош. — Уже пора! Если они на нас нападут, спрячемся в трюме. Давай скорей. Я возьму шест...

Хлопанье парусины испугало птиц, но ненадолго. Тщетно отбивался от них Гальдар, они все равно атаковали корабль, и количество их росло вместе с их агрессивностью.

— Береги глаза! — кричал Ош.

Но когда корабль прошел через узкий пролив и лег на правый борт, птицы успокоились и по одной оставили корабль. Они не были морскими птицами, терялись от близости воды. Их крылья не находили привычной воздушной поддержки. Наступление ночи, скорость, с которой двигалась эта деревянная штука, пенистые брызги, приводившие в беспорядок их оперение, — все это пугало птиц. Их заостренные силуэты растворились в сумраке, покрывшем море. Единственным источником света в этом царстве ужаса были фосфоресцирующие существа, населявшие глубины моря.

— Сядь на весла, — сказал Ош. — Я больше не могу... Кажется, я ранен.

Он улегся на палубе. Гальдар бросился к нему.

— Это нестрашно. Возвращайся к веслам. Правь в открытое море. Эта земля проклята... А потом на юг.

Когда взошла полная луна и осветила черную полосу берега на горизонте, Гальдар поправил весла, зажег фонарь и поспешил в каюту. Ош тихо стонал. У него было множество запекшихся от крови ран на голове и одна открытая на шее.

Он умер на следующий день. Но прежде, чем началась агония, он нашел в себе смелость сказать:

— Плыви все время на юг, собрат мой по несчастью... На юге горы тоже были очень высокие, может, даже выше этих.

— Эти горы были остатками моей родины.

— На юге, на той же высоте, находились плоскогорья, но климат там мягче. Ты найдешь там деревья, траву...

— Я поплыву на юг.

— Не теряй надежды... Ты близок к цели.

— Я верю тебе.

— Раньше я думал, что ты будешь править каким-нибудь царством, я был наивен, а разум мой несовершенен... А ты все повторял: «А если я хочу просто быть человеком?» Но ведь такой, как ты, человек и есть настоящий царь?

— Возможно.

— Потому что он сам себе хозяин?

— Да, брат. Не волнуйся так, а то у тебя откроется кровотечение.

— Так все и будет... Ты завоеешь право на покой!..

Его глаза горели нестерпимо ярким блеском.

— О чем ты, брат?

— Вдали от поселений, в первозданной бедности, ты обретешь этот покой...

— Что ты еще видишь?

— Люди... Ты будешь царствовать... О, да, ты будешь царствовать!.. Из твоей груди вырастет белое дерево... На нем — множество голубок с переливающимся разными цветами оперением... ни одной хищной птицы... ни одной! Только голубки...

Он с трудом повернул голову и добавил:

— Я уйду из жизни счастливым, потому что все так и будет, и я шел рядом с тобой верным путем... Брат, ты бросишь мое тело в море.

— Нет!

— Тебя все равно принудит к этому зловоние от моего трупа... Не грусти. Мы еще увидимся... Плыви на юг... все время... на юг!

А затем свершилось то, что неотвратимо для всего живого: смерть начала свою работу, сжала холодной рукой непокорное сердце, и существо, только что трепетавшее и мыслившее, превратилось в прах, подхваченный ветром вечности. Он достойно завершил этот поединок, и, когда жизнь в нем наконец угасла, Гальдару показалось, что и он сам измучен нестерпимой болью. Столько раз этот старый человек не только возвращал ему надежду, но и помогал разобраться в себе самом. Этот голос, так часто упрекавший его, был ему настолько знаком, что стал как бы голосом его собственной требовательной совести. Его глаза наполнились слезами, но кто их мог сейчас увидеть: разве что море да Бог, у которого пока еще не было имени...

Океан не стал могилой старого моряка, как он того пожелал перед смертью. Гальдар не мог расстаться со своим товарищем. Он медленно и старательно зашил его в парусину, оставив открытым лишь лицо. Так ему казалось, что Ош все еще жив и рядом.

Начиналось последнее испытание. Сначала одиночество показалось ему таким невыносимым, давящим и мучительным, что захотелось сдаться и лечь на палубу рядом со своим другом и заснуть таким же непробудным сном. Но, склонившись над его застывшим лицом, Гальдар ощутил сначала жгучий стыд за свое малодушие, а потом — прилив жизненных сил. Он подсчитал, что если он поймает несколько рыб, то их вместе с имеющимся запасом сала и воды должно хватить дней на десять...

Он продержался гораздо дольше. Ему пришла в голову счастливая мысль выставить на палубе бочонок и другие емкости на случай маловероятного ливня. Вечером прошел слабый дождь, и это спасло его от жажды. Он нашел в трюме сеть, и море не поскупилось на улов. Он пытался устроиться, насколько мог. Но силы были на исходе. Он чувствовал, как нарастает слабость, как вялость стягивает его жилы, и ничего не мог с этим поделать. Это свое состояние он воспринимал не как освобождение, но как неизбежную милость: оно облегчало его душу и охлаждало жар его сердца.

Целые дни, час за часом, он наблюдал за облаками, плывущими над обтрепанным и разорванным птичьими клювами парусом, несмотря ни на что, все еще выполнявшим свою функцию: облака становились легче и светлей. Порой он смотрел на монотонно бегущие вдоль форштевня волны. Или пристально всматривался в лицо умершего друга. Но настал час, когда ему пришлось накрыть его, чтобы не было видно его разлагающейся, покрывающейся мраморными прожилками кожи, вид которой приводил Гальдара в отчаяние.

«Плыви на юг... все время... на юг», — приказывал ему голос умершего, все еще звучащий в его ушах.

Он тщательнейшим образом выверил курс корабля. Потом вдруг перестал следить за курсом и предоставил кораблю плыть по воле волн. Жизнь его становилась все короче, а душа — все темнее. Он воспринимал это свое состояние без протеста или отчаяния, даже старые печали покинули его. Отныне он ощущал себя пустым, как эта скорлупка, на которой он плыл. Зрение тоже тяготило его; перед его глазами возникали видения: стервятники, от которых он отбивается ударами весла, берега, созданные силой его воображения и населенные несуществующими созданиями, башни и обелиски Посейдониса, скрытые под толщей прозрачной воды. Ему мерещилось среди раковин золотое сверкание Великого Храма и металлический блеск укреплений. Потрескавшимися губами он бормотал:

...Так однажды будет:
Защебечет птица
Златовратый город
Из воды восстанет...

Обретет пристанище
Солнце меж светилами...
Там, где рыба дремлет, вырастет пшеница.
Вместо блеска раковин запестреют фрукты,
Бриз вздохнет вечерний,
Заколышет пальмы;
Значит, к ночи ночь и день ко дню вернулись...

Он не улавливал больше смысл этих слов; он просто вспомнил их звучание. Для его сердца и разума они значили не больше, чем ветер или плещущаяся о борт вода. Они даже не будили больше воспоминаний о маленькой рабыне из Сосновой виллы. Ее нежное лицо стерлось из его памяти.

8

Как всегда на заре, дурачок заворочался на охапке листьев, служивших ему постелью. Он с серьезным видом всмотрелся в небо, а затем одним прыжком перепрыгнул через спящих в гроте людей, некоторые из которых лежали, обнявшись, и вышел наружу.

Вприпрыжку, как коза, он помчался к морю. Чтобы добраться до него, надо было пройти по круто идущей вниз тропинке, чуть не падая в пропасть и цепляясь за неровности. Но он уверенно преодолел опасный спуск и повернул к пляжу. Пляж представлял собой застывший поток лавы: при соприкосновении с водой он раскололся и поднялся широкими глыбами, которые качались под ногами сумасшедшего. Точным прыжком он приземлился на утес, наполовину скрытый водой, и, скорчившись, сел там, подтянув колени к подбородку. Ветер трепал его спутанные волосы, а он любовался Океаном.

Старое чудище дремало под своей зеленоватой оболочкой, вздыхая и постанывая, как человек. Вода тихо плескалась между камнями, и казалось, будто во сне оно украдкой целовало этот остров, сжатый в цепких объятьях его огромных шевелящихся рук. Легкая рябь от дуновений ветра морщила переливчатую гладь моря. Над проливом нависало серо-зеленое марево со следами ночной темноты. Густая чернота прибрежной скалы перемежалась с бледными наплывами лавы. Каменистый берег, более светлого оттенка, уходил в море вытянутыми полосами, напоминающими по форме органы трубы...

На самой линии горизонта, ниже облачной завесы, начинало разгораться зарево. Грива безумца поднималась, как от электрического заряда. Казалось, его и без того выпуклые глаза с красными прожилками сейчас выскочат из орбит. Он вытянул тощую шею. На его жалком лице отражалось напряженное внимание. Каждое утро вот так же он ожидал восхода! Первый красный лучик робкой кистью окрасил море, дотянулся до утесов, и на них тоже заиграли отсветы зари. А затем из моря поднялся пылающий шар и зажег все кругом. Загорелись облака; окрасились черные скалы и вулканические глыбы. Дурачок вздрагивал, хлопал в ладоши, издавал радостные восклицания. Трижды он простирался ниц, окуная в морскую пену свою бесформенную гриву. Вдруг он выпрямился, встал, задрожал, искривил жалобно рот, указывая пальцем в сторону солнца. На фоне раскаленного диска четко вырисовывался дерзкий силуэт. Что-то двигалось по Океану в сторону берега!

Он вскарабкался вверх по скале, подбежал ко входу в пещеру, постоянно оборачиваясь назад и показывая на черное пятно на морской глади. Спящие с трудом пробуждались. Возвращения сумасшедшего служили им сигналом к пробуждению; а еще они странным образом передавали им ощущение уверенности в завтрашнем дне. Этот день еще ненадолго продлял им жизнь. Они перенесли столько лишений и несчастий, их преследовало чувство опасности и собственной вины, поэтому блаженный был их единственной надеждой! Они считали, что Высшее Божество сохранило им жизнь в награду за его чистоту, что его ежедневные любования морем на скале спасут их от божественного гнева, потому что его душа чиста от скверны. Но, услышав его странные выкрики, увидев бурную жестикуляцию и

испуганный взгляд сквозь густые пряди волос, все вскочили и со страхом окружили его.

— О, горе нам! — вскричала жрица Фаина. — Сжался, о великий Посейдон!

Безумец не мог изъясняться членораздельно, он только высовывал длинный, дрожащий язык между мокрыми толстыми губами и качал головой, как старичок. Остальные столпились вокруг него, их было около тридцати, одетых в козлиные шкуры и лохмотья. Длинные, спутавшиеся волосы, морщинистые веки, впалые, бледные щеки, затравленный вид этих людей красноречивее любых слов говорили об их жизни. Одна из женщин, единственная сохранившая красоту, взяла дурачка за запястье.

— Не дрожи так, — сказала она. — Не кричи... Ты что, не узнаешь Ико? Посмотри на меня. Я — Ико, твой друг...

Он заскрежетал зубами. Струйка слюны стекала по его подбородку с торчащим кустиком волос. Он поднял свое уродливое лицо к солнцу. Ико гладила его по руке без отвращения, даже с какой-то нежностью и заботой.

— У! У! — загудел он.

От этого жалобного звука становилось не по себе.

— Несчастье! Несчастье! — пронзительно кричала Фаина, протягивая к дневному светилу костлявые руки со скрюченными пальцами, похожими на когти.

Дурачок тащил Ико к скале, то вцепляясь ей в рукав, то приплясывая вокруг нее, постоянно указывая на море и испуская крики. Один из мужчин, широкоплечий, наклонился и поднял камень.

Показался треугольный контур скалы. Золотистые волосы Ико и темная копна волос сумасшедшего выделялись на светлом фоне воды. Между очертаниями их голов виднелся покачивающийся корабль.

— Это один из наших, — заметил широкоплечий, — на борту никого нет! Корабль мертв!

Восходящее солнце превратило волосы Ико в сеть из чистого золота. Казалось, что светится не горизонт, а ее нежное лицо.

— Я вижу человека в шлеме и доспехах. Он полулежит на палубе.

— У! У! — стонал безумец.

Он спрятал лохматую голову у девушки на груди. Шкура, служившая ей одеждой, не могла скрыть стройность ее фигуры.

— Я тоже его вижу, — сказал крупный мужчина.

— Я тоже!

— Смотрите!

Корабль круто развернулся. На один миг стал виден его единственный пассажир. Блеснул остроконечный шлем. Стоявшим на берегу показалось, что человек пошевелился, пытаясь дотянуться до кормовых весел. Корабль снова вильнул бортом, словно стараясь избежать встречи с этим негостеприимным берегом. У людей в шкурах вырвались крики. И, будто повинувшись тайному зову их сердец, нос корабля повернулся к ним. Потом корабль снова отнесло от берега, но он вернулся, и так происходило несколько раз. Наконец судно решительно поплыло к берегу. Уже видны были реи и обшивка, настолько разрушенные, что корабль можно было принять за обломки, принесенные течением или пригнанные ветром.

Фаина качала своей кукушечьей головой:

— Это еще в тысячу раз хуже! Корабль-призрак! Несчастные, то, что вы видите на борту, не человек: это заблудшая душа. Она блуждает повсюду и находится во власти сил тьмы. Но почему она пришла к нам? Почему? О! Горе нам...

Ико прервала ее:

— Нет, это живой человек. Он ищет, где причалить.

Вставало солнце. Оно осветило фигуру коня на носу корабля, металлические части его обшивки, с которых гроздьями свисали ракушки, и мачту в форме трезубца. Без сомнения, это был корабль из Посейдониса, и новость вызвала всеобщий восторг! Значит, обитатели острова не были единственными, кто пережил катастрофу? Позолоченный конь на носу

корабля потерял челюсть и часть гривы. Замысловатое украшение на корме было полностью разрушено. Непонятно, каким чудом это судно еще куда-то плыло под обрывками паруса! Кроме того, на палубе виднелось что-то, завернутое в коричневую материю.

Человек поднял увенчанную шлемом голову. Люди на берегу испугались. Их затравленные взгляды беспрестанно переходили со сверкающего шлема на рассекаемую форштевнем воду. Тем временем корабль подходил все ближе и ближе, как будто извергаемый чревом Океана и всасываемый скалистой сушей. Никто не решался пошевелиться. А сделать что-то надо было, хотя бы попытаться, без посторонней помощи корабль мог сесть на рифы...

Поздно! Тишину разорвал страшный треск, его подхватило горное эхо. Форштевень вздернулся вверх и заскрежетал о вулканический берег. Корабль почти полностью поднялся из воды и замер под грохот, похожий на орудийные залпы. Упала начисто сметенная с палубы мачта. Трещала обшивка. Человек на корабле закрыл руками лицо, пытаясь защититься, и больше не двигался.

Ико решительно кинулась к вившейся вокруг скалы тропинке.

— Ну, вы идете за мной?

Они еще колебались. Она крикнула им:

— Он же терпит бедствие! Мы должны ему помочь!

Они наконец решились и начали карабкаться на опасной тропе. Только Фаина оставалась на месте и, склонившись над пропастью, без устали что-то бормотала, беспокоясь за жизнь своих соплеменников. Медлительность, с которой Ико в сопровождении сумасшедшего передвигалась к обломкам корабля, приводила старуху в нетерпение, и она начала подгонять ее жалобными криками. Человек в шлеме убрал от лица руки.

Человек смотрел на кучку столпившихся вокруг его судна дикарей. С трудом он признавал в них представителей своей расы, соотечественников. Так вот во что превратил божественный гнев могущественных атлантов, повелителей морей, хозяев мира: он низвел их до примитивного уровня тех народов, которым атланты раньше сами несли цивилизованность, обнаруживая их поселения. Они были еще более жалкими, чем обитатели кельтской деревни, чем простодушные воины Орика! Он вглядывался в каждое из этих кошмарных лиц, выражавших лишь стыд и страх. Он хотел что-то сказать им, но был слишком слаб, сердце его билось слишком быстро, кровь слишком сильно стучала в одетые золотом шлема виски. Ему было трудно даже чуть-чуть пошевелить веслами. И все же, дрожа от напряжения каждым мускулом, он встал на ноги. Люди, увидев, что он высок ростом, инстинктивно отодвинулись подальше от него, на месте осталась лишь Ико. Дурачок с криком отбежал в сторону. Человек посмотрел на мрачные, облитые лавой утесы, на возвышающиеся кругом остроконечные горы, лишенные какой бы то ни было растительности, хотя бы одного пятнышка зелени, указывавшего на то, что эта земля живая. Затем с трудом, мучительно медленно он двинулся вдоль палубы, пытаясь удержаться на ногах. Кожаные ремни свисали вдоль его худых, покрытых соляной коркой ног. Его доспехи были украшены изображениями двух морских коньков, между которыми сияло солнце с человеческим лицом. Его плащ, застегнутый на пряжку в форме трезубца, был порван, золотой шлем помят. У него были седые волосы и длинная борода.

— Кто ты? — спросила Ико.

Он хотел ответить. Но утесы заплесали у него перед глазами. Взгляд застилал туман, в котором сливались очертания Ико и ее соплеменников и кружились в неистовом хороводе море и солнце. Ноги его подкосились, и он рухнул, как срубленное дерево. Через секунду все, крича и толкая друг друга, бросились на корабль, но тут же с не меньшей поспешностью повернули назад и окружили Ико, пытавшуюся расшнуровать доспехи незнакомца. Он плавал с трупом! В старый парус был завернут труп!

— Но он-то жив! Давайте унесем его.

Они унесли его вчетвером. Ико поддерживала отягощенную шлемом голову. Когда они

с огромными предосторожностями добрались до площадки, старуха принялась ощупывать безжизненное тело, не переставая при этом причитать:

— Я же вам говорила! Вы принесли нам несчастье! Это демон, исторгнутый Океаном! Это тень человека, посланная, чтобы уничтожить нас, всех до единого...

— Замолчи! Это человек из плоти и крови, как и мы. Он истощен долгим плаванием и потерял сознание. Его плавание было страшным и одиноким!

Старуха не соглашалась:

— Откуда ты это знаешь, бедная дуручка?

— Его корабль износился.

— Ты слишком много возишься с дурачком, вот и набралась от него глупостей. Теперь уже корабли разговаривают?

Ико улыбнулась светло и нежно. Остальные голосили, кричали или беспричинно хохотали во все горло, а она все еще сохраняла способность улыбаться, может, потому, что была молода, а может, и потому, что не потеряла твердости духа.

Широкоплечий мужчина нетерпеливо спросил:

— Ну, так что мы решаем?

— Мы будем его лечить и выхаживать.

— А когда он выздоровеет, — просипела старуха, — что он будет делать?

— Кто знает?.. — мечтательно ответила Ико.

Дурачок вновь появился перед входом в пещеру: вход в нее был украшен огромным камнем с гранатовыми прожилками, стоявшим на двух естественных опорах. Он легко вспрыгнул на площадку, пробился сквозь толпу и тоже дотронулся до человека в шлеме. Прекратил завывать. Брови его сошлись на переносице, глаза сощурились, губы растянулись, обнажив неровные зубы: он вторил улыбке Ико. Это всех приободрило. Люди направились ко входу в пещеру, сопровождая четверых носильщиков. За ними, бормоча, следовала Фаина. Дурачок подпрыгивал от радости, как собака, возвращавшаяся в свою конуру. Слышались разговоры:

— Это точно один из наших.

— Он из Посейдониса.

— Судя по пряжке и поясу — важный человек.

— Вельможа из дворца?

— Может, принц из дома Нода. Посмотри на изображение у него на доспехах: солнце, два морских конька. Он, наверное, из царской семьи!

— Будь он царем или царским сыном, у него была бы свита и руки не были бы такими грубыми. Ты не на доспехи смотри, а на его пальцы.

— Это капитан, потерявший экипаж, может, даже адмирал!

— С такими мозолями?

— Во всяком случае, — сказала старуха, — пока это еще один лишний рот, а у нас и так еды еле хватает. Знать бы, выживет он или нет?

Ико молчала. Она смотрела, не отрывая взгляда, на это лицо с опущенными веками и чувствовала себя удивительно и необъяснимо счастливой.

9

Они ухаживали за ним как нельзя лучше, сперва сдержанно, прячась от самих себя, затем с азартом, соперничая друг с другом в усердии. Присутствие незнакомца пробуждало в них качества, которые они уже давно в себе похоронили: любознательность, изобретательность, инициативность, сострадание и уважение друг к другу. Теперь им хотелось действовать, и будущее виделось им совсем в ином свете. У них появилась цель жизни и темы для разговора. Отныне они принадлежали не окружающей их серости, а самим себе.

Широкоплечий набрался смелости и исследовал ту часть острова, куда еще никто не

осмеливался проникнуть после стихийного бедствия: он обнаружил там зеленую, укрытую от ветра долину, где росли молодые деревья и бродило огромное стадо коз. Опьяненный собственным успехом, он принес с собой соты и козленка. Другой привел с собой послушных овец с выменем, полным молока. Еще один, большой любитель собирать ракушки, соорудил вилы и загарпунил ими крупную рыбу. Так продолжилось чудо возрождения этих исстрадавшихся душ. Им казалось, что какой-то невидимый доброжелатель поселился на их острове, направляя каждое их движение, поступок или мысль. Теперь уже не дурачок будил их, а плодотворные идеи: «Сегодня пойду по такой-то тропе... Вернусь в такую-то долину... А почему бы не сделать рыболовный крючок из кости: немного терпения, и все получится!.. А не проверить ли расставленные капканы? Пожалуй...» Дурачок, как ни странно, больше не ходил на утес любоваться морем и солнцем; он тоже бродил по горам. Однажды он нашел цветы. С тех пор, как затонула Атлантида, это были первые цветы, которые они видели: нежные белые венчики на длинных гибких стеблях. Ико с почти религиозным восторгом собрала их в букет и поставила в кувшин у изголовья больного. Все это, вместе взятое, таинственным образом рождало в людях надежду. В то время как немногие выжившие все с большим и большим трудом цеплялись за жизнь, у них неожиданно появился источник существования — огромные немеренные богатства: ведь еще не все долины были исследованы, и теперь было совершенно ясно, что они выживут. Фаина больше не толковала о «демоне, исторгнутом Океаном». Она, напротив, утверждала, что создания, «появившиеся с восходом солнца», безусловно, являются «Его посланниками». Она желала как-то оправдаться за свои мрачные предсказания, поэтому, склоняясь над телом незнакомца, бормотала:

— Ты действительно сын божественного Солнца, не будь я Фаина.

Потом она клала свои когтистые руки Ико на плечи и провозглашала:

— Да хранит тебя Бог, маленькая служительница Солнца! Не теряй надежды, дитя мое, тебе воздастся за страдания.

Благодаря незнакомцу, они вновь обрели прежние привычки. Похоронили мертвеца с корабля согласно обряду, а не бросили в море, как делали это раньше со своими умершими. Кроме того, они обнаружили на борту множество сундуков с инструментами, ножницами, обсидиановыми зеркалами и бритвами. Женщины вновь смогли причесываться, а мужчины — подстригать бороду.

Беспамятство незнакомца сменилось комой, а затем — лихорадкой, хорошо еще, что он получал достаточное для поддержания жизни количество пищи. Порой его мучила нестерпимая боль, но ни одного стога не вырывалось из его уст. Тогда Ико вытирала струившийся по изрезанному морщинами лбу и седеющим вискам пот, Она следила, чтобы он не сбрасывал с себя покрывало. Она без конца натягивала на него шкуры, самые лучшие, какие смогла найти. Она готовила ему пищу, спала подле него. Часто можно было видеть, как при свете масляной лампы, подвешенной на изогнутый выступ скалы, она, облокотившись на край кровати, внимательно смотрит на это резкое, властное лицо воителя, доброе и мужественное одновременно; изможденность его лица лишь подчеркивала его суровое благородство, чуть великоватые уши указывали на принадлежность к «высшей расе» атлантов, цвет глаз напоминал своей изменчивостью и неуловимостью море, а иногда его взгляд горел отсветом какого-то внутреннего пламени и тогда становился устрашающе неподвижным.

Незнакомец не разговаривал и не отвечал ни на один вопрос. Его молчание обескураживало. Люди начинали сомневаться, понимает ли он их язык и настоящий ли он атлант. У Ико не было сомнений на этот счет. В моменты, когда сознание возвращалось к нему, она ловила в его взгляде настойчивость и слишком красноречивую, хотя и мимолетную выразительность. Однажды, когда в пещере, кроме них, никого больше не было, она рискнула спросить:

— Господин, скажи мне, кто ты?

Он вновь опустил веки, и на лице его отобразилась такая грусть, что она забеспокоилась, сожалея о допущенной ею неловкости. Он почувствовал ее волнение сквозь тьму, в которую было погружено его сознание, и взял Ико за руку мягким и одновременно властным движением.

В тот же вечер она доверительно сообщила остальным:

— Трудно вообразить, что ему довелось перенести.

— А мы?

— Ему было гораздо хуже, чем нам. Он плавал долгие месяцы. Я это точно знаю. Прежде, чем пристать к нашему острову, он потерял товарища. Вряд ли кому-нибудь удастся вынести то же, что и он.

— Что он искал?

— Остатки Атлантиды.

— Это он тебе сам сказал?

— Он еще скажет. Когда он окрепнет, к нему вернутся память и дар речи. Но уже сейчас я могу ругаться, что он необычный человек.

— Он сын Солнца, светлый умом, — заклинала Фаина, — я сразу это поняла. Ах, хорошо бы знать, откуда он прибыл!

— Его спина исполосована шрамами. В какой битве получил он эти страшные раны? Или его пытали? В нем чувствуется неодолимая смелость. Он выживет. Он все вспомнит. Я обещаю вам это...

Казалось, дела идут на поправку, но ему еще не хватало сил, чтобы встать на ноги, кроме того, он все время молчал, и это все больше и больше беспокоило Ико. Однажды, когда забили одну из коз, ей пришла в голову мысль напоить его теплой кровью. На следующий день он смог подняться и, опираясь на плечо Ико, с трудом поплелся к прибрежным скалам. Никто не проронил ни слова. Даже дурачок вел себя спокойно. Когда незнакомец увидел, что осталось от его корабля, из его груди вырвался глухой стон. Все решили, что он сейчас потеряет сознание. Но он овладел собой и приказал:

— Спускаемся.

— Это слишком опасно. Может, позже?

— Сегодня! Помогите мне!

Это было непросто. То он шел сам, то его несли Ико и самый сильный из мужчин; в конце концов, они все же добрались до корабля, обошли его и поднялись на борт. После короткого осмотра он сказал:

— Увы! Шпангоуты не выдержали. Корабль не починить.

— Ты что, хотел снова уплыть? Тебе плохо с нами?

— Корабль мог бы нам пригодиться.

Он помрачнел и добавил:

— Что стало с моим товарищем?

— Мы похоронили его на восходе солнца, согласно ритуалу. Место мы тебе покажем.

— Да воздастся вам! Это был мой самый близкий друг.

При звуках его громкого и четкого голоса у всех родилась одна и та же мысль: «Голос вождя!»

— Так кто же ты?

— Меня звали Гальдар.

Они не знали, кем он был, какой титул носил в те счастливые времена, чем занимался. Они были совершенно уверены, что он был важной персоной.

— Откуда ты?

— Издалека, собратья по несчастью, очень издалека!.. Дайте время, я разберусь в своих воспоминаниях. У меня все перепуталось.

И он дотронулся до лба. Никого не удивляло, что он вдруг так сразу начал говорить. Они со жгучим нетерпением задавали вопросы:

— Господин, ты плыл из Посейдониса?

Его лицо потемнело:

— Почему «господин»?

— А твой ремень, знаки на твоих доспехах, пряжка твоего плаща?

— Ну и что это доказывает?

— Ты был хозяином этого судна?

— Да... Но раньше... раньше я греб... Я был гребцом.

— Гребцом?

— Если хочешь, каторжником.

— В твои годы?

— Я не стар. Это море выбелило мои волосы.

— Господин, как ты нашел наш остров?

— Я же тебе уже говорил, что не следует так называть меня.

— Почему?

— Потому что, когда я был гребцом и надсмотрщик хлестал меня плетью, я очень хорошо усвоил, как много значит прекрасное право называться человеком, и с тех пор мне не нужно другого имени! Не понимаете? Я хочу быть человеком среди себе подобных, среди равных, я хочу стать вашим братом.

Ико смотрела на рубцы, исполосовавшие его широкую спину, и рыдания подкатывали к ее горлу.

— Ты долго нас искал?

— Да. Как же вы спаслись?

Ико ответила:

— Мы, бедные, всеми забытые горцы, жили на самом юге архипелага империи атлантов. В ту великую, ужасную ночь, когда разъяренное море затопило внизу города и долины, мы собрали наших коз и ушли в горы по только нам известным тропам. Мы забирались все выше и выше!

На самом верху наши козы сгрудились вокруг нас, и так мы простояли до самого утра под стон земли и небес. А когда наступил день, то осталась только эта скала, а позади нее шумел Океан. Все исчезло: и города, и деревни, и порты, и корабли.

— К счастью для нас, — сказала Фаина, — мы обнаружили пастбища и эту пещеру, служившую убежищем древним людям. Но многие из нас умерли, и, самое главное, все дети. С тех пор здесь никто не рождался. Животные размножаются, а женщины и мужчины бесплодны. Так мы и угаснем один за другим, и на острове останутся только козы.

Ико спросила:

— Неужели и вправду спаслись лишь мы и ты?

Гальдар ответил ей неопределенным жестом.

— ...А кто спас тебя?

— Об этом я расскажу сегодня вечером.

— В наших краях, — заметила старуха, — обычай велит рассказывать о своих приключениях тому, кто дал тебе приют. Так повелось еще с тех времен, когда у нас были дома, чердаки и погреба, постель для усталого путника и доброе вино, чтобы у него развязался язык!

— Мои соотечественники были горцами с Севера. Они так же, как вы, любили принимать странников и слушать их, а пламя очага и кувшины с вином согревали их. Так они, жившие в глухих местах, по-своему открывали мир. Расскажите мне еще о той страшной ночи, о том, как вы жили потом. Сегодня вечером, братья мои...

В тот вечер у бедных изгнанников впервые за все время после катастрофы был праздник. Они, по своему простодушному разумению, приготовили праздничную еду, удвоили количество светильников и затянули вход в пещеру звериными шкурами, чтобы укрыться от поднимающегося ветра. За едой они перешептывались:

— Сейчас он заговорит! Сейчас...

— Братья, — начал он, — сейчас, находясь среди вас, я чувствую себя почти счастливым.

Но, говоря это, он смотрел на Ико.

Когда он закончил свой рассказ, она взяла его за руку и со слезами поцеловала ее.

— Я, — сказала она, — я буду той женщиной, которая не разочарует тебя, которая видит свое счастье в том, что она может помочь тому, кого любит, что она ждет его, что страдает за него...

Всем, даже Фаине, пришлось по душе эти слова.

— Конечно, если ты захочешь, — добавила Ико с прелестной застенчивостью, и глаза ее засияли, как два солнца!

— Так будьте же вместе! — заключила Фаина под всеобщий гул одобрения.

В ту же ночь Ико обнажила свое тело для Гальдара. Она дала ему то, что он считал невозможным, ведь до сих пор он знал лишь тело Доры. Любовь Ико совсем не была утонченным наслаждением! Она была всеми наслаждениями сразу, и пахла вечностью.

И все же до рассвета его требовательная душа так и не нашла ответа на свой вопрос:

«О Ты! Чье имя никто не смеет и не умеет назвать, ответь: неужели предметом моих исканий суждено стать обычной женщине? Ответь мне, о, Господи...»

— А на следующий год, — рассказывала пожилая дама с Канарских островов, — день в день, перед небольшой группкой людей жрица Фаина совершала обряд посвящения Восходящему Солнцу новорожденного. Это был первенец Ико и Гальдара.

Она замолчала, неподвижно глядя на известковую стену.

— От них, — продолжала она, — и пошел народ древних гуанчей. Высшее Божество наконец постигло их и сняло свое проклятие. Вскоре появились и другие дети. Мужчинам и женщинам, считавшим себя бесплодными, был возвращен дар продолжения рода. Остров стал многолюдным. И все считали, что этой небесной милостью они обязаны Гальдару, «сыну божественного Солнца». У нас ходит предание, что по окончании этого обряда, предвосхищавшего современное крещение, широкоплечий почтительно обратился к Гальдару: «О, любезный господин, позволь в этот прекрасный день назвать тебя так, ибо мы признаем тебя таковым и выбираем тебя своим главой! Ты первый отец Новой Атлантиды, будь нашим глубокочтимым господином, ибо боги вернули тебе мужскую силу. Мы будем твоими братьями, но ты, который перенес столько, дай нам законы, продиктованные твоим сердцем и опытом».

Я спросил у нее, что же сделал Гальдар.

— Он согласился. Затем он построил наши первые города, этот — один из них и носит его имя. Он открыл и другие Канарские острова и умер в глубокой старости. Когда французы и испанцы высадились здесь много веков спустя, они были восхищены порядками, принятыми здесь еще с тех давних пор.

— Он ведь хотел быть простым смертным, а ему пришлось стать царем?

— Царем без короны и дворца и без всяких регалий. Вместо скипетра у него была палка. Земля в его царстве принадлежала всем, и все обрабатывали ее на общее благо... И тогда он наконец понял, почему Господь Бог спас его от гибели и привел на этот остров, какую цель он поставил перед ним: восстановить корни общественного уклада, возродить души атлантов, чтобы сбылось древнее предсказание. Помните? «Но однажды город златоглавый из воды восстанет...»

— Да, он знал это, но был ли он счастлив?

— Нашедший свою стезю всегда счастлив. Взявший свою судьбу в собственные руки становится таким, каким он мечтал стать.

Ее шелестящий голос вдруг обрел неожиданную силу:

— Ибо неоспоримо то, что есть неистребимый человеческий тип, которому не страшны ни ураганы, ни наводнения: эти люди несут миру отвагу и нежность, науки минувших и

грядущих дней и, самое главное, способность к братской любви, без которой любое существование становится недолговечным. Этих людей можно сделать рабами, предать позору, но уничтожить невозможно. Ни они, ни их мысли не пропадают бесследно. Они несут человечеству свет.

Произнеся эти слова, она погрузилась в размышления о минувших тысячелетиях, за этим занятием и настиг ее сон. Благоухали цветы на террасе, и казалось, что из-под мерцающего покрывала ночи доносится пение моря.

Художники Н. Малиновская, Н. Бальжак